Сергѣй Дмитріевичъ
Полетаевъ

ИСТОРІЯ СОСЛОВІЙ

66

РОССІИ.

ЛЕКЦІИ

I СѢМ.

1886/7.

Ордин. Проф.

[illegible]

В. О. КЛЮЧЕВСКАГО.

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURGUÉNEV
9, Rue du Val-de-Grâce = Pari

к 819.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В И ЛЕНИНА
68391-78

E... 2, ...
9, Rue du ... Paris

I.

Предметъ курса.— Понятіе о сословіи. Что такое сословныя права?— Отличіе его отъ привилегіи и служебнаго положенія.— Раздѣленіе сословныхъ правъ на политическія и гражданскія.— Сравнительное значеніе тѣхъ и другихъ для сословій.— Раздѣленіе сословныхъ обязанностей на личныя и вещественныя, на прямыя и косвенныя.—

Предметъ предпринимаемаго мною курса — краткій обзоръ исторіи сословій въ Россіи до изданія сословныхъ грамотъ императрицы Екатерины 1785 г. Я выбираю эти законодательные акты Екатерины конечнымъ предѣломъ своего курса потому, что ими завершилось образованіе русскихъ сословій, начатки котораго кроются въ самомъ возникновеніи древне-русскаго московскаго государства; со времени изданія названныхъ грамотъ сословный строй русскаго общества, или закрѣпленный, въ иныхъ частяхъ только подновлялся, а въ другихъ даже разрушался. Чтобы объяснить программу и цѣль курса, я изложу нѣсколько предварительныхъ общихъ замѣчаній о кругѣ и свойствѣ тѣхъ историческихъ явленій, на которыя будетъ обращено наше изученіе.

Сословіе (ordo или status, фр. état, нѣм. Stand) — терминъ государственнаго права и обозначаетъ извѣстный рядъ политическихъ учрежденій. Сословіями мы называемъ классы, на которые дѣлится общество по правамъ и обязанностямъ. Права даетъ либо утверждаетъ, а обязанности возлагаетъ государственная верховная власть, выражающая свою волю въ законѣ; итакъ, сословное дѣленіе — существенно юридическое, устанавливается закономъ въ отличіе отъ другихъ общественныхъ дѣленій, устанавливаемыхъ условіями экономическими, умственными и нравственными, не говоря о физическихъ. Существенными и наиболѣе осязательными признаками сословныхъ дѣленій слу-

сить разницу прав, а не обязанностей. Довольно простого анализа обоих этих понятий, чтобы видеть, что когда речь идет о сословных разницах обязанностей, то при этом разумеется собственно разница прав: обладая различными правами, классы общества могут нести одинаковые государственные обязанности; но если на них положены не одинаковые обязанности, то они не могут обладать равными правами. Отсутствие у одного класса прав, которыми обладают другие, не увеличивает количества его обязанностей; напротив, свобода одного класса от обязанности, падающей на другие, дает ему больше, хотя и отрицательное право в сравнении с другими. Притом государственные обязанности отличаются неодинаковой тяжестью и, если они разделены между классами, а не падают все одинаково на всех, то их удельный вес дает преимущество менее обремененным классам, позволяя им в потоке юридических отношений держаться выше других. Короче, сословным неравенством прав не обусловливается неравенство обязанностей, но неодинаковые обязанности всегда обусловливают неравенство прав. Значит, обязанность есть случайный признак сословного деления — это объясняется юридическим свойством государственной обязанности: цель государственного союза — защита законно приобретенных прав, государственные обязанности — только средства для этой защиты.

Что такое сословное право? Это есть всякое преимущество, дающееся законом целому классу общества в постоянное обладание. Состав такого класса определяется кругом лиц, удовлетворяющих условиям, в зависимость от которых закон ставит приобретение и сохранение известных преимуществ. Этими признаками, что преимущество дается целому классу общим законом, сословное право отличается от преимущества, даваемого по особому пожалованию отдельному лицу или фамилии. Такое преимущество наз. привилегией. По Уложению 1649 г. лучь высшего купечества в Московском государстве выделялась сравнительно сословных Строгановых, носивших особое звание „именитых людей"; по городовой жалованной грамоте 1785 г.

званіе „именитый гражданинъ" давалось между прочимъ всѣмъ оптовымъ торговцамъ и такимъ капиталистамъ, которые объявляли за собою не менѣе 50.000р. капитала. Преимущества строго новыя были фамильной привилегіей, преимущества „именитыя граждане" — сословныя права. Тотъ признакъ сословнаго преимущества, что оно дается сословію въ постоянное обладаніе, составляетъ его отличіе отъ служебнаго полномочія. Въ составѣ всякаго государственнаго общества рѣзко выдѣляется своимъ положеніемъ обыкновенно очень значительная масса лицъ, служащихъ орудіями государственнаго управленія и суда; каждое изъ этихъ лицъ по своей должности обладаетъ извѣстной долей власти, извѣстными правами, какими не имѣютъ лица, не состоящія на государственной службѣ. Но эти должностныя права существенно отличаются отъ сословныхъ: съ каждою должностью связана особая степень власти, тогда какъ сословныя права одинаковы для всѣхъ лицъ сословія. 2., Служебныя права суть власти и обязанности, которыми должностное лицо не можетъ не пользоваться, пока занимаетъ должность, тогда какъ сословными правами можно не пользоваться, не выходя изъ сословія. 3, Должностныя полномочія даются каждому лицу особо и не могутъ переходить по наслѣдству, тогда какъ сословныя права по существу своему суть потомственныя преимущества и даются всему сословію безъ различія первыхъ пріобрѣтателей и ихъ прямыхъ наслѣдниковъ. Въ обществахъ феодальныхъ нѣкоторыя правительственныя должности составляли наслѣдственную собственность извѣстныхъ аристократическихъ фамилій; тогда онѣ имѣли значеніе фамильныхъ привилегій, но не носили характера сословныхъ правъ. Въ сословныхъ государствахъ сверхъ служебныхъ полномочій, связанныхъ съ должностями, должностныя лица обыкновенно получаютъ еще права, которыя не только не отнимаются у нихъ при отставкѣ, но и переходятъ къ ихъ потомкамъ. Эти права или одинаковы съ правами другихъ сословій, или составляютъ особыя преимущества; въ первомъ случаѣ численность разбивается по другимъ сословіямъ. во второмъ — составляетъ особое сословіе. Такъ по на-

лишь законамъ чиновникъ, дослужившійся до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника или военной, дослужившійся до чина полковника, становятся потомственными дворянами, а лицо, получившее на гражданской или военной службѣ чинъ IX класса или оберъ-офицера, получаетъ званіе личнаго дворянина.

Итакъ сословное право по общему закону, какъ своему источнику, отличается отъ привилегіи, а по потомственности, какъ существенному свойству своего характера, отъ служебнаго помѣстья. Подчиненному положенію, повиновенію, противорѣчитъ одинъ классъ въ составѣ русскаго общества, который носитъ въ сводѣ законовъ сейчасъ упомянутое названіе личныхъ дворянъ (Св. Зак. по изд. 1857 г., IX, ст. 52): по нашимъ законамъ личное дворянство не передается потомству. Но это противорѣчіе заключается не въ самомъ сословномъ законодательствѣ, а только въ сословной терминологіи: личное дворянство собственно не сословіе, т. е. не особый разрядъ дворянства, потому что лишено отличительныхъ дворянскихъ правъ – личные дворяне не входятъ въ составъ личныхъ дворянскихъ обществъ, и при крѣпостномъ правѣ не могли владѣть крѣпостными людьми; это не больше, какъ почетное пожизненное званіе, которому усвоенъ титулъ дворянства не по сходству правъ, а по одинаковости способовъ пріобрѣтенія того и другого званія: какъ личное, такъ и потомственное дворянство пріобрѣтается пожалованіемъ, чинами по службѣ и полученіемъ ордена. Дѣйствительныя права личныхъ дворянъ одинаковы съ состояніемъ такъ называемыхъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ; эти права суть свобода отъ личныхъ податей, отъ рекрутской повинности, отъ тѣлесныхъ наказаній и т. д. Поэтому дѣти личныхъ дворянъ по праву рожденія причисляются къ потомственному почетному гражданству. Итакъ личное дворянство есть разрядъ потомственнаго почетнаго гражданства, отличающійся отъ прочихъ разрядовъ этого состоянія только способами пріобрѣтенія соединенныхъ съ нимъ правъ.

Какія бываютъ сословныя права? Ихъ можно раздѣлить на два разряда – на права политическія и права гражданскія; первыми опредѣляется участіе всего сословія въ государственныхъ

дѣлахъ, вторыми — степень правоспособности каждаго лица извѣстнаго сословія въ его частныхъ отношеніяхъ.

Права политическія можно свести въ такой перечень.

I. Участіе въ общемъ государственномъ управленіи. Оно обыкновенно выражается въ законодательной дѣятельности сословныхъ собраній. Государства, гдѣ это участіе предоставлено одному или нѣсколькимъ, но не всѣмъ сословіямъ, принято называть аристократическими; а гдѣ оно распространено на всѣ сословія, и притомъ въ одинаковой мѣрѣ, тамъ государственный порядокъ можно назвать сословно-демократическимъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ участіе въ общемъ государственномъ управленіи перестаетъ быть отличительнымъ сословнымъ правомъ и становится достояніемъ всего общества. Чаще бываетъ, что вліяніе на государственное управленіе распредѣляется между сословіями неравномѣрно; тогда и при участіи всѣхъ сословій въ государственномъ управленіи политическій порядокъ не теряетъ аристократическаго характера. То различіе, что иныя сословія принимаютъ прямое участіе въ управленіи, т.е. сами являясь на законодательное собраніе, а другія присылаютъ только выборныхъ представителей — это различіе касается конституціонной техники, а не государственнаго права; это вопросъ удобства или необходимости, а не вопросъ сословнаго неравенства.

II. Участіе въ мѣстномъ управленіи. Это право обыкновенно соединяется съ первымъ и служитъ ему опорой, но само можетъ существовать и безъ него. Оно также принимаетъ довольно разнообразныя формы. Гдѣ оно принадлежитъ не всему обществу, тамъ господствующее сословіе завѣдуетъ мѣстными дѣлами и остальнаго населенія. Гдѣ участіе въ мѣстномъ управленіи предоставлено всѣмъ сословіямъ, тамъ оно можетъ имѣть двоякую форму: или каждое сословіе осуществляетъ особнякомъ, вѣдая исключительно свои мѣстныя сословныя дѣла, или эта цѣлая дѣятельность сословій соединяется въ совокупныхъ вѣдѣніяхъ или дѣлѣ, касающемся всѣхъ сословій. На этомъ послѣднемъ двойственномъ основаніи построено мѣстное самоуправленіе въ современной Россіи, гдѣ рядомъ съ мѣстными сословными

собраніями дворянства, духовенства, городскихъ обывателей и крестьянъ дѣйствуютъ еще всесословныя земскія учрежденія, которымъ предоставлено вѣдать нѣкоторыя мѣстныя дѣла всѣхъ сословій.

III. Вотчинное управленіе. Это право состоитъ въ уволенной землевладѣльцамъ судебной и полицейской власти надъ обывателями ихъ вотчинъ. Такая власть дается землевладѣльцамъ обыкновенно тамъ, гдѣ землевладѣніе имѣетъ политическое значеніе, гдѣ къ нимъ соединяются особыя государственныя права и оно потому является прерогативою одного или нѣсколькихъ сословій. Крѣпостное поземельное право обыкновенно соединялось съ такою властью, но послѣдняя и независимо отъ крѣпостного права можетъ быть слѣдствіемъ государственнаго порученія: такъ русскіе землевладѣльцы церковные и служебные въ XV и XVI вв. имѣли такую власть надъ вольными крестьянами, снимавшими у нихъ земли. Такъ же какое вотчинный судъ и полиція не были отняты у остзейскаго дворянства, когда во второй десятилѣтній послѣдняго вѣка его крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости. Вотчинное управленіе надобно отличать отъ участія въ мѣстномъ управленіи: это послѣднее можетъ нафодиться въ рукахъ одного сословія, которому между прочимъ принадлежитъ и исключительное право личной земельной собственности; но участія въ мѣстномъ управленіи не лишены и тѣ лица господствующаго сословія, у которыхъ нѣтъ населенныхъ вотчинъ. Это участіе въ мѣстномъ управленіи есть политическое право, принадлежащее всему сословію независимо отъ того, пользуются ли его отдѣльныя лица остальными правами своего сословія или нѣтъ; вотчинное управленіе есть политическое право, принадлежащее только нѣкоторымъ лицамъ господствующаго сословія какъ слѣдствіе дѣйствительнаго пользованія однимъ изъ сословныхъ правъ, притомъ не политическихъ, а гражданскихъ. Такимъ образомъ вотчинное управленіе имѣетъ характеръ смѣшаннаго права, частью политическаго, частью гражданскаго.

Гражданскія сословныя права въ свою очередь подраздѣляются на личныя и вещественныя. Это раздѣленіе вытекаетъ изъ самаго значенія гражданскихъ сословныхъ правъ. Мы сказали,

кто чем определяется степень правоспособности отдельных лиц-сословий въ ихъ частныхъ отношеніяхъ. Юридическій оборотъ частнаго гражданскаго общежитія слагается изъ двухъ порядковъ отношеній: изъ обязательствъ, т. е. изъ правъ одного лица на дѣйствія другого, и изъ правъ на вещи, вещныя людямъ.

1.) Отсюда слѣдуетъ, что личными сословными правами опредѣляется признаваемая закономъ за лицами разныхъ сословій степень способности входить въ обязательства. Сословное неравенство этой способности основывается на неодинаковой оцѣнкѣ или неодинаковомъ нравственномъ довѣріи закона къ разнымъ классамъ общества. Эта неодинаковая сословная оцѣнка обнаруживается въ томъ, что законъ различно наказываетъ людей разныхъ сословій за одни и тѣ же преступленія, различно караетъ за обиды, нанесенныя лицамъ разныхъ сословій, даетъ неодинаковую цѣну свидѣтельскимъ показаніямъ лицъ разныхъ сословій на судѣ. Изъ этой неодинаковой оцѣнки сословій закономъ вытекаетъ и неодинаковая ихъ обязательственная правоспособность. Такъ въ обществахъ, раздѣленныхъ на свободные и несвободные классы, лица послѣдняго обыкновенно лишаются свободы вступать въ бракъ, покидать свое мѣстопребываніе, вообще стѣсняются въ правѣ распоряжаться своею личностью и трудомъ, нанимаясь на работы, заключать договорныя сдѣлки и т. п.

2.) Изъ указаннаго состава гражданскаго оборота слѣдуетъ, что вещественными сословными правами опредѣляется сословная степень имущественной правоспособности; законъ признаетъ за лицами разныхъ сословій право пріобрѣтенія не всѣхъ видовъ собственности и признаетъ не въ одинаковой мѣрѣ право на одни и тѣ же виды пріобрѣтенной собственности. Говоря проще, не всѣ сословія могли пріобрѣтать въ собственность всякое имущество и не всѣ сословія имѣли одинаковое право собственности на пріобрѣтаемыя имущества. Такъ лишь высшему классу предоставлялось право сельской недвижимой собственности, а при крѣпостныхъ отношеніяхъ — право владѣнія крѣпостными людьми. Крѣпостные крестьяне могли пріобрѣтать и движимое имущество только въ пользу, условную собственность. Нако-

ибо рабы не могли имѣть никакой собственности. Къ сословнымъ различіямъ въ свободѣ пріобрѣтенія собственности обыкновенно соединяется и сословное неравенство въ свободѣ распоряженія ею: одному сословію предоставлялось полное право отчужденія собственности во всѣхъ ея видахъ, какъ и право ея передачи по завѣщанію лицамъ, нисходящимъ и боковымъ родственникамъ, даже сторонними лицамъ; другіе классы пользовались правами отчужденія и завѣщанія въ ограниченныхъ размѣрахъ, напр. могли безусловно отчуждать только движимое имущество, но не могли имъ быть стѣснены въ правѣ отчужденія недвижимости — могли завѣщать имущество только сыновьямъ съ исключеніемъ дочерей, или нисходящимъ съ исключеніемъ боковыхъ родственниковъ.

По самому свойству описанныхъ сословныхъ правъ, политическихъ и гражданскихъ, можно замѣтить, что они дѣйствуютъ неодинаково и имѣютъ различную цѣну для сословій; права политическія осуществляются совокупной или корпоративной дѣятельностью обладающаго ими сословія; права гражданскія приводятся въ дѣйствіе волею и усиліями отдѣльныхъ лицъ. Въ связи съ этимъ объясняется и сравнительное значеніе тѣхъ и другихъ правъ для сословій: сословныя гражданскія права приносятъ прямую, осязательную выгоду каждому члену сословія, расширяя или упрочивая его личную свободу и средства матеріальнаго обезпеченія; права политическія, доставляя всему сословію власть и вліяніе на управленіе, имѣютъ интересъ для отдѣльныхъ лицъ не сами по себѣ, а потому, что обыкновенно служатъ средствомъ расширенія и обезпеченія правъ гражданскихъ. Значитъ, гражданскія права для сословій важнѣе политическихъ; они — наиболѣе существенный мотивъ сословнаго неравенства, направляя цѣль, къ которой стремятся высшія сословія, добиваясь этого неравенства или отстаивая его. Вотъ почему сословныя гражданскія права могутъ дѣйствовать, даже не соединяясь съ политическими, тогда какъ сословныя политическія преимущества при гражданскомъ равенствѣ теряютъ свой смыслъ, и падаютъ или превращаются въ сословныя повинности. Въ такомъ случаѣ участіе сословія въ управленіи покрыто

для него значение обязательного безвозмездного содействия правительству.

Что касается классификации обязанностей, то они, разумеется, все государственные, но их можно разделить, во первых, на личные и вещественные, во вторых, прямые и косвенные. Личная государственная обязанность – это часть личного труда, обязательно удерживаемая в пользу государства; личная государственная обязанность обыкновенно называется повинностью; самая важная из повинностей – воинская. Вещественная обязанность – это часть имущества, обязательно удерживаемая в пользу государства; вещественные обязанности – налоги или подати. Как и другие обязанности можно разделить еще на прямые и косвенные. Прямые обязанности – это жертвы, обязательно приносимые непосредственно государству; косвенные – это жертвы, обязательно приносимые лицами низшего класса не прямо государству, а по поручению государства лицами других классов. Такими косвенными обязанностями были связаны при крепостном праве крепостные владельцы к крепостным сообразно по нашему законодательству: для крепостных крестьян они состояли в обязательных работах и платежах в пользу владельца; для крепостных владельцев они состояли в 1) обязанности по продовольствию и призрению крестьян; 2., в ответственности по взносу крестьянами государственных податей и отправлению или денежных и натуральных повинностей; 3, в обязанности ходатайствовать за крестьян по делам гражданским и уголовным и 4., в ответственности за них во всех казенных взысканиях, как то: штрафах, пошлинах и проч.

II.

Постепенное исчезновение сословных различий — общий факт европейской истории. — Общественный склад, к которому стремится современное европейское государство. — Наследственное неравенство перед законом — основание сословного деления. — Двоякое происхождение сословий — политическое и экономическое. —

Сословное неравенство — историческое явление, исчезающее почти всюду в Европе; сословные различия все более сглаживаются в нравах, оставляя неодинаково глубокие следы в народных преданиях, в привычках и нравах, в распределении собственности. Но с самого возникновения ново-европейских государств, впрочем ещё многих веков, это неравенство было основанием политического порядка и далее в обществах, потом усвоивших более демократический склад в первые периоды их политической жизни можно заметить следы сильных движений в сторону аристократического неравенства. Но с XV века на запад, гораздо позднее на востоке Европы, в уклад и законодательствах обнаруживается стремление к постепенному уравнению сословий. Итак это самый процесс можно заметить и в государствах античной Европы, так что его можно признать общим и повсеместным фактом европейской истории. Если бы было доказано, что он повторялся в политических союзах и других частей света, то этот общий факт получил бы значение исторического закона, который можно было бы выразить в такой формуле: „<u>политическое общежитие начинается сословным расчленением общества и продолжается постепенным уравнением сословий</u>".

Хотя этот процесс завершился далеко не везде в Европе, однако достаточно ясно уже обозначились основные черты того нового общественного склада, какой стремятся принять западно-европейские государства. В пределах сословных обществ отдельная лица не имели непосредственного отношения к государству; перед государством являлись сословия кор-

рація и значеніе каждаго лица въ государствѣ опредѣлялось значеніемъ сословія, къ которому лицо принадлежало. Законодательство начало разбивать эти крупныя и неполныя общественныя соединенія на ихъ первичныя составныя частицы – одинокія лица, отнявъ каждое изъ нихъ въ непосредственное отношеніе къ государству и признавая всѣхъ ихъ одинаково свободными. Но признавая ихъ одинаково свободными, законодательство досель не нашло средствъ сдѣлать ихъ равноправными, потому что досель не умѣетъ одинаково распредѣлить между ними обязанности. При сословномъ неравенствѣ обязанности распредѣлялись между низшими классами по ихъ политическому значенію и потому наиболѣе обременены были тѣ низшіе классы, располагавшіе наименьшими средствами матеріальными и другими. – Положивъ въ основу государственнаго порядка безсословное равенство, необходимо было и развернуть обязанности перенести на новыя основанія; такимъ основаніемъ стало правило: „государство требуетъ съ каждаго въ мѣру того, что даетъ ему." Потребность въ личной безопасности у всѣхъ одинакова; потому самая тяжкая личная обязанность, воинская повинность, положена на всѣхъ, способныхъ нести ее. Нельзя было такъ же поступить съ обязанностями вещественными. Потребность въ имущественной безопасности не у всѣхъ одинакова. Милліонеръ, разбросавшій свои имѣнія по всѣмъ углам государства и ведущій огромныя промышленныя дѣла, гораздо больше задастъ работы правительственнымъ учрежденіямъ, охраняющимъ имущественную безопасность, чѣмъ рабочій, живущій поденнымъ заработкомъ; но по этому же самому милліонера гораздо больше поденщика заинтересовать въ дѣлахъ государства, въ исправномъ дѣйствіи его охранительныхъ учрежденій. Такимъ образомъ вещественныя тяготы должны падать на лица сообразно съ потребностью каждаго въ имущественной безопасности, а степень этой потребности соотвѣтствуетъ его имущественной состоятельности. Такова смыслъ подоходнаго налога, пріобрѣтающаго все бо́льшее господство въ финансовой системѣ Европы. Значитъ, государственная обязанность изъ обязательной жертвы, приносимой одними классами въ пользу

другихъ, превращается въ плату лица государству за услуги, какими первое пользуется отъ последняго. Но съ другой стороны, и участіе въ государственныхъ дѣлахъ сопровождается съ тяжестью государственныхъ обязанностей, падающихъ на каждое лицо и, следовательно, со степенью его интереса въ этихъ дѣлахъ; это участіе выражается въ народномъ представительствѣ. Воинская повинность падаетъ на всѣхъ гражданъ въ возрастѣ, способномъ носить оружіе, потому всѣ граждане участвуютъ въ выборѣ народныхъ представителей. Но они участвуютъ въ немъ неодинаково: посредствомъ извѣстнаго сочетанія подоходнаго налога съ избирательной системой тяжущіе больше имѣютъ и больше весятъ избирательный голосъ. Такимъ образомъ политическій порядокъ, къ какому идетъ современное западно-европейское государство, строится на сложномъ сочетаніи государственныхъ правъ и обязанностей, между которыми посредникомъ служитъ не сословіе, а личный политическій интересъ. Этотъ порядокъ можно представить въ такой схемѣ: Первичнымъ составнымъ элементомъ его служитъ одинокое и свободное лицо, несущее государственныя тяготы въ силу своей потребности въ тѣхъ или иныхъ не нормированныхъ обезпеченіяхъ, какія даетъ государство, и участвующее въ управленіи въ силу тяготъ, какія оно несетъ въ пользу государства. Самый порядокъ состоитъ изъ двухъ параллельныхъ рядовъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ обязанности, а другой - соотвѣтствующія имъ права. Вотъ оба эти ряда: общая воинская повинность и общее голосованіе; подоходный налогъ и личное представительство, развѣтвленное по числу правоспособныхъ лицъ и по количеству платимыхъ ими налоговъ. Благодаря такому сочетанію, современныя европейскія государства представляютъ сложный механическій приборъ, построенный на юридической и экономической сдѣлкѣ, который, соединяя въ одно цѣлое одинокія, разбитыя лица, своей тяжелой дѣятельностью вырабатываетъ имъ благо, носящее на языкѣ западной Европы названіе политической свободы.

Итакъ, современное безсословное государство достигаетъ политической свободы, но оно не достигаетъ политическаго равенства.

Однако это неравенство отличается отъ сословнаго въ двухъ отношеніяхъ. 1, Сословныя общества отличаются строгимъ разграниченіемъ правъ и обязанностей; наиболѣе чистые типы такого общества стремились сосредоточить всѣ права въ одномъ классѣ, всѣ обязанности — въ другомъ. Въ современномъ государствѣ всѣ уравнены въ гражданскихъ правахъ и личныхъ обязанностяхъ, но различаются политическими правами и вещественными обязанностями. 2, Неравенство въ современномъ государствѣ есть неравенство лицъ, а не классовъ; въ сословныхъ государствахъ различались передъ закономъ цѣлыя сословія, но отдѣльныя лица одного сословія признавались равными между собою по правамъ и обязанностямъ. Въ современномъ государствѣ каждое лицо есть своего рода сословіе. Общество разбито на мельчайшія пылинки; сравнительная величина которыхъ трудно уловима невооруженнымъ глазомъ и доступна только микроскопическимъ наблюденіямъ статистики да статистерева органовъ, распредѣляющаго налоги. Эта политическая пульверизація общества есть слѣдствіе отмѣны попомѣстности правъ и обязанностей, на которой держалось сословное дѣленіе. Благодаря этому политическая группировка лицъ въ современномъ государствѣ поставлена въ зависимость отъ ихъ имущественнаго положенія, т.е. предоставлена игрѣ случая и борьбѣ индивидуальныхъ силъ. Политическое положеніе лица въ современномъ государствѣ можетъ представлять непрерывное колебаніе по разнымъ политическимъ группамъ, смотря по его успѣхамъ или неудачамъ въ экономической борьбѣ, измѣняющимъ его имущественное положеніе; тогда какъ въ сословномъ государствѣ политическое положеніе лица опредѣлялось его сословнымъ происхожденіемъ, а не измѣнчивымъ имущественнымъ положеніемъ, генеалогіей, а не цензомъ. Это сопоставленіе новаго складывающагося типа безсословнаго государства съ исчезающимъ сословнымъ, приводитъ къ тому заключенію, что основаніемъ сословнаго дѣленія служитъ наслѣдственное неравенство цѣлыхъ классовъ въ правахъ и обязанностяхъ, а не распредѣленіе лицъ и другихъ по измѣнчивымъ личнымъ состояніямъ, какъ въ современномъ безсословномъ государствѣ.

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURGUÉNEV
9, Rue du ... ace = Paris

Если сословное неравенство есть временное состояние общества, въ эпохи которыхъ бывали времена, когда сословій еще не было, и наступаетъ время, когда ихъ уже не бываетъ, то спрашивается какъ и при какихъ условіяхъ возникаетъ сословное неравенство, вслѣдствіе чего общества раздѣляются на классы съ неравнымъ распредѣленіемъ между ними правъ и обязанностей? Сословное неравенство возникало двоякимъ путемъ. Иногда источникомъ его бывало экономическое движеніе общества въ моментъ образованія государства. Тогда общество дѣлилось на классы сообразно съ разделеніемъ народнаго труда: классы размѣщались между собою родомъ труда или родомъ капитала, которымъ работалъ каждый классъ и сравнительное значеніе каждаго общественнаго класса опредѣлялось цѣной, которую имѣлъ тотъ или другой родъ труда, тотъ или другой капиталъ въ народномъ хозяйствѣ даннаго времени или строя. Но бывалъ и другой порядокъ явленій. Общество подчинялось вооруженной силѣ, аторгнувшейся со стороны или образовавшейся въ немъ самомъ, которая захватывала распоряженіе народнымъ трудомъ. Такой силой бывало или кочевое пришлое племя, или особый классъ, сложившійся въ самомъ обществѣ для его защиты и потомъ завоевавшій защищаемое общество. Въ томъ и другомъ случаѣ общества слѣдовали въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи совершенно различными путями; укажемъ сначала путь, какимъ шли общества во второмъ случаѣ. Вооруженная сила, свое трудовая или пришлая, захвативъ распоряженіе народнымъ трудомъ, сдѣлалась властью, чтобы спокойно пользоваться плодами захвата. Для обезпеченія постояннаго пользованія захваченными экономическими выгодами она не имѣла нужды заботиться о новомъ устройствѣ народнаго хозяйства: она окончательно аторгнулась въ уже сложившійся экономическій порядокъ, съ орудіями въ рукахъ стала у готоваго хозяйственнаго механизма; ей не было нужды вновь заводить хозяйство въ захваченной странѣ. Захвативъ въ свои руки господствующій капиталъ, эта сила только старалась обезпечить себѣ покорное орудіе рабочихъ рукъ, приставленныхъ къ готовому хозяйственному механизму; но чтобы обезпечить себѣ спокойное

обладание захваченными выгодами, сила, став властью, спешила создать известный государственный порядок, помощью которого она, став его движущей пружиной, могла бы распоряжаться родным трудом, не прибегая постоянно к первоначальному своему средству действия – к грубой силе. Вот почему все заботы этой силы обращались на государственное устройство, на выработку системы законодательства, на приспособление к ней организацию сословий, на соответствующее устройство правительственных учреждений. Вопросы права государственного и гражданского, отношения к верховной власти, отношения господствующей силы к другим классам, составляли главные явления жизни в таком обществе. Благодаря тому жизнь общества получала, так сказать, боевой характер: борьба вооруженная сменялась борьбой политической; другие утомлялось в своей деятельности и передавало свое дело закону и работа обеих сил, оружия и закона, направлялась к одной цели — к упрочению обладания властью, а властью дорожили, потому что она доставляла обладание народным трудом. Под влиянием этой борьбы все отношения обострялись, классы и учреждения получали резкия очертания. Сообразно с тем и общество усвоило особую физиономию. Все оно складывалось тогда из основных элементов: с одной стороны стояли победители-господин, с другой – покоренный-холоп. Все общество стремилось раздвоиться на два резко разграниченных класса, из которых один старался усвоить себе все права, навалив другим все обязанности. В великие времена складывались и пробивались промежуточные классы, которые отрывали себе частички прав высшего сословия, платя за них частичками обязанностей низшего. Такой склад, усвоенный обществами, которыя создавались завоеванием.

Иным путем слагался общества, где не вооруженная сила, захватив господствующий в стране капитал, становилась властью и распорядительницей народного труда, а наоборот господствующий капитал страны, овладев народным трудом, создавал из них власть. Господствующий капитал,

движимый или недвижимый смотря по хозяйственным условиям страны, становился источником власти; его операции соединялись с политическими и гражданскими правами; экономические классы превращались в политические сословия. Так как в этом случае влияние на общество приобреталось не силой оружия, жертвой капитала, который не употребляется, как оружие, а требует постоянной деятельности для своего сохранения и роста, то классу, владевшему капиталом, не было нужды стремиться созданием нового государственного порядка, который бы обеспечил его господство. Господство его обеспечивалось не политическими средствами, не хартиями и учреждениями, а экономическими отношениями. Не так в обществах не было нужды завоевывать рабочих: люди сами отдавались тем, в чьих руках скоплялся капитал, кто давал им хлеб, т.е. средство для работы. Все внимание господствующего класса обращалось на устройство народного хозяйства, на расширение простора для деятельности капитала, на приемы и средства эксплуатации естественных богатств страны, на открытие и удержание рынков сбыта. Поэтому вопросы права и государственного устройства становились на второй план и юридические отношения не получали достаточной выработки и определенности. Общество в этом случае слагалось из двух главных элементов: с одной стороны стоял капиталист-землевладелец, с другой — рабочий-должник. Но так как политическое значение распределялось по экономическим состояниям, которые чрезвычайно разнообразны и изменчивы, то общество получало очень дробное деление и чем оно было дробнее, тем слабее было неравенство прав и обязанностей, которыми различались между собою его классы.

Итак сословия имели двоякое происхождение — политическое и экономическое. Сословное деление общества начиналось либо насильственным порабощением его вооруженной силой, либо добровольным политическим подчинением его классу, достигшему хозяйственного господства в стране. Это порабощение или это подчинение устанавливало государственный порядок, сосредоточивало власть надъ обществомъ въ одномъ клас-

съ. Слѣдовательно въ обоихъ случаяхъ сословное движеніе одинаково выходитъ изъ политическаго акта, но источникъ сословнаго неравенства въ томъ и другомъ случаѣ бываетъ неодинаковъ. Въ первомъ случаѣ права и обязанности неравномѣрно распредѣляются по праву силы между властителями и подвластными, во второмъ — по экономическому вѣсу между капиталистами и рабочими. Значитъ, источникомъ сословнаго неравенства въ первомъ случаѣ было различіе политическихъ положеній, созданныхъ порабощеніемъ общества одной классомъ, во второмъ — различіе экономическихъ состояній, образовавшихся еще до политическаго подчиненія общества одному классу. То и другое происхожденіе сословій имѣло неодинаковое вліяніе на характеръ сословнаго движенія: при политическомъ происхожденіи сословій общество стремилось распасться на немногія крупныя части, разобщенныя рѣзкимъ неравенствомъ правъ и обязанностей, тогда какъ сословное движеніе, построенное на неравенствѣ экономическихъ состояній, отличалось большей дробностью частей и меньшей рѣзкостью сословныхъ различій. Этотъ неодинаковый процессъ сословнаго расчлененія можно обозначить такимъ общимъ положеніемъ: чѣмъ рѣзче сословное неравенство, тѣмъ проще сословное движеніе и наоборотъ: чѣмъ слабѣе сословное неравенство, тѣмъ сложнѣе, т. е. дробнѣе сословное движеніе.

III.

Формула, выражающая ходъ уравненія сословій. — Мѣсто сословнаго государства въ ряду преемственно сливающихся общественныхъ союзовъ. — Вліяніе сословнаго движенія на политическій порядокъ. — Историческій процессъ, открывающійся въ исторіи сословій. — Памятники права, какъ единственные надежные источники исторіи сословій. —

Положеніе, сейчасъ высказанное мною объ отношеніи сословнаго неравенства къ дробности сословнаго движенія слѣдуетъ сопоставить съ другимъ общимъ фактомъ, который мы замѣтили, обратившись къ изученію сословнаго строенія общества. — Этотъ фактъ состоитъ въ томъ, что сословное разъединеніе

было устойчивым состоянием общества, что мы отличались вообще первые периоды политического общежития; но достигнув известного напряжения, оно сменялось стремлением к сближению и уравнению сословий. Понятно, что это стремление обнаруживалось раньше и тем быстрее там, где сословия с самого своего возникновения стояли ближе друг к другу и где между ними сословное движение было дробнее. Так как степень взаимного отчуждения сословий и их дробности обусловливается их происхождением, то отсюда следует, что то или другое их происхождение оказывало влияние не только на характер, но и на продолжительность сословного склада общества. Мудрено, с какими упорством в государствах, образовавшихся путем завоевания, сословная разница держались не только против уравнительных идей, но и против открытых нападений низших классов на преимущества высших. Из сопоставления обоих указанных положений можно вывести следующее правило: <u>уравнение сословий идет тем быстрее, чем проще сословное деление и чем реже сословное неравенство.</u> Иначе говоря: скорость сословного уравнения находится в прямом отношении к сложности сословного деления и в обратном отношении к степени сословного неравенства.

Этими тремя положениями обозначается ход сословного строения общества. Политическое общежитие, повторяю, обыкновенно начиналось установлением сословного неравенства и продолжалось уравнением сословий, а успех этого уравнения зависел от большей или меньшей дробности сословного деления и от степени сословного неравенства. Теперь рассмотрим внутренние условия сословного строения, чтобы видеть, какие силы управляли его ходом. Это поможет нам определить влияние сословного склада на государственный порядок.

Чтобы замечать эти условия и силы, надобно припомнить, какое место занимает сословное государство в ряду преемственно сменявшихся общественных союзов. Политическому общежитию, основанному на цели общего блага, предшествовали, как известно, естественные союзы, завязанные кровным родством. В этих союзах не было равенства, но не было и сосло-

вій; имѣ мѣсто занимали возрасты: старцiя составляли правящій классъ, младшіе — управляемое общество. Въ современномъ государствѣ тоже нѣтъ равенства и тоже нѣтъ сословій; ихъ мѣсто занимаютъ измѣнчивыя экономическія состоянія. Наиболѣе вліятельные государству, т.е. наиболѣе состоятельные, прямо или косвенно руководятъ дѣлами государства, а наименѣе состоятельные волей-неволей подчиняются этому руководству. Можетъ быть, и капиталъ утратитъ политическій вѣсъ, уступивъ свое мѣсто другой силѣ, напр. наукѣ, знанію; но крайней мѣрѣ о возможности управлять обществомъ посредствомъ этой силы давно мечтали многіе, мечтаютъ и теперь. Въ государственномъ механизмѣ, который будетъ приводиться въ движеніе этой силой, тогда не будетъ ни равенства, ни сословій; ихъ мѣсто займутъ ученыя степени и въ законодательныхъ собраніяхъ депутаты съ цензомъ очень скоро для делегатовъ ученыхъ обществъ съ дипломами. Каждый изъ этихъ трехъ политическихъ порядковъ построенъ по типу извѣстнаго частнаго союза, который, очевидно, можетъ имѣть въ обществѣ господствующее значеніе въ моментъ построенія соотвѣтствующаго ему порядка. Въ кровномъ союзѣ отношенія классовъ, т. е. возрастовъ, князья, очевидно, съ отношеній поколѣній въ семьѣ, т. е. отца, сына и внуковъ. Прототипомъ современнаго государства цензъ, очевидно, сдѣлаетъ акціонерная компанія: здѣсь политическій вѣсъ имѣетъ зависѣть отъ количества голосовъ, а количество голосовъ, какъ въ акціонерной компаніи, опредѣляется количествомъ акцій. Будущее государство знанія, науки, устроится по образу школы съ раздѣленіемъ на учениковъ и учителей и съ подраздѣленіемъ послѣднихъ на старшихъ и младшихъ. Въ каждомъ союзѣ порядокъ приводится въ движеніе особой силой; въ первомъ такой силой служитъ власть родителей или старшихъ, во второмъ — сила капитала, въ третьемъ — авторитетъ знанія. По какому типу построено сословное государство и какая сила двигаетъ въ немъ отношеніями? Въ немъ легко замѣтить двѣ особенности: 1., наслѣдственность сословныхъ правъ и 2., различіе занятій, обусловливаемое различіемъ наслѣдственныхъ правъ. Наслѣдственность правъ есть

юридический принципъ, выработанный въ кровномъ союзѣ: согласно съ общимъ началомъ этого союза, по которому всѣ отношенія опредѣляются происхожденіемъ, т. е. становятся наслѣдственными, и права, разъ пріобрѣтенныя, переходятъ къ потомству пріобрѣтателя. Эта идея особенно ясно сказывается въ преимуществахъ линіи старшаго сына, какія замѣчаемъ въ кельтскихъ кланахъ. Значитъ, сословное государство — ближайшій преемникъ родственнаго союза. Вотъ его историческій возрастъ, лишь въ процессѣ развитія людского общежитія. Различіе сословій по занятіямъ указываетъ на моменты экономическаго развитія, съ которыми совпадало возникновеніе сословнаго государства. Кровные родственные союзы, соединяясь, складывались въ искусственныя государственныя общества, въ то время, когда начиналось разрѣшеніе труда, когда кровные союзы переставали дѣлать сами всѣ имъ нужное и начиналась специализація занятій. Легко понять, что возникшая отсюда необходимость хозяйственнаго обмѣна между кровными союзами и была причиной искусственнаго соединенія этихъ союзовъ въ государство. Итакъ, наслѣдственность сословныхъ правъ указываетъ на генетическую связь сословнаго государства съ родовыми союзами, а сословное разрѣшеніе занятій есть то новое начало, которое было причиной соединенія родовыхъ союзовъ въ государство.

Согласно съ этимъ началомъ люди въ государствѣ должны были привыкать къ связямъ, которыхъ не знали прежде. Въ кровныхъ союзахъ соотечественниками считались родственники, принадлежность къ союзу разсматривалась какъ неизмѣнное опредѣленіе судьбы, переходъ въ другіе союзы былъ немыслимъ какъ физическая невозможность, какъ перемѣна пола. Въ образованіи государства родственный кругъ разбивался по линіи наслѣдства, по занятіямъ, по общественнымъ состояніямъ, забывая своего общаго предка. Этимъ начинался новый подборъ людей: свои и чужіе начинали различаться не по генеалогическимъ воспоминаніямъ, а по сходству занятій и состояній, правъ и обязанностей по отношеніямъ не къ общему предку, а къ общему государю. Сходство цѣлей, понятій, правовъ, правъ

и обязанностей, разнообразных политических отношений господства создавало существенную связь между людьми — сословный интерес, становившийся на место интереса кровного родства. Эта новая кристаллизация общества сильно действовала на законодательство. Задача закона — примирять частные интересы с общими, на которых держится государственный союз. Мелкие частные интересы, обобщаясь путем сделок или разъединяясь взаимной борьбой, соединяли отдельные лица в крупные группы или разбивали уже образовавшиеся общественные соединения на мелкие части. Руководясь с этого подбора, законодательство или создавало из однородных мелких классов крупные сословия, или крупные сословия делило на мелкие классы, обобщая или дробя развертывающиеся между ними права и обязанности. От этой законодательной распланировки зависело и положение государственной власти. Если общество распадалось на мелкие части, которые никак не могли сложиться в крупные, многие сословия, власть насильственно соединяла их для совокупной деятельности во имя общих интересов. Если в обществе сильно сознание этих интересов, его части по-своим подчиняются объединяющей их власти, потому что не могут ни соединиться все другие против нее по взаимному антагонизму, ни подчиниться одной из частей по слабости каждой из них. Таким образом рознь и дробность общественных групп вели к усилению государственной власти, к развитию политической централизации. Иной ряд отношений устанавливался, когда общество делилось на крупные классы. Государственная власть или пользовалась содействием всех их, если они действовали согласно, или опиралась на одних из них, чтобы подчинить себе других, если они были во вражде друг с другом. В обоих случаях государственная власть принуждена была делиться своими полномочиями с сословиями, но государственный порядок устроялся неодинаково: в первом случае, при единодушии сословий, сословные интересы становились общими интересами государства, во втором — интересы одного сословия поднимались над общими интересами государства и других

государственную власть своими органами. Въ средневековой Европѣ три сословія, призывавшіяся къ участію въ государственномъ управленіи — духовенство, дворянство и бюрократія — представляли особыя государства, между которыми съ прихотливой географической полосой были государственная территорія и работавшее на ней низшее населеніе, такъ что средневековое западно-европейское государство можно назвать федераціей трехъ сословныхъ государствъ, соединенныхъ въ лицѣ короля только династической связью. Это отношеніе сословныхъ дѣленій къ политическому порядку можно выразить въ такомъ положеніи: верховная власть въ сословномъ государствѣ тѣмъ болѣе подчиняется сословіямъ, чѣмъ ихъ меньше и чѣмъ рѣзче они разъединены; иначе говоря: сила давленія сословныхъ интересовъ на общее народится въ обратномъ отношеніи къ дробности сословныхъ дѣленій.

Отсюда можно видѣть, что даетъ намъ, т.е. какія историческія процессы вскрываетъ исторія сословій. Изъ исторіи образованія сословій мы узнаемъ, какъ борются между собою частные интересы, какъ въ этой борьбѣ изъ частныхъ интересовъ вырабатываются нормы обобщенія и примиренія сознанія общихъ интересовъ, или какъ послѣдніе терпятъ крушеніе, разлагаясь на частные. Другой процессъ вскрывается въ исторіи разрушенія сословій. Чѣмъ плотнѣе и замкнутѣе сословіе, тѣмъ сильнѣе сжимаетъ оно отдѣльныя лица своими требованіями, понятіями и правами, сковывая личную свободу. Чѣмъ крупнѣе сословныя группы и чѣмъ неравномѣрнѣе распредѣлены между ними права и обязанности, тѣмъ труднѣе переходъ изъ одного сословія въ другое, тѣмъ болѣе стѣснено лицо въ выборѣ экономическихъ путей, тѣмъ болѣе оно поглощено сословными интересами и тѣмъ труднѣе дается ему сознаніе интересовъ общихъ. Поэтому уравненіе сословій есть одновременное торжество и общаго государственнаго интереса, и личной свободы. Значитъ, исторія сословій вскрываетъ намъ два наиболѣе скрытые и тѣсно связанные другъ съ другомъ исторические процесса: движеніе сознанія общихъ интересовъ и высвобожденіе личности изъ-подъ сословнаго гнета во имя общаго интереса.

И только въ памятникахъ сословнаго законодательства можно уловить оба эти великіе и глубоко скрытые историческіе процесса. Напрасно будемъ искать ихъ ярнаго отраженія въ произведеніяхъ литературы и искусства; эти произведенія — плоды индивидуальнаго сознанія, а въ индивидуальномъ сознаніи явленія общественной жизни, отражаясь, преломляются подъ извѣстнымъ угломъ и историческая критика досихъ поръ не нашла надежнаго способа точно измѣрять этотъ уголъ преломленія. Факты общественной жизни въ сознаніи наблюдателя становятся идеями, т. е. перестаютъ быть фактами и возвращаются въ рядъ постѣдствій, когда облекаются въ законодательныя постановленія. Общество, какъ живое и мыслящее существо, говоритъ своимъ особымъ языкомъ, непохожимъ ни на чей, какимъ выражается индивидуальный умъ. Послѣдній выражаетъ свои идеи логическими понятіями или художественными образами, а первое говоритъ юридическими нормами; поэтому вы не удивитесь методологическому правилу, которымъ я закончу предварительныя замѣчанія свои о цѣли и пріемахъ историческаго изученія сословій и которое вмѣстѣ съ тѣмъ объяснитъ вамъ, почему я въ исторіи сословій въ Россіи буду опираться только на ограниченный запасъ источниковъ: общество сословное или бессословное подобно играть не въ кабинетѣ литератора и не въ мастерской художника, а въ законодательномъ совѣтѣ и судебной камерѣ. Я знаю только одно мѣсто, гдѣ встрѣчаются и объединяются оба эти процесса, изъ которыхъ собственно и слагается вся исторія, — и работа индивидуальнаго ума, и движеніе общественнаго сознанія; это мѣсто — университетская аудиторія.

Изложивъ эти общія соображенія, которыя послужатъ намъ руководствомъ при изученіи исторіи сословій въ Россіи, перейдемъ къ самому предмету изученія.

IV

Скудость литературы по исторіи сословій въ Россіи.– Постановка изученія нашей исторіи въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, какъ одна изъ причинъ этой скудости.– Перечень важнѣйшихъ сочиненій по исторіи русскихъ сословій.– Пробужденіе интереса къ исторіи русскаго общества въ 50-хъ годахъ и связь его съ реформами царствованія.– Научный интересъ историческаго изученія русскихъ сословій.– Общая характеристика сословнаго процесса въ Россіи сравнительно съ западно-европейскимъ.– Медленность и разнообразіе основаній сословнаго движенія русскаго общества.– Періоды исторіи русскихъ сословій.

Изученіе исторіи сословій въ Россіи я долженъ начать короткимъ очеркомъ того состоянія, въ какомъ находится въ нашей литературѣ изученіе этого вопроса. Литература по исторіи сословій въ Россіи является едва ли не самымъ новымъ отдѣломъ въ составѣ молодой русской исторической литературы. Главной причиной этой запоздалости исторіи русскаго общества надобно считать постановку дѣла изученія отечественной исторіи. Послѣ Карамзина въ нашей исторической литературѣ образовались два направленія, которыя, какъ серьезно и наглядно думали сторонники того и другого, существенно отличались другъ отъ друга, далеко исключали одно другое. Одно изъ этихъ направленій обращало преимущественное вниманіе на исторію государства, другое – на исторію общества. Изслѣдователи этого второго направленія, впрочемъ, видѣли не столько процессъ сословнаго расчлененія русскаго общества, сколько самый народа вообще. Народъ – вотъ что составляло предметъ историческихъ изысканій цѣлаго ряда умныхъ и даровитыхъ изслѣдователей и что они считали единственнымъ предметомъ, достойнымъ историческаго изученія. Подъ именемъ „народъ" покрывалось собою общество, а подъ народомъ разумѣли преимущественно или исключительно простонародье. Въ литературѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ образовалась далѣе цѣлая исто-

рическая теорія, которая довольно складно построила всю исторію Россіи не столько на ея дѣйствительныхъ процессахъ, сколько на діалектическомъ развитіи понятія о народѣ, т. е. того значенія, какое придавалось этому понятію. Люди, державшіеся этой теоріи, конечно, не могли не знать, что и въ нашей исторической жизни дѣйствовали общественныя стихіи, которыя никакъ нельзя было бы подвести подъ такое понятіе о народѣ, что и у насъ не такъ называемой массы вождь имѣлъ не дѣйствовали на ея повѣрхности высшіе классы. Изъ затрудненія, въ какое ставились пользующіеся этимъ противорѣчіемъ, они старались выпутаться двоякимъ путемъ. Они или утверждали, что высшіе классы, выдѣляясь изъ народа политически и экономически, какъ это было въ древней Руси, не отрывались отъ него нравственно, имѣли одной съ нимъ вѣрою, проникались одинаковыми другими; или же имѣли довольно увѣренія, что высшія сословія, отрываясь отъ народа, какъ это было со времени Петра, становились противъ народа, являлись отщепенцами, которые измѣняли народнымъ началамъ и, какъ чужеземцы, переставали принадлежать народу, становились чуждымъ фактомъ для его исторіи. При такомъ взглядѣ на общественное расчленіе высшіе классы являлись наростомъ на народномъ тѣлѣ, вредными въ практическомъ отношеніи и бесполезными въ научномъ. Такимъ образомъ исторія общественныхъ классовъ превращалась въ панегирическую или обличительную повѣсть объ отношеніяхъ общественнаго верха къ общественному низу, о спасительномъ единодушіи обѣихъ общественныхъ сословій или о гибельномъ ихъ антагонизмѣ, при чемъ честь единодушія всегда падала на народъ, а отвѣтственность за антагонизмъ возлагалась на высшіе классы. Сообразственно такому взгляду главными источниками изученія исторіи общества выбирались не памятники права, а либо преданія о мирныхъ, пассивныхъ движеніяхъ народа, либо жалобы древне-русскихъ публицистовъ на неправды высшихъ сословій по отношенію къ народу. Въ такомъ взглядѣ, если выкинуть изъ него цѣлыя массы общихъ мѣстъ и положеній, остается много погрѣшностей и прежде всего погрѣшность фригіологическая. Нарость, хотя и нарость, остается орга-

нической частью всякого существа, которая принимает участие въ жизни организма и даже иногда болѣе сильная, чѣмъ нормальная часть организма. Онъ вытягиваетъ соки изъ организма и смотря по состоянію послѣдняго, либо исправляетъ его, либо освобождается отъ вредныхъ соковъ. Примѣнимъ къ этому взгляду было много неосторожностей. Высшіе классы представлялись какъ паразиты народныхъ началъ, враги народа; на ихъ отчужденіе отъ родного народа смотрѣли далеко умный, небывалый періодъ нашей исторіи, начинавшійся дѣятельностью Петра, и весь смыслъ этого періода полагали въ нравственномъ отчужденіи высшихъ классовъ отъ родной массы. Добрые люди, державшіеся этого направленія, сами того не замѣчая, вносили далеко анархическую тенденцію въ свои изслѣдованія; они подобно царю Ив. Вас. Грозному безразлично клали опалу на всѣ высшіе классы, а о простомъ народѣ говорили, что на него гнѣва и опалы нѣтъ. Это, если можно такъ выразиться, домашняя или аристократія доходила даже до нарушенія лойяльности, до политической обиды высшимъ классамъ. Въ виду послѣдніе не могли прокрадываться въ наше общество, а существованіе ихъ вопреки и разрѣшеніе законной верховной власти и ихъ законныя права и положеніе въ государствѣ чрезвычайно точно опредѣлены въ 1.X т. Свода Законовъ.

Серьезный интересъ къ историческому изученію русскихъ сословій былъ пробужденъ не ранѣе или немного ранѣе 50-ыхъ годовъ текущаго столѣтія и всего болѣе возбужденъ былъ этотъ интересъ покойнымъ Соловьевымъ. Его старшіе ученики работали въ указанномъ имъ направленіи и развивали его мысли въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ и трудолюбивыхъ изслѣдованій. Отзвукъ этого новаго пробудившагося интереса слышенъ какъ въ пространной исторіи Соловьева, такъ и въ его отдѣльныхъ статьяхъ. Въ „Исторіи Россіи" Соловьевъ или изслѣдуетъ обстоятельно, или лишь общими чертами отмѣчаетъ ходъ сословнаго расчлененія русскаго общества всюду, гдѣ этотъ ходъ становится условіемъ, и что еще важнѣе, этотъ процессъ поставленъ у него въ связь съ условіями, опредѣлявшими не только въ политической, но по временамъ и въ экономической жизни народа. Очевидность, съ какой

быль пробужденъ этотъ интересъ, вы почувствуете, читая напр. „Историческія письма", одно изъ наиболѣе свѣжихъ произведеній Соловьева, появившееся въ 1858 г. Въ свое время эти письма читались съ большимъ интересомъ и не утратили своего значенія досель. Такое недолгое прочное вліяніе за собою научная обработка исторіи русскаго общества. Вотъ почему нельзя удивляться скудости литературы по этому предмету. Этой литературой, по крайней мѣрѣ всѣмъ, что въ ней заслуживаетъ чтенія, можно овладѣть въ довольно короткое время. Въ пятидесятыхъ годахъ и позднѣе появляются всѣдъ за порядочными для своего времени сочиненіями Плошинскаго „Городское или среднее состояніе русскаго народа" (1852) напечатаннаго въ 1852 г., статьи г. Никитина „особенно его изслѣдованіе „Холопы и крестьяне въ Россіи въ XVI в.", потомъ цѣнная монографія Бѣляева „Крестьяне на Руси", представляющая опытъ полной исторіи этого сословія и особенно цѣнная по обилію неизданныхъ матеріаловъ, въ ней напечатанныхъ, далѣе рядъ очерковъ г. Побѣдоносцева по исторіи крѣпостного права въ Россіи со времени Уложенія. Въ концѣ 60-хъ годовъ было напечатано сочиненіе Пригары „О городскихъ сословіяхъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ," представляющее опытъ исторіи городскихъ сословій не только въ это царствованіе, но и до него. Наконецъ, въ 1875 г. вышелъ I-й томъ сочиненія г. Дитятина „Устройство и управленіе городовъ въ Россіи," представляющій очень хорошо составленный очеркъ исторіи городовъ въ Россіи до XVIII в. и исторію ихъ устройства до* оканчиваемой городовой грамоты 1785 г. включительно. Любопытно, что досель не встрѣчаемъ дѣльной, полной исторіи двухъ высшихъ сословій Россіи — дворянства и духовенства. Есть, правда, два общія сочиненія по исторіи дворянства въ Россіи, изъ которыхъ одно принадлежитъ Яблоновскому, а другое Корнй-Коршицъ, но эти сочиненія заслуживаютъ мало вниманія. Серьезное и трудолюбиво составленное, но спеціальное сочиненіе, излагающее исторію дворянства со времени Петра, принадлежитъ Ковалевскому-Славатинскому („Дворянство въ Россіи"). По исторіи духовнаго сословія есть обширная и дѣльная монографія г. Знаменскаго „Приходское духовенство въ Россіи

со времени реформы Петра". К сожалению, эта монография очень мало касается положения этого класса в древней Руси. Такой пробел в нашей исторической литературе надобно объяснять особенной трудностью и сложностью истории двух этих высших классов. Наконец, совсем не было сделано попытки представить связное изложение истории сословий в России в их взаимодействии. Я знаю один монографический опыт такого рода в „Истории местного управления в России" 1868 г. г. Градовского. Описывая устройство провинций в московском государстве XVI и XVII вв., автор хотел представить положение и взаимное отношение трех основных классов русского общества — служилого, городского и земледельческого. К сожалению, этот опыт остановился на первом томе. Взят почти все, что есть в нашей литературе крупного и ценного по истории общественных классов в России, если не упоминать о разных мелких статьях. Своим курсом я хотел бы несколько восполнить этот пробел, представив короткий и сжатый, более конспективный очерк истории сословий в России в их взаимных отношениях до той эпохи, когда они получили свой окончательный склад.

Понятно, что пробуждение было интерес к истории наших сословий с 50-х годов. Толчком, который обратил внимание любознательных людей на этот предмет, служили сословные реформы минувшего царствования. Эти реформы, особенно одна из них, крестьянская, так глубоко затронувшая положение и взаимное отношение классов русского общества, впервые заставили искать указаний на средства их успешного осуществления в изучении того, как отразилось общество, тронутое этими реформами. Историческое изучение обыкновенно цепляется за сильное движение, обнаруживающееся в обществе, и стремится комментировать то, что становится насущным интересом минуты, дать ответ на вопрос, составляющий злобу текущего дня. Реформы минувшего царствования, особенно крестьянская реформа 19 февраля 1861 г., вскрыли целый ряд неожиданных явлений, которые прежде не подозревались и которые указывали на сложные процессы, переживаемые нашим об-

щества. Люди, занимавшіеся исторіей западно-европейскихъ обществъ, издавна привыкли нѣсколько свысока относиться къ исторіи русскаго общества. Это русское общество представляло собою слишкомъ простымъ по своему составу съ малыми оттѣнками и неформально опредѣленными отношеніями, объединявшими мало начало-получительныхъ данныхъ. Какова была господствующая линія. При поверхностномъ взглядѣ на развитіе русскаго общества можно было найти нѣкоторое оправданіе этой привычки. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ представить себѣ проще того склада, какой имѣло себѣ русское общество напримѣръ въ тотъ моментъ, когда закрывалась глава великій преобразователь Петръ I? На вершинѣ этого общества стояла монументальная верховная власть, сосредоточенная въ одномъ лицѣ, а передъ ней молчала огромная масса темнаго народа, руководимаго по порученію верховной власти земледѣльческимъ классомъ; и между этими двумя сословными стихіями робко ютятся незначительные переходные слои — духовенство, чиновничество, горожане — ютятся, какъ будто ожидая, не придетъ ли кто оправдать ихъ отъединенное и игнорируемое существованіе. Реформа 19 февраля вскрыла крупныя установленія, чрезвычайно сложныя и запутанныя отношенія между разными классами, вывела на свѣтъ такія формы общежитія, какія до этого время ни самое смѣлое воображеніе не могло бы ни представить, ни построить a priori. Все это заставило думать, что и наше общество переживаетъ страшно напряженную работу, которая только выразилась въ наружно простыя и немудреныя реформы. Такъ научный интересъ къ исторіи нашего общества былъ возбужденъ его недавней перестройкой; вотъ почему мы еще такъ мало знаемъ эту исторію.

Между тѣмъ историческій складъ нашего общества, можетъ быть, и сообщаетъ всего больше общенаучнаго интереса нашей исторіи. Этотъ складъ очень своеобразенъ и наблюденія надъ его формами могутъ пригодиться при изученіи какой угодно части исторической науки. Изучая эти сословія, встрѣчаешь отношенія и формы, которыя даютъ много матеріала для приложенія сравнительнаго историческаго изученія. Истинное назначеніе этого исто-

BIBLIOTHÈQUE RUSSE

да состоять, не въ томъ, чтобы искать сходства въ различныхъ явленіяхъ, а въ томъ, чтобы находить различіе въ сходныхъ явленіяхъ. При сходствѣ многихъ явленій нашего и западно-европейскаго обществъ легко замѣтить еще большее особенностей, которыми отличается первое отъ послѣдняго и которыя всѣ можно свести къ одной слѣдующей: сравнительно болѣе ровныя сословныя очертанія и болѣе сложныя общественныя формаціи на западѣ достигались болѣе быстрымъ и простымъ путемъ, тогда какъ болѣе простыя общественныя формаціи въ Россіи создавались процессомъ болѣе продолжительнымъ и сложнымъ. У насъ общественный процессъ всегда сложнѣе, но общественныя формы проще и сословныя очертанія менѣе ровны. Такая особенность нашего общественнаго развитія невольно выводитъ на одно сравненіе. Наше общество, кажется, имѣло путемъ, напоминающимъ наши проселочныя дороги: чтобы имѣ пройти незначительное разстояніе между двумя пунктами, надобно, благодаря извилистымъ пути, сдѣлать столько шаговъ, сколько прибавьте прямой дорогѣ потребовалось бы, чтобы пройти разстояніе вдвое большее.

Эта особенность, замѣтная въ развитіи разныхъ сторонъ общественной жизни Россіи, сказалась всего рѣзче въ исторіи русскихъ сословій. Сословное дѣленіе въ Россіи отличается необычайной подвижностью и измѣнчивостью. Общество нѣсколько разъ дѣлилось и передѣлялось, неоднократно мѣняя свою юридическую физіономію и свой составъ. Слѣдуя за этими измѣненіями, исторію русскихъ сословій можно разсѣчь на четыре періода, въ которыхъ въ каждомъ было свое основаніе сословнаго дѣленія, не похожее на то, на которомъ строилось сословное дѣленіе предшествующаго или послѣдующаго періода. Первая формація русскаго общества, какая намъ извѣстна, обнаруживается въ памятникахъ какъ права XI и XII вв. По этимъ памятникамъ мы видимъ, что общество дѣлилось на двѣ рѣзко разграниченныя и неровныя сословія и первоначальнымъ основаніемъ дѣленія служило завоеваніе или вооруженное давленіе. На этомъ основаніи строилось и держалось общество съ IX до конца XII в. Разсматривая составъ общества въ удѣльные вѣка (XIII, XIV и XV), встрѣчаемъ

другое основаніе, которымъ служилъ хозяйственный договоръ свободнаго лица съ удѣльнымъ княземъ.— Въ періодъ, когда созидалось Московское государство (въ XVI и XVII вв.) основаніемъ сословнаго дѣленія служило различіе государственнаго тягла, развертоннаго между классами общества по ихъ хозяйственнымъ положеніямъ. Наконецъ въ XVIII в. сословное дѣленіе перешло на новое основаніе, которымъ служило различіе правъ, распредѣленныхъ между сословіями по ихъ политическому значенію. Таковы четыре періода въ исторіи нашихъ сословій и таковы основанія, на которыхъ въ каждомъ изъ нихъ строилось сословное дѣленіе. Въ I періодѣ этимъ основаніемъ было завоеваніе или вооруженное давленіе, во II — хозяйственный договоръ съ княземъ, въ III — различіе географическихъ правоспособностей, и въ IV — различіе государственныхъ и гражданскихъ правъ.

V.

Хронологическія предѣлы перваго періода въ исторіи русскихъ сословій.— Завоеваніе какъ первоначальное основаніе политическаго дѣленія общества въ этотъ періодъ.— Военно—промышленное происхожденіе кіевскаго княженья.— Этнографическій и экономическій составъ общества, объединеннаго кіевскими князьями IX и X вв.— Размѣры сословнаго дѣленія общества въ X и XI вв.—

Я обозначилъ границами перваго періода въ исторіи русскихъ сословій конецъ IX и конецъ XII вѣковъ. Политическое расчлененіе общества въ этотъ періодъ держалось на завоеваніи. Но я высказываю это положеніе съ оговоркой. Завоеваніе легло въ основу сословнаго дѣленія общества, но впродолженіе періода это первоначальное основаніе стало осложняться новыми вліяніями, такъ къ концу XII в. стало трудно распознать его въ глубинѣ общественнаго строя русской земли. Чтобы видѣть, какъ положено было это основаніе и какія вліянія начали измѣнять строившійся на немъ сословный отношенія, необходимо бросить бѣглый взглядъ на происхожденіе той политической среды, подъ которой впер-

вые соединились разнародныя части русской земли въ одно полное, мелкое цѣлое. Этой формой было кіевское княжество, возникшее къ концу IX в.

Я такъ представляю себѣ происхожденіе этой формы. Въ VII и VIII вв. по Р. Хр. западная половина восточной русской равнины заселена была восточными славянами. Хозяйственный бытъ населенія въ этой полосѣ направлялся большими рѣчными потоками Днѣпромъ. По этой рѣчной дорогѣ шло давнее и живое торговое движеніе, вызванное и поддержанное еще до Р. Х. многочисленными греческими колоніями по сѣверному берегу Чернаго моря. Въ это торговое движеніе втянулись и славянскія поселенцы въ Днѣпровьѣ. Одно внѣшнее обстоятельство помогло ихъ торговымъ цѣнностямъ. Въ VIII в. Днѣпровье съ южно-русскими степями завоевано было хазарами. Хазарское иго оказало благотворное дѣйствіе на промышленные центры днѣпровскихъ славянъ. Хазары, утвердившіеся въ степяхъ между Волгой и Днѣпромъ, скоро перешли къ оптовымъ промысламъ и открыли своимъ днѣпровскимъ данникамъ свободный проходъ по многолюдственнымъ степнымъ рѣчнымъ дорогамъ. Такимъ образомъ завязались тѣсныя торговыя связи Днѣпровья съ черноморскими и каспійскими рынками. Это торговое движеніе вызвало среди славянскихъ поселенцевъ Днѣпровья усиленную разработку богатствъ русскаго лѣса, преимущественно добычу мѣхового звѣря. Эти торговые центры развили греческое мореходство и русскія ладьи уже въ первой половинѣ X в. господствовали на Черномъ морѣ. Арабскій географъ Масуди, писавшій въ это время, говоритъ о Руси, что она плаваетъ по Черному морю и никто кромѣ нея по немъ не плаваетъ. Слѣдствіемъ этихъ торговыхъ центровъ было появленіе древнѣйшихъ торговыхъ городовъ на Руси по главнымъ рѣчнымъ путямъ западной полосы. Около каждаго изъ такихъ городовъ – Новгорода, Полоцка, Смоленска, Чернигова, Кіева – образовался изъ промышленныхъ поселеній торговый округъ, для котораго городъ служилъ центральнымъ складочнымъ мѣстомъ. Это все факты, перешитые восточными славянами до IX в. Сначала этого столѣтія Днѣпровье испытало рядъ новыхъ переворотовъ, источниковъ которыхъ были

упадок хазарского владычества на Днепровье. Причиной этого упадка было появление на южно-русских степях новой орды Печенегов, которые еще в первой половине IX в. прорвались из-за Волги сквозь хазарские заслоны к Днепру. Эти печенеги стали грозить великой опасностью русской торговле. Хазары не могли более защищать русских купцов на востоке; торговые города Руси сами должны были взять на себя охрану своих торговых путей и торговых оборотов. К тому времени относятся укрепление торговых городов и их военно-политическое устройство, с какими они являются впоследствии в X и XI вв. Новая опасность пробудила в городах готовность к вооруженной силе. Эта сила постепенно стала нужна была в городах и состояла из различных элементов трудовых как и нетрудовых. Нетрудовым элементом вошли в состав этой силы заморские варяги, преимущественно скандинавы. Появление этого вооруженного класса в торговых городах сопровождалось тем, что последние подчинили себе свои торговые округа. Это подчинение окрестного населения, для которого город служил торговым средоточием, достигалось неодинаковыми способами. В иных местах беззащитные окрестные обыватели добровольно подчинялись большому городу как укрепленному убежищу в минуту опасности; в других — сами города, пользуясь своей вооруженной силой, насильно подчиняли окрестное население, для которого прежде служили торговыми центрами. Так около половины IX в. на Руси образуются ряд торгово-политических союзов, городовых областей, т. е. промышленных округов, политически подчиненных главным торговым городам. Из всех этих городов с их округами особенное значение для всей полосы равнины, втянутой в торговый оборот, имел город Киев. Он вошел со своим торговым округом на самом рубеже степи. Таким образом он служил главным воротам русской торговли, направлявшейся с севера и северо-запада на юг и юго-восток. Торговый оборот на Руси прерывался и останавливался как скоро степные кочевники захватывали Киев в свои руки. Отсюда давал общий экономический интерес, который привязывал все торговые города Руси к Киеву. Этот общий интерес создал

въ томъ, чтобы Кіевъ былъ всегда открытъ для русскаго торговаго движенія, чтобы имело него имелъ свободный путь по степнымъ рѣкамъ къ Каспійскимъ и черноморскимъ рынкамъ, – сильдовательно, чтобы въ немъ находилась сила, способная защищать этотъ пограничный пунктъ отъ внѣшнихъ враговъ. Этотъ общій интересъ и вызвалъ усиленное сосредоточеніе въ Кіевѣ вооруженнаго люда, дотолѣ разсѣяннаго по русскимъ городамъ. Около кіевскаго князя, вождя торгово-вооруженной дружины, сосредоточивалось наиболѣе боевыя силы, скопившіяся въ странѣ; помощью этихъ силъ кіевскій князь и подчинилъ себѣ остальные города и племена восточныхъ славянъ. Фактъ общаго интереса, созданнаго экономическимъ движеніемъ, ясно открывается въ ходѣ подчиненія русской земли кіевскими князьями, совершавшагося въ IX и X вв. Племена неодинаково легко принимали на себя кіевское иго: одни подчинялись добровольно, другія надобно было завоевывать упорной борьбой. Разсматривая причины этой разницы, находимъ, что племена или города, охотно признававшіе надъ собой кіевскую власть, – кривичи, сѣверяне, послѣе – уличи по главной рѣчной торговой дорогѣ, шедшей по Днѣпру съ его сѣверными водными продолженіемъ – бассейномъ Ильменя. Напротивъ племена, упорно боровшіяся съ Кіевомъ, уклонялись отъ этой рѣчной дороги. Значитъ, кіевскую власть охотно признавали тѣ изъ племенъ, которыя наиболѣе участвовали въ торговомъ оборотѣ. Напротивъ населенія, жившія вдали отъ этого рѣчного пути и не разумѣвшія этого общаго матеріальнаго интереса, племена древлянъ, радимичей и вятичей, не чувствовали охоты признавать власть кіевскаго князя и упорно съ нею боролись. Такимъ образомъ кіевское княжество имѣло двойное военно-политическое происхожденіе. Оно возникло при содѣйствіи общаго интереса, созданнаго торговымъ оборотомъ, но этотъ интересъ раздѣлялся далеко не всѣми частями русской земли. Эти не раздѣлявшія его части нужно было подчинять силой оружія, завоевывать.

Общество, объединенное властью кіевскихъ князей, довольно механически составлено было изъ очень пестрыхъ этнографическихъ и экономическихъ элементовъ. Единственный общій интересъ, существовавшій далеко не въ одинаковой степени во всѣхъ этихъ элементахъ,

былъ матеріальный, состоявшій въ охранѣ торговыхъ путей и оборотовъ. Единственной силой, поддерживавшей союзъ даже тамъ, гдѣ слабо чувствовался этотъ общій интересъ, былъ вооруженный классъ, который образовался подъ рукой князя кіевскаго изъ разнороднаго бродячаго военно-торговаго люда, скопившагося въ торговыхъ городахъ Руси. Этотъ людъ былъ частью туземный, частью пришлый, варяжскій. Въ свою очередь туземное населеніе, городское и сельское, распадалось на нѣсколько племенъ славянскаго и финскаго происхожденія. Но съ конца X в., когда почти всѣ племена западной полосы стали уже данниками кіевскаго князя, племенной антагонизмъ замѣтно стираетъ. Варяжскія тѣни, не переставая приливать на Русь изъ-за моря, мирно уживаются съ туземцами. Славянскія племена, разорванныя между городовыми областями, повидимому, начинаютъ забывать свое племенное происхожденіе. Племенныя различія и интересы уступаютъ мѣсто провинціальнымъ, областнымъ. Стоитъ же неопредѣленный и экономическій очерченій общества. Торговый капиталъ продолжалъ господствовать исключительно, до XI в. не встрѣчая соперника со стороны земледѣльческаго. „Русскій", какъ называетъ арабскій писатель первой половины X в. Ибн-Даста верхній слой русско-славянскаго общества, эти русы, по его словамъ, не имѣли недвижимаго имущества, ни деревень, ни пашенъ. Единственный ихъ промыселъ состоялъ въ торговыхъ поѣздкахъ. Военный классъ съ кіевскимъ княземъ во главѣ руководилъ торговымъ движеніемъ страны и принималъ въ немъ значительное участіе, ежегодно посылая ладьи съ товарами въ Царьградъ и на другіе черноморскіе и каспійскіе рынки. За то и торговые города сохранили военное устройство, какое усвоили они сначала IX в.; образовали они тысячи или городовые полки и участвовали въ княжескихъ походахъ подъ командой выборныхъ изъ городового купечества военно-городскихъ старшинъ-тысяцкихъ и сотскихъ.

Но среди этого безпорядочнаго этнографическаго и экономическаго броженія въ X и XI вв. все замѣтнѣе начинаетъ выступать наружу политическое раздѣленіе общества. Завоевательные походы изъ Кіева на непокорныя туземныя племена и оборонительь-

ная борьба со степными врагами все более разъединяла вооруженный класс, предводимый киевскими князьями, а борьба по управлению завоеванными племенами все более обособляла его от управляемого общества, как эксплуататоров от данников. Класс этот все резче выделялся из вооруженного купечества торговых городов, с которыми он сливался до тех пор. Еще при кн. Владимире Святом старцы градские, выборные военные управители торговых городов, заседали в Думе киевского князя рядом с его дружинниками-боярами. При Ярославе они уже не появляются в боярском совете, даже исчезают из городской администрации; их выборная военно-административная должность заменяется княжеским боярами по княжескому назначению. Так князь, морской наездник, все более отчуждался от города, вооруженного купца, с которым он прежде шел об руку. Политическое отчуждение начинало отражаться и на хозяйственной жизни общин, разделенных по происхождению классов. При завоевании непокорных племен целые массы пленников становились рабами и делились между завоевателями. Ибн-Даста в немногих словах живо описывает это явление. Русы, говорит он, производят набеги на славян (т. е. на славян восточных), подплывают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен и продают. Это наблюдение, очевидно, схвачено с завоевательных походов первых киевских князей на славянские племена Днепровья - древлян, северян, радимичей и др. Слова Ибн-Дасты подтверждает и наша Начальная летопись в рассказе о завоевании Ольгой в 946 г. Ольга велела одних пленных горожан перебить, других „работить предать мужем своим", т. е. раздала в рабство своей дружине, а остальных оставила на месте платить дань. Таким образом хозяйство военно-правительственного класса все более становилось рабовладельческим. Наполнив хоромами свои городские дворы и сбывая излишек на заморских рынках, служилые люди с конца X или начала XI в. нашли новое хозяйственное применение холопскому труду; они начали сеять своих холопов на приобретаемых земельных

участках, эксплуатируя посадские холопьими руками. Так возникло русское частное землевладение, первые денежные следы которого в памятниках являются в самом начале XI в. Землевладельцы еще ранее обособили служилый класс от высшего городского торгечества. Все это типично в военно-правительственный класс чувство политического превосходства над остальным обществом. Этим чувством и ассимилировались разноплеменные элементы, из которых складывался этот военно-правительственный класс. По мере усиления внешней борьбы, которую должны были вести киевские князья, в состав этого класса вливались боевые силы из разных племен, или подвластных. Владимир, после принятия христианства, начал строить вокруг Киева цепь укрепленных городков со стороны степи, вербовал в их гарнизоны лучших людей из новгородцев, кривичей, чуди, вятичей и других. Отличенный этим чувством политического превосходства, военно-правительственный класс усвоил себе сословное название Руси. Русь в X в. — термин не этнографический и не географический, а социальный, обозначавший господствующее сословие. До сих пор не объяснено этимологическое происхождение этого слова. Под таким именем знают господствующий класс на Руси византийские и арабские писатели X в.; этим именем называет его и наша древняя „Повесть временных лет", составляющая введение к „Начальную Летопись". Рассказав о том, как Олег утвердился в Киеве в 882 г., „Повесть" так характеризует состав его дружины: „была у него Варяги и Словени и прочи, прозвашася Русью". Итак Русью стали зваться по преданию Повести вооруженные разноплеменные сотрудники Олега, вышедшие с ним занявшие Киев.

Таковы признаки политического расчленения русского общества в X и XI вв. Вы видите, что этим расчленением двигало завоевание; но, служа рычагом общественного движения, завоевание не было первоначальным источником. Завоевательная роль военно-правительственного класса была подготовлена его экономическим значением, раньше создавшимся. Прежде чем стать с оружием в руках над покоренным населе-

ем страны, этотъ классъ стоящій въ своихъ рукахъ нити ея хозяйственнаго оборота. Изъ этого сложнаго экономическаго и политическаго процесса и вышло довольно рѣзкое сословное дѣленіе, какое открывается въ памятникахъ XII-в., преимущественно въ Русской Правдѣ, окончательную редакцію которой я отношу къ этому столѣтію. Согласно съ двойственнымъ происхожденіемъ кіевскаго княжества, военно-промышленнымъ, и это сословное дѣленіе имѣло двойное основаніе.

§1.

Сословія по Русской Правдѣ: княжіе мужи, люди, холопы. – Источникъ холопства. – Политическое основаніе этого дѣленія. – Вѣсъ болѣе ранняго дѣленія, имѣвшаго иное основаніе: значеніе опишанъ. – Экономическія подраздѣленія основныхъ политическихъ классовъ: бояре, смерды, закупы и боярскіе тіуны. – Связь экономическихъ различій съ юридическими неравенствами, какъ основаніе этихъ подраздѣленій. – Три момента въ ходѣ сословнаго образованія русскаго общества въ первый періодъ. –

Въ Русской Правдѣ очень явственно обозначены три класса, на которые распадалось русское общество по времени: это княжіе мужи, люди и холопы. Эти классы различались неодинаковой оцѣнкой ихъ значенія передъ закономъ, выражавшейся въ неодинаковой заботливости, съ какою законъ охраняетъ имущую безопасность людей этихъ классовъ. Такъ убійство княжескаго мужа наказывалось двойною уголовною пеней (вирой); убійство людина простой, а за убійство холопа не назначалось вовсе уголовной пени, но взыскивался только гражданскій штрафъ (продажа) въ вознагражденіе господина за вредъ, причиненный чужою собственностью. Законъ различно цѣнилъ эти классы по свойственнымъ опишаніямъ, въ какихъ они стоятъ къ князю, т. е. къ верховной власти. Княжіе мужи несли личную службу князю, люди платили ему дань, наконецъ холопы не несли никакихъ государственныхъ повинностей, служба которыхъ личнымъ и не имѣла права

го отношенія къ князю. Впрочемъ кромѣ этой оцѣнки опасности Правда не обозначаетъ никакихъ другихъ сословныхъ признаковъ — ни гражданскихъ, ни политическихъ, которыми различались два свободные класса княжихъ мужей и людей. Отъ этого при ясной разграниченіи основныхъ сословій остаются неясными юридическія особенности нѣкоторыхъ мелкихъ классовъ, обозначающихся въ ихъ составѣ. Такъ не всѣ свободные слуги князя считались княжими мужами: къ послѣднимъ причислялись только высшіе военно-правительственные сановники, а рядовые ратные люди князя и низшіе дворцовые слуги: конюхи, повара, сельскіе прикащики по тарифу жизни уравнивались съ простыми людьми, сходясь съ княжими мужами только въ личной службѣ князю. Они объединялись съ этими мужами общимъ сословнымъ названіемъ дружины, но отличались особыми званіями молодшей дружины, отроковъ или дѣтскихъ. Напротивъ, люди-податные простонародье отличались отъ низшей дружины своимъ отношеніемъ къ князю: какъ плательщики податей, они относились къ князю не одними личными мѣрами, подобно свободнымъ людямъ, а цѣлыми мірами, городскими или сельскими обществами, связанными круговой порукой въ уплатѣ податей и мірской отвѣтственности за полицейскій порядокъ (дикая вира Русской Правды). Холопство является въ Русской Правдѣ суровымъ институтомъ съ грубо вещественными гарантіями. Холопъ, ударившій свободнаго человѣка, еще при Ярославѣ могъ быть за то убитъ безнаказанно потерпѣвшимъ. Правда не различаетъ видовъ холопства: она знаетъ одно холопство обельное (обѣлое, кругалое) т. е. полное, вѣчное, потомственное и наслѣдственное; какъ зависимость холопа переходила отъ него на его потомство, такъ и право на холопа передавалось господиномъ своимъ наслѣдникамъ. Рабовладѣльческій умъ не выработалъ довольно разнообразные источники холопства. — Ихъ было два ряда: холопами дѣлались или по закону, или по договору. Принудительное холопство по закону создавалось четырьмя случаями: 1., пѣнкою, 2., преступленіями, за которыя законъ повсюду лишалъ преступника свободы, напр. разбоемъ, поджогомъ, конокрадствомъ, 3., несостоятельностью купца-должника.

Государствен... имени Ле... БИБЛІОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИ...

по его вине, если кредиторы не согласились ждать уплаты долга, и 4, происхождением от холопа. Добровольное холопство по договору создавалось тремя способами: 1, продажей в холопство, 2, женитьбой на холопке без уговора с ее господином, ограждающего свободу женщины, и 3, вступлением в частную дворовую службу приказчиком или ключником без такового же уговора стать в холопство. Холопство в Русской Правде является с такими резкими чертами новости, которыя сливали холопа значения лица в юридическом смысле слова, приближая его к вещи, к домашнему скоту. Но так как закон определял положение холопов, их отношения к господам, источники и границы холопства, то, очевидно, он рассматривал это состояние как особый класс в составе русского общества, отличавшийся от других классов тем, что он не имел прямого отношения к государственной власти, а связан был с нею через посредство господ, которыми стояли холопы.

Так гражданское общество по Русской Правде делилось на людей свободных, лично стоявших близко к князю, на свободных, стоявших от него далеко и на несвободных, стоявших наиболее низко. Отношения первых к князю было личное, вторых - холопствующее, третьих - посредственное.

В Русской Правде нужным иметь слово, указывающее приблизительно на время, когда установилось такое общественное деление. Узнать, что оно было не особенно давнего происхождения. В одном списке Правды сохранился ряд статей, в которых изложены постановления, составившиеся на съезде отца и сыновей Ярослава. Эти статьи составлены, вероятно, в конце XI или в начале XII в. и в измененном виде вошли в краткую редакцию Правды, составленную в конце XII в., перемешавшись в ней со статьями разновременного происхождения. Отсюда узнать, что еще во второй половине XI в., при сыновьях Ярослава, не был окончательно определен состав привилегированного класса княжеских слуг. Русская Правда причисляет к ним, убийство коих оплачивалось двойной пеней и тиуна конюшего, т. е. главного при-

каменка княжеских тиунов. Одна из статей, излагающих постановления съезда, гласит, что двойную пеню за убийство конюха отца и отца устанавливает впервые старший сын Ярослава Изяслав судебником приговором по делу о своем конюхе, убитом жителями Дорогобужа. «Конюх старой и отца» — это, очевидно, тиун или старостa конюшен, о которых говорит как о привилегированной княжеской тиуне окончательная редакция Русской Правды.

Статьи, излагающие постановления съезда, сберегли нашей и на общественное движение, предшествовавшее тому, которое обозначено в окончательной редакции Русской Правды. Эти статьи еще не знают класса княжеских тиунов: наша же окончательная редакция хорошо знает об этом классе, она говорит об огнищанах. Только в одной статье, заимствованной из постановлений съезда, окончательная редакция повторила этот термин, не заменив его названием княжеского тиуна.(*) Очевидно, во второй половине XII в., когда составлялась окончательная редакция Правды, слово огнищанин было обветшалым термином, повторявшимся по привычке, но уже выпадавшим из кодекса юридического языка. Объяснение этого термина затруднялось неизвестностью древнего значения термина огнище. Один памятник объясняет это значение. В XI в. на Руси было списано с болгарской рукописи несколько слов Григория Богослова, переведенных для болгар; но в русских списках встречаются вставки и переделки, произведенные, очевидно, русской рукой. В одном из этих слов термином „огнище" переведено греческое ἀνδράποδον (ср. ἀνδράποδον) — раб, холоп. Значит, огнищанин — рабовладелец. Если Русская Правда дает огнищанину привилегированное положение, какое в ее время занимали княжие тиуны, то в этом надобно видеть ее воспоминание о том времени, когда такое положение создавалось условием экономическим, а не политическим, не службой князю, а рабовладением, иначе говоря, когда рабовладение служило самой характерной особенностью го-

(*) Русская Правда изд. Калачова, спис. I, 32 и II, 72.

сподствующаго класса. Такими временемъ были IX и X вѣка, когда кіевскій князь съ своею дружиной завоевывалъ непокорныя племена Руси, обращая плѣнныхъ въ рабство, когда по приведенному выше замѣчанію Ибн-Даста, арабскаго писателя первой половины X вѣка, Русь дѣлала набѣги на славянъ, подъѣзжая къ нимъ на корабляхъ, забирала ихъ въ плѣнъ и продавала. Тогда отношенія преимущественно были князя къ дружинѣ-міру, обладателю военной добычи; но ихъ ставила во главѣ общества еще не сила князя, а обладаніе этой добычей, т.е. не право, а сила. Тогда привилегированнымъ сословіемъ не правитель, а завоеватель. Такъ въ древнѣйшемъ юридическомъ памятникѣ права вскрывается первоначальное основаніе общественнаго дѣленія и этимъ основаніемъ является завоеваніе. Изъ того же сопоставленія окончательной редакціи Правды со статьями съѣзда Ярославичей оказывается, что XI вѣкъ былъ временемъ, когда русское общество, дѣлившееся первоначально на завоевателей и побѣжденныхъ, превратилось въ союзъ управителей и управляемыхъ.

Но и этотъ преобразившійся общественный составъ недолго сохранялъ свою первоначальную простоту. По Русской Правдѣ, особенно въ ея позднихъ спискахъ, сохранились слѣды дальнѣйшаго общественнаго дѣленія. Въ составъ основныхъ сословій стали обособляться новые классы, и признаки, ихъ обособлявшіе, не похожи на тѣ, которыми различались основныя сословія. Такъ среди княжескихъ мужей появляются бояре. Русская Правда едва знаетъ его состояніе и обозначаетъ его такими бѣглыми чертами, по которымъ съ трудомъ можно распознать его юридическій и экономическій обликъ. Она говоритъ о боярскомъ тіунѣ, о боярскомъ сельскомъ или земледѣльческомъ прикащикѣ и наемномъ работникѣ.(*) Очевидно, Русская Правда придаетъ боярину значеніе крупнаго привилегированнаго рабовладѣльца и землевладѣльца; такое значеніе сохранялъ этотъ терминъ и въ русскомъ гражданскомъ правѣ позднѣйшихъ вѣковъ. Далѣе въ сословіи людей выдѣляются два особые класса закуповъ и смердовъ. Появленіе

(*) Тамъ же, II, 42 и 11.

ными и другими, повидимому, было связано с выделением класса бояр. По некоторым указаниям можно думать, что первоначальным рабочим населением боярских вотчин была челядь, руками которой землевладельцы эксплуатировали свои земли. Но мы больше разбираемся боярское землевладение, тем больше привлекали бояре на свои земли закупщиков из свободного населения. Закупщики получали от землевладельцев ссуду на обзаведение и земельные участки в пользование, которые обрабатывали барским скотом и барскими орудиями, за что работали на землевладельца. Такие работники — арендаторы и носят в Русской Правде название рольных (полевых) закупов или найитов. Состояние закупов помогает объяснить значение класса смердов, очень неясно обозначенного в Правде. Этому термину Правда, повидимому, придает двоякое значение — свободного происхождения вообще и свободного крестьянина в частности. Правда указывает на ближайшее отношение смерда к князю: князь наследовал имущество смерда, не оставившего после себя сыновей. Позднее в Новгородской и Псковской области XIII и XIV вв. смерд стал называться вольный закупщик, пользовавшийся княжеской землей, т. е. государственный крестьянин. Повидимому, такое назначение имел этот термин и во времена Русской Правды: так назывался вольный закупщик, сидевший на княжеской земле. Когда княжеская власть укрепилась, в состояние смердов попали все свободные сельские обыватели, сидевшие на земле, не принадлежавшей частным владельцам, потому что все такие земли были признаны княжескими, государственными. Этим и отличались смерды от закупов. Наконец, в составе холопства Русская Правда различает разряд вышедших холопов, отличавшихся от простых черноработных невольников тем, что имел господа поручал должности по управлению своими имениями. Этот класс носит в Правде название боярских тиунов (приказчиков).

Перечисленные классы по происхождению своему не были новыми сословиями, отличными от тех, на какие делилось общество по свойству отношений лиц к князю. Это были раз-

различныя экономическія положенія, въ которыя становились лица
низшихъ изъ сословій. Бояре были тѣ же князи служилые члены дру-
жины, только пріобрѣтавшіе земельную собственность. Смерды
были свободные „люди", отличавшіеся отъ другихъ лицъ этого сосло-
вія, свободныхъ тяглыхъ горожанъ, тѣмъ, что они занимались лишь
большимъ, обрабатывая участки государственной земли своимъ
инвентаремъ. Закупы были тѣ же смерды, только работавшіе
на земляхъ частныхъ владѣльцевъ и не имѣвшіе своего инвента-
ря или земледѣльческаго капитала, которымъ снабжали ихъ земле-
владѣльцы. Боярскіе люди отличались отъ рядовыхъ холо-
повъ тѣмъ, что управлялись привилегированными боярскими
хозяйствами и за то пользовались нѣкоторыми имущественны-
ми льготами, какихъ не имѣли черноработные холопы. Но эти
хозяйственныя состоянія въ Русской Правдѣ уже раздѣлены юри-
дическими неравенствами, различіемъ правъ. Бояре пользовались
преимуществомъ, въ силу котораго могли завѣщать свое движи-
мое и недвижимое имущество дочерямъ, если не оставили
послѣ себя сыновей. Напротивъ, имущество смерда, умиравшаго
безсыновнимъ, его участокъ, дворъ и движимость переходили къ
князю; только незамужнія дочери, оставшіяся послѣ смерда,
получали часть его движимости. Это ставило смерда ниже
другихъ „людей," свободныхъ тяглыхъ горожанъ, которые по Русской
Правдѣ, наравнѣ съ служилыми людьми, могли завѣщать свое
имущество дѣтямъ, а при ихъ отсутствіи родственникамъ,
какъ тѣмъ. Еще ниже смердовъ стояли закупы. Смерды, не
смотря на ограниченіе права завѣщанія, оставались лично сво-
бодными людьми. Когда дѣлали закуповъ должниками вла-
дѣльцевъ и ставили ихъ въ личную зависимость отъ послѣд-
нихъ, сообщая имъ характеръ полусвободныхъ людей. Такой ха-
рактеръ этого состоянія обнаруживался въ томъ, что во-первыхъ,
хозяинъ пользовался правомъ подвергать своего закупа тѣлесно-
му наказанію за вину; во вторыхъ, закупъ могъ быть свидѣ-
телемъ на судѣ только въ незначительныхъ тяжбахъ и при от-
сутствіи свидѣтелей изъ свободныхъ людей; въ третьихъ, закупъ
не отвѣчалъ самъ за нѣкоторыя свои преступленія, напр., за

крестьянъ: цѣну за него въ такомъ случаѣ платитъ хозяинъ, который за то превращаетъ его въ полнаго своего холопа. Изъ этихъ ограниченій свободы закупа видно, что, не смотря на договорное обязательство и обусловленную цѣну обязательную работу закупа на господина, первый не считался холопомъ послѣдняго. Закупъ по Русской Правдѣ могъ всегда прекратить свою зависимость отъ господина, заплативъ ему долгъ, и законъ оставилъ извѣстные предѣлы судебной власти господина, какъ и его праву на продажу закупа. Но эти же ограниченія свободы послѣдняго указываютъ на усилія владѣльцевъ сравнять закуповъ съ своими сельскими холопами. Наконецъ, боярскіе тіуны, оставаясь холопами, пользовались такими правами свободныхъ лицъ и этимъ приближались къ состоянію закуповъ: судъ принималъ свидѣтельское показаніе „по ряду", когда не было свободныхъ свидѣтелей; за убійство тіуна, какъ и свободнаго простолюдина, законъ назначалъ сорокагривенную уголовную цѣну, а не двѣнадцатигривенный штрафъ, какъ за убійство простого холопа. Иначе, законъ придавалъ неодинаковое юридическое значеніе лицамъ, различавшимся хозяйственнымъ положеніемъ.

Такимъ образомъ новое экономическое дѣленіе общества, обозначившееся въ предѣлахъ прежняго юридическаго, въ свою очередь стало превращаться также въ юридическое. Но это новое дѣленіе не вполнѣ совпадало съ прежнимъ, было дробнѣе его. Оно разбивало общество не на три сословія, какъ прежде, а на шесть сословій: это были бояре, свободные мелкіе горожане, смерды — свободные государственные крестьяне, закупы — полусвободные владѣльческіе крестьяне, боярскіе тіуны — привилегированные холопы и, наконецъ, рядовые холопы. Самое основаніе этого новаго дѣленія было не то, на какомъ держалось прежнее. Три прежнія класса различались политическими признаками — неодинаковымъ отношеніемъ лицъ къ князю и неодинаковымъ отношеніемъ княжескаго закона къ лицамъ. Неодинаковое отношеніе лицъ къ князю выражалось въ различіи государственныхъ повинностей, падавшихъ на людей смердьихъ, тяглыхъ и холоповъ; неодинаковое отношеніе закона къ лицамъ выражалось въ раз-

личной цены, какую давать законъ лицамъ разныхъ классовъ по своимъ отношеніямъ къ князю, неодинаково наказывая ихъ за убійство. Но мы видимъ, что съ этой оцѣнкой Правда не соединяла никакихъ другихъ правъ, которыми различались бы свободные классы князей отъ людей и людей. Новые, болѣе дробные классы, различались двумя другими признаками, экономическимъ и юридическимъ, различіемъ имущественныхъ состояній и соединеннымъ съ нимъ неравенствомъ гражданскихъ правъ. Такимъ образомъ различіе правъ вырабатывалось не изъ отношеній общества къ верховной власти, а изъ экономическихъ отношеній лицъ между собою, изъ имущественнаго неравенства людей. Очевидно, это была новая, болѣе сложная формація общества, вырабатывавшаяся путемъ дальнѣйшаго дробленія изъ стараго общественнаго склада, какой установился въ XI в. Отношеніе этой новой формаціи къ прежнему складу можно обозначить такъ: русское общество въ XI в., дѣлившееся по государственнымъ обязанностямъ на три класса, въ XII в. стало дѣлиться еще по гражданскимъ правамъ на шесть классовъ.

Итакъ, аристократическій періодъ преимущественно обозначилъ собою три формаціи русскаго общества, изъ которыхъ каждая слѣдующая была осложненіемъ предыдущей. Первоначально общество распалось на два класса — на завоевателей и побѣжденныхъ. Потомъ общество раздѣлилось на три части — на военно-правительственный классъ, свободное простонародье и зависимую челядь. Наконецъ, эти три класса подраздѣлились на привилегированныхъ землевладѣльцевъ, свободныхъ горожанъ, государственныхъ крестьянъ, вотчинныхъ крестьянъ и на холоповъ, привилегированныхъ и рядовыхъ. Первая формація опиралась вооруженной силой, завоеваніемъ, вторая — законодательной властью, которая создана была этой силой, третья — работой капитала, т. е. народно-хозяйственнымъ оборотомъ, который установленъ былъ завоеваніемъ и общественныя послѣдствія котораго должна была признать законодательная власть. Такимъ образомъ завоеваніе послужило исходнымъ пунктомъ сословнаго процесса, совершавшагося въ первый періодъ, и направляло его во всѣхъ моментахъ, послѣдовательно имъ пройденныхъ.—

Но нѣсколько позднѣе этого процесса, выше-описаннаго изъ завоеванія, начался другой, источникомъ котораго служитъ другой факторъ и который внесъ глубокія перемѣны въ общественный складъ, создавшійся подъ вліяніемъ завоеванія. Этимъ фактомъ было распространеніе христіанства на Руси съ конца X в.

№ 11.

Вліяніе церкви въ русскомъ обществѣ въ первые вѣка христіанства на Руси.— Составъ церковнаго общества.— Сходство его съ государственнымъ по составу и отличіе отъ него по устройству.— Отношеніе церковнаго ученія общества къ политическому.— Вліяніе церкви на составъ государственнаго общества.— Перемѣны, внесенныя ею въ русское рабовладѣльческое право: 1, обычай благотворительнаго освобожденія по завѣщанію, 2, случаи обязательнаго даровога отпуска на волю, и 3, принудительный выкупъ на волю.— Сходство этихъ перемѣнъ для личнаго и имущественнаго положенія холоповъ.— Выводы изъ сказаннаго.—

Рядомъ съ тѣмъ вліяніемъ, какое вносилось въ общество государствомъ XI и XII вв., и церковь дѣлала его по своему. Христіанская церковь явилась на Русь вполнѣ организованнымъ учрежденіемъ, съ выработанными источниками права. Эти источники были двоякіе: церковные каноны и византійскіе императорскіе законы съ переработанными въ нихъ остатками римскаго права. Первые были для церкви обязательнымъ руководствомъ, вторые имѣли только авторитетъ привычной традиціи и юридической выработки. Примѣненіе тѣхъ и другихъ къ нуждамъ русскаго общества создавало много затрудненій. По отношенію къ русскому праву тѣ и другіе источники представляли болѣе новизны, чѣмъ противорѣчій, устанавливая такія отношенія, которыхъ не знала русская жизнь или не считала достойными юридической нормировки. Русь, напримѣръ, не понимала, какъ можетъ быть поводомъ къ судебному иску бракъ, не причиняющій ни личнаго, ни имущественнаго вреда. Поэтому церкви приходилось болѣе

господарь, чѣмъ реформировать, больше боролся съ юридическими непониманіемъ, чѣмъ съ юридическими предразсудками. Это и определило ея образъ дѣйствій. Она не столько противодействовала вступленію на Руси порядку, сколько приноровливалась къ нему; терпѣливо относилась къ положительнымъ порокамъ, чѣмъ къ отрицательнымъ недостаткамъ; ее больше огорчало равнодушіе къ новому чѣмъ упорство въ старинѣ.

Точно такъ же она действовала и въ центрѣ общества. Съ принятіемъ христіанства постепенно возникали отношенія, не укладывавшіяся въ рамки установленнаго порядка. Изъ общественнаго строя выпадали лица, съ которыми законъ не зналъ, что делать. Сирота, увѣчный, больной, вольноотпущенный набожнаго новокрещеннаго господина не знали, къ какому пристать классу, и во имя христіанскаго сострадания взывали о помощи. Всѣ такіе бродячіе общественные элементы и вошли въ составъ новаго класса русскаго общества, получившаго названіе <u>церковныхъ или богадѣльныхъ людей</u>. Этимъ богадѣльнымъ или церковнымъ людей государство охотно предоставило исключительной заботливости церкви. Это общество было очень пестро по своему составу. Его части обыкновенно перечислялись въ церковныхъ уставахъ, которыми христіанскіе князья Руси, начиная съ перваго князя Владиміра Святаго, определяли положеніе церкви въ своемъ государствѣ, указывали судебно-политическія и благотворительныя дѣла, которыя поручались церковной власти, и выдѣляли ей изъ своихъ имѣній и доходовъ матеріальныя средства, необходимыя для веденія этихъ дѣлъ. По признакамъ, какими условливалась принадлежность лицъ къ церковному обществу, въ составѣ последняго можно различить такіе разряды: 1., <u>Лица черного и бѣлаго духовенства</u> съ семьями последняго. Назначеніе этихъ лицъ — руководить христіанами на пути духовнаго спасенія совершеніемъ таинствъ, пастырскимъ словомъ и личнымъ назидательнымъ примѣромъ. Это духовенство составлялось изъ лицъ разныхъ классовъ христіанскаго общества, начиная съ князей и кончая холопами. 2., <u>Міряне, служившіе матеріальнымъ нуждамъ церкви</u>. Въ древнемъ церковномъ

уставахъ изъ такихъ семействъ обыкновенно уволняются красивыя и свѣтлыя (церковной служительницы при богослуженіи). Къ этому разряду можно причислить и прихожанокъ-колонокъ, поверженныхъ церкви. Она обыкновенно возвращала такихъ колонокъ имъ полную свободу и начинала на службу при церковныхъ учрежденіяхъ, которымъ они были поверженныя. 3., Міряне, занятія которыхъ подлежали ближайшему наблюденію духовенства по ихъ тѣсной связи съ внѣшнимъ церкви. Такова были повивальныя бабки и врачи—„бабы-вдовицы" и „лѣкицы", какъ тогда говорили. Къ тѣмъ и другіе колонами духовенству слѣдить, всѣ ли новорожденныя принимаютъ крещеніе, а умирающіе напутствуются по церковнымъ правиламъ. Въ первую пору христіанской жизни Руси, когда многіе, нарушая принявши новую вѣру, уклонялись отъ предписываемыхъ ею обязанностей, такое наблюденіе было очень важной заботой церкви. Кромѣ того врачи были обязаны служить въ больницахъ, которыя заводила и содержала церковь. 4., Міряне вслѣдствіе болѣзни или увѣчья лишившіеся способности работать и пріобрѣвшіеся въ благотворительной надеждѣ—слѣпые, хромые, вообще калѣки. 5., Міряне, изъ набожныхъ побужденій добровольно становившіеся или чужой волей поставленные въ такое положеніе, которое сдѣлало для нихъ необходимой юридическую защиту или матеріальную помощь. Такова были паломники, путешественники—богомольцы, странники, пришедшіе издалека и для того становившіеся при храмахъ во время богослуженія; пріятели или питомцы—колоны, отпущенные на волю при жизни господина благотворительныхъ цѣлей безъ выкупа. Наконецъ, задушные люди, рабы, получавшіе свободу по завѣщанію на помнѣ души. Наконецъ 6., Міряне по собственной вины или несчастной случайности принужденные выступить изъ своего состоянія и смѣшаться съ нимъ правъ или средствъ къ жизни. Такова были сыновья духовныхъ лицъ, по безправности лишившіеся возможности вступить въ духовную службу; купцы, становившіеся несостоятельными должниками и съ потерей капитала принужденные прекратить торговлю; колоны, вы-

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
P. R. [illegible]

купавшіеся на волю и остававшіеся безъ общественнаго положенія и опредѣленнаго рода опеки. Наконецъ, князья, преждевременно осиротѣвшіе и остававшіеся безъ княженія, выпадавшіе изъ владѣльческой очереди, по которой попадали ярославовы законные княжескіе столы въ русской землѣ. Безправные сыновья духовенства, обанкрутившіеся купцы, выкупившіеся на волю холопы и преждевременно осиротѣвшіе князья – эти четыре разряда лицъ носили въ древне-русскомъ правѣ XII в. названіе изгоевъ. Къ нимъ можно причислить и лицъ монашествующаго духовенства, которые слагали съ себя иночество и возвращались въ міръ. Этотъ разрядъ лицъ въ одномъ изъ списковъ устава Владиміра Св. обозначается словами: „кто постригъ черническій свергнетъ".

Такой составъ церковнаго общества по княжескимъ уставамъ XI и XII вв. Я намѣренно подробно перечислилъ его составные элементы, чтобы наглядно обозначить его пестроту. Характерная юридическая особенность, которой оно отличалось отъ гражданскаго общества, состояла въ подсудности. По всѣмъ дѣламъ, по которымъ свѣтскіе люди отдавались въ княжескій судъ, люди церковные отдавались духовнымъ судьями – митрополитомъ и епископами, либо ихъ уполномоченными. Въ теченіи вѣковъ церковное общество стало еще сложнѣе; особенно расширился разрядъ церковныхъ людей. Когда церковныя учрежденія стали пріобрѣтать недвижимыя имущества, крестьяне, селившіеся на церковныхъ земляхъ, также получили характеръ церковныхъ людей, подлежали полной либо ограниченной юрисдикціи церковныхъ землевладѣльцевъ по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. Для управленія церковными землями и благотворительными учрежденіями, порученными церкви, и веденія дѣлъ сложной церковной юрисдикціи, въ теченіи вѣковъ образовался многочисленный штатъ свѣтскихъ людей церкви, такихъ же служилыхъ людей, какіе были органами княжескаго, государственнаго суда и управленія, и съ одинаковыми названіями бояръ, отроковъ, дворянъ и т. д. Митрополитъ и епископы впослѣдствіи даже участвовали въ вооруженной защитѣ отчины вмѣстѣ съ княжескими ратными людь-

ли ходили въ походы подъ командой особаго митрополичьяго воеводы.

Все это древнее церковное общество по составу очень похоже на государственное; за исключением самого духовенства, первое — церковное общество, состояло изъ такихъ же точно элементовъ, какіе входили въ составъ втораго. У церкви были свои бояре и вольные смерды, свои крестьяне и даже горожане, потому что она владѣла не только селами и деревнями, но и цѣлыми городами. Еще въ началѣ XIII в. епископъ владимірскій Симонъ въ посланіи къ кіево-печерскому монаху Поликарпу, писалъ о каѳедральныхъ церквахъ своей епархіи, церкви владимірской и церкви суздальской, сколько имѣютъ они городовъ и сель и всѣмъ этимъ владѣютъ, моя худость". Въ Уставѣ кн. Всеволода далѣе предполагается возможность церковныхъ благодѣтельныхъ князей. Такимъ образомъ церковное общество не входило въ общій строй государственнаго, какъ однородное, цѣльное сословіе, не становилось въ одинъ рядъ съ другими его классами, а выдѣлялось изъ него, какъ особое параллельное ему общество. Духовенство, руководимое всероссійскимъ митрополитомъ, стояло во главѣ этого общества, какъ правящій классъ, какъ власть, у которой были свои органы управленія и свои подвластные. Итакъ, церковное общество XI и XII вв. нельзя назвать сословіемъ.

Но, не входя въ составъ, церковное общество рѣзко отличалось отъ государственнаго по своему устройству. Основанія того и другого были совершенно различны. Положеніе лица въ государственномъ обществѣ опредѣлялось его правами и обязанностями или его экономическимъ состояніемъ; положеніе лица въ церковномъ обществѣ опредѣлялось или нравственно-религіознымъ назначеніемъ, или степенью нужды въ чужой помощи. Наибольшей властью въ немъ обладалось лица, принадлежавшія отъ всѣхъ благъ міра — монахи іерархіи. Наиболѣе привилегированными, т. е. наименѣе обязанными, считались въ немъ люди наиболѣе безпомощные — убогіе и безпріютные. Если государственное общество было похоже на тогдашній большой русскій дворъ съ хозяиномъ, приказчиками

и рабочими силами, что общество церковное было устроено по образу Богодухновенной, въ которой, по евангельскому слову, хотящій быть большимъ всѣхъ долженъ стать слугою всѣхъ. Такимъ образомъ церковь осложнила общественное дѣленіе, внесла въ него новые мотивы, поставила обществу невѣдомыя задачи и, согласно съ ними, заставила людей располагаться въ новые ряды и мѣренія. Легко замѣтить, что она двинула общество совсѣмъ не въ томъ направленіи, какъ государство: послѣднее рѣзало его горизонтально, на политическій и экономическій слои, лежавшіе одинъ на другомъ; церковь, напротивъ, двигала общество вертикально, сверху внизъ, отрѣзывала куски отъ разныхъ общественныхъ классовъ и для своихъ цѣлей, разставляя ихъ совершенно не въ томъ порядкѣ, въ какомъ разставлялъ ихъ государственный законъ.

Но поставивъ рядомъ съ государственнымъ обществомъ свое особое общество, состоявшее изъ отпаденныхъ элементовъ, но устроенное на иныхъ основаніяхъ, церковь оказала сильное дѣйствіе и на составъ самого государственнаго общества. Переработку послѣдняго она вела снизу, съ класса, лежавшаго въ самой глубинѣ его и, слѣдовательно, наиболѣе обремененнаго — съ пролетаріата. Она произвела въ римскомъ рабовладѣльческомъ правѣ такой рѣшительный переломъ, котораго одного было достаточно, чтобы дать церкви мѣсто въ ряду главныхъ силъ, создавшихъ наше общество. Этотъ переломъ обозначился тремя переименованіями.

<u>Во-первыхъ</u>, церковь ввела въ римское общество обычай благотворительнаго освобожденія рабовъ по завѣщанію. Этотъ обычай былъ принесенъ изъ византійскаго общества, гдѣ его источникомъ было внушаемое христіанскимъ сознаніе нравственной несправедливости рабства. Это сознаніе успѣло давно проникнуть въ византійское законодательство. Законъ императора Константина Багрянороднаго, относящійся къ половинѣ X в., постановилъ посвящать Богу треть имущества, оставшагося безъ прямыхъ наслѣдниковъ. Въ составъ этой трети отчисляемъ весь рабовъ, оставшійся послѣ умершаго, которые при этомъ

попирали свободу. Мотивируя этот законъ, императоръ приписалъ наслѣдственность рабства преступленіемъ богопротивнымъ и безсовѣстнымъ. Допустить, говорилъ законъ, что и самая смерть господина не разрѣшаетъ тяготѣющихъ на рабѣ оковъ, значило бы оскорбить святость божію, мудрость государя, самую совѣсть человѣка. Дѣйствуя во имя этихъ понятій, духовенство рано, путемъ исповѣди и участія въ составленіи завѣщаній, укрѣпилось среди рабовладѣльцевъ обычай отписывать по смерти свою челядь или часть ея, чтобы создать изъ отпущенныхъ вѣрныхъ богомольцевъ за освободителя.

Вторая перемѣна состояла въ установленіи случаевъ обязательнаго дарового отпуска холоповъ на волю. Церковь успѣла установить въ XI и XII вв. три такихъ случая. 1., Раба, принявшая дѣтей отъ собственнаго господина, по смерти его обязательно освобождалась вмѣстѣ съ прижитыми дѣтьми. 2., Свободный человѣкъ, совершившій насиліе надъ чужой рабой, тѣмъ самымъ дѣлалъ ее свободной. 3., Холопъ или раба, которымъ причинено увѣчье по винѣ ихъ господина, становились свободными. Два первые случая обязательнаго дарового освобожденія не были заимствованы прямо изъ греко-римскаго права. они были плодомъ самостоятельнаго опыта русскаго духовенства въ примѣненіи греко-римскаго и церковнаго права къ туземнымъ нравамъ. Въ греко-римскомъ правѣ очень точно была опредѣлена зависимость юридическаго положенія дѣтей отъ юридическаго состоянія ихъ родителей; это опредѣленіе основывалось на возможности или невозможности законнаго брака между лицами разныхъ состояній, на которыя дѣлилось римское общество. Здѣсь дѣйствовало правило: если родители были люди разныхъ состояній, между которыми законъ допускалъ бракъ, то дѣти наслѣдовали состояніе отца; въ противномъ случаѣ — состояніе матери. Такъ, законъ не допускалъ правильнаго брака свободнаго лица съ несвободнымъ; поэтому дѣти свободнаго и рабы рождались рабами, дѣти свободной и холопа — свободными. Эти опредѣленія имѣли цѣлью оградить интересы, связанные съ правами римскаго

гражданства отъ слишкомъ обильнаго притока чужеродныхъ элементовъ въ составъ гражданства. Византійское законодательство увековѣчило себѣ эти римскія постановленія и, переработавъ ихъ, внесло въ византійскіе кодексы, напримѣръ въ Эклогу, кодексъ VIII в., и въ Прохиронъ, кодексъ IX в. Христіанская церковь была враждебна къ языческимъ институтамъ, которые ограждались этими опредѣленіями; но она старалась уважать и оффициально признавала лишь тѣхъ ихъ нихъ, подъ защиту которыхъ можно было поставить болѣе дорогіе ей интересы. Такъ, не отвергая прямо неравныхъ браковъ, т. е. брачныхъ союзовъ лицъ различныхъ состояній, между которыми римское право не допускало законныхъ браковъ, церковь, въ интересѣ чистоты семейныхъ нравовъ, провела въ упомянутые кодексы постановленіе, въ силу котораго конфисковалась по закону раба, сдѣлавшая наложницей чужого господина: сильный правитель обязанъ былъ продать такую соперницу достойнѣйшаго въ посольствѣ куда-нибудь за границу области. Далѣе, подъ вліяніемъ духовенства, получило болѣе широкое развитіе въ греко-римскомъ правѣ особый способъ отпуска рабовъ на волю, носившій названіе почитаемаго освобожденія — бистрà ἐλευθερία, tacita libertas. Такое освобожденіе мало имѣло общаго съ тѣмъ, напр., случаемъ, когда господинъ вступалъ въ связь, какъ съ женой, съ выкупленной имъ полюбившейся. Наложница теряла свободу въ силу презумпціи, т. е. юридическаго предположенія, что господинъ, вступая съ ней въ связь, тѣмъ самымъ прощалъ ей стоимость выкупа и, слѣдовательно, возвращалъ ей свободу. Въ древне-русскомъ обществѣ долго и по принятіи христіанства господствовалось чрезвычайно неопрятныя отношенія къ холопкамъ. Духовенство не мало боролось средствомъ борьбы съ этимъ обычаемъ; оно подступало къ нему осторожно, со стороны. Щадя сложившіяся привычки и не покидая принесенныхъ изъ Византіи понятій о значеніи обществленныхъ состояній въ брачныхъ отношеніяхъ, церковь не принуждала неженатаго господина закрѣплять свою связь съ рабой оженитьбой на ней и не разрывала насильственно связи съ ней женатаго господина; она оставляла рабу-наложницу при

только и другом до его смерти. Но применяя къ такимъ римскую презумпцію молчаливаго освобожденія, она требовала, чтобы раба, принесшая дѣтей со своимъ господиномъ, по смерти его получала свободу, право на которую она пріобрѣтала самой связью съ нимъ. Это право переходило съ матери и на принесшихъ ею дѣтей. Послѣдовательно развивая тотъ же презумпцію, духовенство русское пришло и къ случаямъ насилія, совершеннымъ свободнымъ человѣкомъ надъ чужою рабой: такая раба получала свободу независимо отъ того, сопровождалось ли насиліе извѣстнымъ положеніемъ или нѣтъ, т. е. чужой насильникъ долженъ былъ выкупить ее у господина. Такъ сложилась въ нашемъ правѣ норма, выраженная въ извѣстной статьѣ Русской Правды, которая гласитъ, что дѣти рабы, принесшія отъ господина, не участвуютъ въ раздѣлѣ оставшагося послѣ него наслѣдства наравнѣ съ законными наслѣдниками, но получаютъ свободу вмѣстѣ съ матерью. Впрочемъ Русская Правда не досказала всего; духовенство добилось большаго. Въ византійскомъ законодательствѣ было точно опредѣлено, какую часть отцовскаго имущества и въ какихъ случаяхъ получали незаконныя его дѣти. Принимая эти византійскія постановленія, и русское духовенство провело въ законодательство „урочную преподобайную часть", которая обязательно выдавалась дѣтямъ рабы изъ имущества принесшаго ихъ господина и матери. Эта урочная преподобайная часть является какъ обязательное постановленіе въ церковномъ новгородскомъ уставѣ Всеволода Мстиславича 1130-тыхъ годовъ. Я изложилъ историческое происхожденіе двухъ случаевъ обязательнаго даровалого отпуска холопа на волю, чтобы показать, какъ русское духовенство принимало греко-римское и церковное право къ тогдашнимъ общественнымъ условіямъ.

Третья перемѣна, внесенная церковью въ русское рабовладѣльческое право, состояла въ установленіи принудительнаго выкупа холопа. Греко-римское право въ иныхъ случаяхъ обязывало господина отпускать своего холопа, получая за

него вознаграждения или выкупъ. Такихъ случаевъ было два: насильственное обращение съ холопомъ и выкупъ пеньника; въ первомъ случаѣ господина принуждали продать холопа въ другія руки, — во второмъ самъ холопъ могъ выкупиться безъ согласія господина. Какъ извѣстно, по греко-римскому праву свободный человѣкъ, попавшій въ плѣнъ къ непріятелю, считался рабомъ и въ своемъ отечествѣ. Тогда всѣ права, которыми онъ пользовался дома, пріостанавливались до его возвращенія. Если соотечественникъ выкупалъ такого пеньника, послѣдній становился въ личную временную зависимость отъ него, которую могъ прекратить по своей волѣ, уплативши ему условленную сумму. Если онъ не былъ въ состояніи уплатить ее, онъ оставался у выкупившаго какъ бы наемнымъ работникомъ и тогда судебнымъ порядкомъ опредѣлялось, по скольку зачитать пеньнику въ счетъ выкупной суммы каждый годъ его работы. Въ русскомъ рабовладѣніи X — XII вв. удобно примѣнялось это греко-римское постановленіе о выкупѣ пеньнеръ. Огромное количество русскихъ рабовъ получалось изъ туземнаго населенія; князья и дружины, завоевывая непокорныя племена или враждуя между собою, часто обращали туземцевъ въ рабство, продавая ихъ туземнымъ же купцамъ. Пользуясь къ этимъ пеньнымъ туземцамъ греко-римское постановленіе, церковь и дома мірское дѣйствіе обязательному выкупу самыми холопами своей свободы. Свободный человѣкъ, продавшійся въ рабство, могъ возвратить себѣ свободу, уплативъ опредѣленную сумму, за которую могъ купить его. Дѣйствіе этого права мы открываемъ въ памятникахъ XII и XIII вв. Легко видѣть, какъ измѣнилось юридическое значеніе продажи свободнаго лица въ рабство: эта продажа обратилась въ договорное обязательство, создавшее временно-обязанное состояніе, которое холопъ могъ прекратить уплатой долга. Изъ этой перемѣны съ теченіемъ времени и развились сложныя сдѣлки о срочной или безсрочной зависимости, обезпеченной личнымъ закладомъ и въ удѣльные вѣка образовавшей особое полусвободное состояніе — закладней. Въ появленіи мысли объ условной зависимости

изъ холопства изъяты были некоторые виды неволи. Русская Правда, указывая основные источники холопства, обозначает при виде личной зависимости, которые она не признает холопством; это во 1-хъ отдача детей родителями въ работу, 2., вступление свободного человека въ личное услужение за долгъ прокорить и 3., вступление въ такое услужение за прокорить съ придачкой, т.е. съ платой, выдаваемой впередъ въ видъ ссуды. Эти виды зависимости Русская Правда характеризует одной общей чертой: достигнувъ до условленного срока, такие слуги могли отработать хозяевъ, ничего не платя имъ, но они не могли уйти и до срока, только уплативъ ссуду или вознаградивъ хозяина за прокорить по условію. Древнее русское рабовладельческое право не признавало такихъ видовъ условной зависимости.

Вотъ главныя перемены, внесенныя церковью въ русское рабовладельческое право. Она существенно изменила юридический характеръ русскаго холопства. Прежде это холопство отличалось цельностью, однообразіемъ и безусловностью; къ нему была вполне приложима и строчащаяся въ Прохироне характеристика греко-римскаго рабства: „рабство недѣлимо". Положеніе рабовъ не допускало никакихъ различій. Про раба нельзя сказать, что онъ рабъ больше или меньше. Теперь въ русское холопство внесены были различія и условность: рядомъ съ полнымъ холопствомъ появляется зависимость ограниченная. Эти перемены не сдѣлали возможнымъ появленіе отъ сего времени выше двухъ переходныхъ состояній закупа и привилегированныхъ холоповъ, т.е. боярскихъ тіуновъ, изъ которыхъ первые не дѣлались холопами не смотря на свою личную зависимость отъ господъ, а вторые пользуясь некоторыми правами свободныхъ людей, не смотря на свое холопство. Всѣмъ этимъ было положено начало разложенія древне-русскаго холопства. Вслѣдствіе съ этимъ разложеніемъ росло и юридическое значеніе личности холопа. Устав Ярослава запретилъ дозволенное прежде закономъ убійство холопа за ударъ, нанесенный имъ свободному человѣку. Въ Смоленскомъ договорѣ съ

княжения 1229 г. назначена даже денежная пеня за удар, нанесенный холопу свободным человеком. Вникая в юридическим значением личности холопа характер его имущественного положения. Первоначально холоп не мог иметь ничего своего. Все, что он приобретал, принадлежало его господину. Но с течением времени имущество холопа (статья Русской Правды, римское peculium) стало считаться его собственностью, хотя и ограниченной, неполной. В упомянутом Смоленском договоре есть статья, из которой видно, что долг холопа княжеского или боярского свободному уже лицу обязан платить тот, к кому переходило по наследству имущество должника. Значит, имущество, по крайней мере, некоторых привилегированных холопов переходило по наследству одинаковым порядком с имуществом свободных людей.

Таково было действие церкви на состав общества; оно было двоякое: 1., церковь усложнила общественное деление, поставив рядом с государственным обществом другое, церковное; 2., она начала подкапывать самое основание государственного общества, изменяя положение холопства. Она изменяла его в двух отношениях: во-первых, она стеснила предел холопства, выводя из него некоторые виды зависимости; во-вторых, она разрывала холопство, открывая выход из него в свободное состояние.—

VIII.

Удельный период истории русских сословий.

Основные источники для изучения этого периода. – Новая сословная терминология удельного времени. – Видимое сходство сословного деления удельных обществ с прежним. – Перемена в характере верховной власти. – Исчезновение мысли о политическом подданстве. – Гражданский договор и личное подданство как основания политического порядка в удельных княжествах. – Отношения к княжьим бояр и слуг вольных. –

Обращаемся к изучению второго, так называемого удель-

мого периода истории русских сословий. Выше обозначены хронологическими границами этого периода начало XIII и половина XV в. Удельный период — это не только особое хронологическое, но и особое географическое пространство. Общественные отношения, установившиеся в удельные века, выросли не из той исторической почвы, которая была родиной изучаемых нами общественных отношений предшествующего периода. Старые коренные области Киевской Руси в продолжение удельного времени сперва сохранили общественный склад, установившийся в XI и XII вв., а потом стали изменять его под действием чуждых влияний. Эти влияния были принесены в общество юго-западной Руси с конца XIII в. ее подчинением Литве, а с конца XIV в. династическим соединением Литвы с Польшей. Общественные отношения, созданные мудреными условиями не бывшей благодатной самородного развития, действовали не в старой Днепровской, а в новой верхне-волжской Руси, которая еще в начале XII века была по-сторонней северо-восточной окраиной русской земли и стала новой Русью благодаря усиленному приливу колонизации из старых днепровских областей. Кто слушал изложение общего курса отечественной истории, тот припомнит, как и когда совершилось это обрусение финского Поволжья.

Основными источниками для изучения русских сословий в удельные века служат духовные и договорные грамоты удельных князей, преимущественно московских. Это очень обильные источники. Мы имеем 16 духовных грамот, начиная с грамоты великого князя Ивана Калиты, составленной около 1328 г. и кончая двумя духовными великого князя Василия Темного, писанными около 1462 г. Кроме этих духовных грамот, сохранился ряд договорных, числом 51-на, начиная с договора сыновей Калиты 1341 г. и кончая договором Василия Темного с боровскими князьями Василием Ярославичем около 1456 г. К этим духовным и договорным грамотам можно присоединить еще и ряд тех же грамот великого князя Ивана III, потому что и они изображают еще вполне удельные отношения. Эти источники обильны не только

по количеству актов, но и по качеству исторических данных. В последнем отношении духовные и договорные грамоты не уступают Русской Правде и церковным уставам князей XI и XII вв.; только они изображают общественные отношения несколько с иной стороны. Русская Правда и церковные уставы — цельные уложения, не лишенные некоторой системы; они дают нам общеобязательные положения, постоянные юридические нормы, но не показывают нам лишь казуального применения или практических последствий. Напротив, в духовных и договорных грамотах мы находим или хозяйственные распоряжения завещателей, или временные соглашения, которыми устанавливались взаимные отношения князей и которые часто сами вызывались случайными обстоятельствами или минутными расчетами договаривавшихся сторон. Эти акты указывают казуальное применение общих норм, практическое действие существовавшего общественного порядка, но не формулируют самых норм, не раскрывают оснований этого порядка. Но и другое надобно выводить путем заключений от практических случаев к общим правилам, от последствий к основаниям. Поэтому духовные и договорные грамоты задают более сложную и трудную работу тому, кто по ним изучает общество; зато они и глубже вводят изучающего в состав общества, дают ему более видеть и наглядно представляют действовавший в нем отношений. По ним мы наблюдаем не сухой остов общества, не социальную схему времени, а живую общественную организацию, цельную картину сословных отношений.

В этих грамотах изображается исключительно государственное общество удельных князей; общество церковное почерпнуло в это время мало изменений. Изучая состав государственного общества по духовным и договорным грамотам, прежде всего встречаемся новую сословную терминологию. Название „княжих мужей" для высшего класса общества теперь исчезает, заменяясь званием бояр, которое, сохраняя прежнее экономическое значение привилегированных землевла-

дружинникъ, получаетъ новое значеніе юридическое: это высшій классъ служилаго сословія. Точно такое и младшая дружина, носившая прежде названіе „дружинникъ" или „отроковъ" теперь обозначается терминомъ дѣтей боярскихъ и слугъ вольныхъ, слугъ дворныхъ или дворанъ. Повидимому, классъ дѣтей боярскихъ былъ только составною частью класса слугъ вольныхъ, выдѣлившейся изъ него своимъ происхожденіемъ. Это - князья младшей дружины, но происходившіе изъ боярскихъ фамилій, принадлежавшихъ къ старшей дружинѣ. Они назывались дѣтьми боярскими, пока не успѣвали получить званія своихъ отцовъ. Точно такое и некняжеское населеніе носитъ въ актахъ удѣльнаго времени новыя званія. Въ Кіевской Руси XII в. это населеніе называлось просто „людьми" и дѣлилось на два класса - на горожанъ и на смердовъ, т.е. сельскихъ обывателей. Теперь городскіе и сельскіе тяглые люди носятъ одинаковое названіе людей черныхъ или земскихъ; законъ не различаетъ горожанъ и сельскихъ. Въ договорныхъ грамотахъ князья опредѣляютъ условія, которыми они взаимно обязываются не покупать у черныхъ людей ни дворовъ въ городѣ, ни земли въ селѣ. Долгіе холопы являются съ новымъ названіемъ. Русская Правда, какъ мы знаемъ, не различала видовъ холопства, зная только одно холопство - обельное. Теперь полные холопы называются чаще дерноватой. Это тѣ же полные холопы; новое названіе произошло отъ дерна, который при покупкѣ холопа служилымъ символическимъ знакомъ, указывавшимъ на то, что онъ и его вещи пріобрѣтаются въ полную собственность. Въ удѣльное время является и новый видъ укрѣпленія холопства. Это - письменная крѣпость, носившая названіе грамоты дерноватой.

Не смотря на новую сословную терминологію, можно подумать, что общественное движеніе въ удѣльное время осталось прежнимъ. Въ самомъ дѣлѣ, подъ новыми сословными названіями можно распознать три знакомые намъ по Русской Правдѣ разряда лицъ. Общество удѣльнаго времени, повидимому, такое дѣлилось на прежніе три класса: на людей служилыхъ, которые лично служили князю; на людей тяглыхъ, которые міромъ платили князю, и наконецъ, на холоповъ, служив-

лицъ частныхъ лицамъ. Но разсматривая близкое отношеніе этихъ трехъ разрядовъ или классовъ къ удѣльнымъ князьямъ, замѣчаемъ существенную перемѣну, какая въ нихъ совершилась. Перемѣна эта стоитъ въ тѣсной связи съ политическимъ характеромъ удѣльнаго князя. Удѣльные князья верхне-волжской Руси XIII и XIV вв. были дальнѣйшими потомками того-же княжескаго рода, который владѣлъ русской землей въ XI и XII вв. Но по своему политическому характеру эти потомки далеко не были похожи на своихъ предковъ XII вѣка. Въ XII в. русской землей владѣлъ цѣлый княжескій родъ; отдѣльные члены рода имѣли политическое значеніе не сами по себѣ, не какъ одинокія лица, а какъ звенья, входившія въ составъ одной раздѣленной династіей. Слѣдовательно, верховная власть въ то время была не единоличной, а совокупительной. Управляемое общество было связано съ нею отношеніями политическаго подданства, т. е. обязательнаго подчиненія по закону, отношеніями, которыя не зависѣли отъ частныхъ сдѣлокъ или личныхъ соглашеній. Совсѣмъ иной характеръ получила верховная власть, когда ея носителями стали удѣльные князья; это были одинокія самостоятельныя владѣльцы, никакими постоянными политическими отношеніями не связанные другъ съ другомъ. По смерти этого политическаго средоточія падало и правительственное значеніе удѣльнаго князя; въ границахъ своей удѣла онъ былъ собственно не политическій правитель, а частный владѣлецъ. Его княжество было для него не обществомъ, а хозяйствомъ; онъ имѣлъ не управленіе, а эксплуатировалъ его. Онъ считалъ себя собственникомъ всей территоріи удѣла, но только территоріи съ принадлежащими ей угодьями. Люди, свободныя лица, юридически не входили въ составъ этой собственности. Свободный человѣкъ приходилъ въ удѣльное княжество, работалъ и уходилъ изъ него, былъ для него политической случайностью. Князь не владѣлъ въ немъ подданнаго въ нашемъ смыслѣ слова, потому что и себя не считалъ государемъ. Онъ пользовался извѣстными верховными правами въ своемъ удѣлѣ, законодательствовалъ, строилъ, вообще правилъ; но свободные люди подчинялись этимъ верховнымъ

правами князя, пока оставались въ его княжествѣ, въ силу договора съ нимъ, который всегда могъ быть разорванъ той и другой стороной. Слѣдовательно, политическія права князя вытекали изъ его гражданскихъ сдѣлокъ съ свободнымъ населеніемъ города. Слово „государь" на языкѣ того времени обозначало личную власть свободнаго человѣка надъ несвободнымъ, надъ холопомъ. Удѣльный князь, подобно всякому землевладѣльцу, имѣлъ такихъ холоповъ; они одни были его личными подданными. Благодаря всему этому, удѣльное владѣніе по своему юридическому характеру приблизилось къ простому частному землевладѣнію. Итакъ, существенная перемѣна, которая произошла въ характерѣ вѣрховной власти, состояла въ исчезновеніи политическаго подданства и въ замѣнѣ его временной зависимостью, основанной на частной гражданской сдѣлкѣ. Удѣльные князья были больше гражданскими владѣльцами своихъ удѣльныхъ территорій, чѣмъ политическими управителями удѣльныхъ обществъ.

Эта перемѣна и измѣнила характеръ отношеній къ князю всѣхъ свободныхъ классовъ удѣльнаго общества. Теперь свободные обыватели города были связаны съ княземъ не отношеніями обязательнаго подданства, а временными обязательствами, вытекавшими изъ договора съ нимъ. Эти обязательства по юридическому существу своему были одинаковы съ тѣми, какими связывались частныя свободныя лица между собою. Только тяжелые и личные подданные князя, его холопы, принадлежали ему совершенно на тѣхъ же правахъ, по какимъ владѣли холопами частныя свободныя лица. Итакъ гражданскій договоръ и личное подданство – вотъ два основанія политическаго порядка въ удѣльныхъ княжествахъ. Достаточно сдѣлать бѣглый обзоръ отношеній къ князю свободнаго и несвободнаго населенія удѣльнаго княжества, чтобы захватить оба эти основанія. Начнемъ съ классовъ, отношенія которыхъ къ князю опредѣлялись договоромъ.

Во главѣ общества стояли служилые люди, распадавшіеся на два класса – бояръ и слугъ вольныхъ или дворянъ. Духовныя и договорныя грамоты очень точно обозначаютъ отношеніе

этихъ классовъ къ князю. Въ нихъ опредѣленіяхъ проведено прежде всего строгое разграниченіе двухъ порядковъ отношеній. Бояре и слуги вольные имѣли въ удѣльныхъ княжествахъ двоякое значеніе, — служебное и экономическое; они были орудіями княжескаго управленія и составляли его боевую силу; съ другой стороны они составляли классъ личныхъ землевладѣльцевъ. Духовныя и договорныя грамоты строго отдѣляютъ служебныя отношенія отъ имущественныхъ, поземельныхъ. Служебныя обязанности носили чисто личный характеръ и не падали на земельныя владѣнія служилыхъ людей. Точно такое же и земельное боярское и слугъ вольныхъ не стояло ни въ какой зависимости отъ ихъ служебныхъ отношеній. Это строгое разграниченіе основывалось на правѣ вольной службы, которымъ пользовались бояре и вольные слуги. Это право состояло въ томъ, что вольный слуга могъ свободно выбирать себѣ мѣсто службы среди удѣльныхъ княжескихъ дворовъ. Это право сложилось еще въ предшествующій періодъ; его источникомъ было сосредоточеніе верховной власти въ одномъ княжескомъ родѣ, составлявшее особенность политическаго порядка въ этотъ періодъ. Такъ какъ власть принадлежала всему роду, совокупности владѣвшему русской землей, то не было препятствій для служилыхъ людей переходить отъ одного князя-родича къ другому. Когда верховная власть разбилась между удѣльными князьями, старый обычай удержался при помощи воспоминанія объ ихъ родственномъ происхожденіи выражался въ договорныхъ грамотахъ какъ право служилыхъ людей. Форму этого права встрѣчаемъ въ договорѣ Каширскихъ князей 1341 г. Здѣсь младшіе братья говорятъ старшему великому князю Семену: „а боярамъ и слугамъ вольнымъ — воля: кто поѣдетъ отъ насъ къ тобѣ или къ великому князю или отъ тебе къ намъ, нелюбья ны не держати (враждебно за пріемъ отъѣхавшихъ слугъ нашихъ другъ къ другу не имѣть)". Переходя на службу къ другому князю, вольный слуга не лишался вотчины, пріобрѣтенной имъ въ покинутомъ княжествѣ. Отсюда и вышло то обычное явленіе, что многіе вольные слуги служили въ одномъ княжествѣ, а владѣли землями въ другомъ.

Это явление и побуждало точно определять служебныя отношенія вольныхъ слугъ отъ поземельныхъ. Договорныя и духовныя грамоты довольно подробно опредѣляютъ тѣ и другія порядокъ отношеній бояръ и вольныхъ слугъ.

1., Какъ землевладѣлецъ, вольной слуга несъ связанныя съ тогдашнимъ землевладѣніемъ повинности въ пользу того князя, въ удѣлѣ котораго находилась его вотчина. Это отношеніе къ князю по тяглу землевладѣнія выражалось въ формулѣ „судомъ и данью тянуть по землѣ и по водѣ". Это значило, что судъ по поземельнымъ дѣламъ служилаго человѣка, какъ и право облагать данью его вотчину принадлежало тому князю, въ удѣлѣ котораго находилась эта вотчина. 2., Какъ служилый человѣкъ, вольный слуга несъ извѣстныя повинности въ пользу того князя, которому служилъ. Въ походахъ бояре и вольные слуги становились подъ знаменами этого князя, а не того, въ чьемъ удѣлѣ владѣли землей. Значитъ, на службѣ лежалъ чисто личный характеръ, падала на служилое лицо, а не на его поземельную собственность. Впрочемъ, была одна военная повинность, которая падала на служилое лицо по землѣ, привязывая его не къ тому князю, которому онъ служилъ, а къ тому, въ удѣлѣ котораго владѣлъ землей. Если городъ подвергался непріятельскому нападенію, осадѣ, защищать его были обязаны всѣ землевладѣльцы его уѣзда, даже тѣ, которые служили въ удѣлѣ другого князя. Эта повинность называлась городской осадой. Она такъ выражена въ договорѣ великаго князя Василія Дмитріевича съ братьями 1405 г.: „а кто которому князю служитъ, гдѣ бы ни былъ, полкъзжи ему (идти въ походъ) съ тѣмъ княземъ, которому служитъ; а городная осада, гдѣ кто осѣнетъ, тому тутъ сѣсти". Послѣднія слова значатъ, что въ случаѣ осады города въ немъ должны садиться для его защиты всѣ землевладѣльцы его уѣзда, не разбирая, какому князю кто изъ нихъ служитъ.

Такъ опредѣлялись служебныя и поземельныя отношенія бояръ удѣльнаго времени. Легко замѣтить общее основаніе, на которомъ строились всѣ эти опредѣленія: тяглымъ основа-

нѣкій служебный договоръ князя съ княземъ, а не общій законъ. Въ служебныхъ отношеніяхъ это основаніе очевидно само собою. Указанія на него мы встрѣчаемъ въ одномъ разсказѣ лѣтописи. Въ 1378 г., по причинѣ смуты въ Литвѣ, къ великому московскому князю пріѣхалъ на службу князь Трубчевскій Дмитрій Ольгердовичъ; онъ, по словамъ лѣтописи, „уряднся у великаго князя московскаго и взялъ крѣпость и рядъ". Великій князь съ честью принялъ знатнаго слугу и далъ ему „крѣпость и рядъ". Такимъ образомъ служебное положеніе слуги при княжескомъ дворѣ закрѣплялось „рядомъ" — личнымъ договоромъ. Но это не основаніе можно замѣнить и въ поземельныхъ отношеніяхъ вольныхъ слугъ къ князю. Вольные слуги пріобрѣтали земли въ удѣлѣ съ разрѣшенія его князя и закрѣпляли ее на условіяхъ, которыя опредѣлялись тѣми взаимными соглашеніями. Вотъ почему эти условія въ удѣльное время были чрезвычайно разнообразны. Князья давали служилымъ землевладѣльцамъ большую или меньшую служебную власть въ нихъ вотчинахъ и освобождали послѣднія отъ тѣхъ или другихъ поземельныхъ даней и повинностей.

IX.

Отношенія черныхъ или земскихъ людей къ удѣльному князю. — Слуги „подъ дворскимъ" какъ переходный классъ между служилыми и черными людьми. — Характеръ сословныхъ отношеній къ князю, вытекавшихъ изъ договора. — Вліяніе договора на личное подданство. — Холопы и ихъ хозяйственное разрядье. — Закладни какъ переходный классъ между свободными людьми и холопами. — Отношенія общественнаго движенія въ удѣльное время къ предшествующимъ. —

Изучая положеніе бояръ и вольныхъ слугъ въ удѣльныхъ княжествахъ, мы видѣли, что ихъ отношенія къ князю опредѣлялись гражданскимъ договоромъ съ послѣднимъ. Отношенія черныхъ или тяглыхъ людей въ удѣльныхъ княжествахъ утверждались на тѣхъ же основаніяхъ: только черный человѣкъ не договаривался съ княземъ прямо, какъ договаривался боярин или слу-

на вольной. Это различие объясняется отношением князя к различным разрядам земель в его уделе. Всех земель в удельном княжестве можно разделить на два разряда: одни находились в непосредственном владении князя, другие он уступал в собственность частным владельцам – монастырям и учреждениям, сохраняя над ними только права верховного вотчинника, т. е. право суда и дани, или даже уступая и эти права целиком или по частям частным собственникам вместе с другими правами владения. Земли первого разряда князь большей частью отдавал в пользование на известных условиях черным людям, городским или сельским, но не каждому лицу порознь, а целым обществам, обязывая их круговой порукой в исполнении условий пользования. Земли владельческие раздавались в пользование тем же черным людям самым на условиях, или назначаемых, но в число этих условий входили дани и повинности, которых требовал удельный князь со всех черных людей, работавших в его княжестве. Черный человек договаривался или с обществом, в которое он вступал, или с землевладельцем, в вотчине которого селился. Но соглашение с тем и другим было косвенным договором с самим князем, в руки которого он садился, подчиняясь тем требованиям князя определявшим исключительно или преимущественно тех условий, на которых предлагали черному человеку землю тяглое общество или землевладелец. Если черный человек не соглашался на эти условия, он мог перейти в другое княжество. Это право перехода всегда признавалось за черными людьми наравне с боярами и слугами вольными. В договорных грамотах князей предоставляемое частным землевладельцам право призывать на свои земли тяглых людей и из чужих княжеств, не считая перехода по такому призыву незаконным побегом. В договорной грамоте рязанских князей 1496 г. крестьяне в праве перехода из одного княжества в другое прямо уравнены с людьми всех прочих классов: „А бояраам, говорится договаривающиеся князья грамоту, и дворянам боярским и слугам и христианом имеет

лась вольным воля". При такой свободе перехода крестьяне, участвовавшие на земляях частных владельцев, в удельные села сделали важное юридическое приобретение. Во времена Русской Правды рядовый закуп, владельческий крестьянин-должник, становился холопом своего владельца, если уходил от него, не возвратив полученной ссуды; в XV в. такого крестьянина иногда возвращали к покинутому владельцу до уплаты ссуды, а иногда только обязывали уплатить ссуду в два года, притом без процентов, но ни в каком случае не лишали личной свободы. Поступок крестьянина, за который в XII в. Русская Правда карала, как за тяжкое преступление, в XV в. закон считал простым гражданским правонарушением.

Класс черных людей связывался с классом смерд вольных одним переходным состоянием. То был класс, носивший название смерд "под дворским" или смерд дворцовых. Кроме смерд вольных, которые несли ратную службу князю, при дворе последнего находились еще смерды, несшие различные хозяйственные службы по дворцовому ведомству. То были: дьяки, подъячие, псари, конюхи, садовники, бортники (дворцовые пчеловоды) и другие ремесленники и черноробочие люди. Юридически они распадались на два слоя: одни из них были кабальные холопы князя, другие - лично свободные люди. Эти последние за свои уступки князю получали от него участки земли в пользование. В отличие от холопов, которые несли тут же хозяйственные службы, эти дворцовые смерды назывались „слугами, что под дворским". Такое название произошло оттого, что главным их управителем был княжеский дворецкий или „дворский". Эти смерды пользовались полученными от князя участками земли, пока состояли на службе. Но они, как и вольные люди, могли покинуть ее и перейти на службу к другому князю; только вместе с тем они лишались и своих земельных участков. Их отношение к князю всего точнее определяется в одной из духовной грамоты великого серпуховского князя Владимира 1410 г.; говоря о дворцовых смердах - псарях, конюхах, садовниках, бобровниках, пользовавшихся

участками княжеской земли, завъщатель заключает: „а кто мне мои не захочет жить на моей земляе, или земли лишит, люди прочь, а сами сыну моему князю Ивану не надобны, на которых грамоты полной не будет, а земли их сыну моему князю Ивану". Смысл этого текста таков: дворцовые смерды, лично свободные, а не холопы полные, если не захотят смерды дворы завъщателя, могут уйти от него, но земли их от них не отнимаются и переходят к наследникам завъщателя. Итак дворцовые смерды получали от князя земельные участки не в собственность, а только во временное пользование. Помимо того, они далее лишены были права приобретать какую либо землю в собственность; так как можно заключить из другого текста той же духовной грамоты. В числе дворцовых смерд находились и княжеские ключники, которые были как свободные лица, так и холопы. О ключниках свободных завъщатель заключает: „а что мои ключники некупленые (т.е. свободные), а покупали деревни за своим ключом; сами ключники хранят моей не надобны, а деревни их дети мои, а в чем будут грех". Итак, далее свободные ключники, которые, занимая эту должность, покупали себе деревни в кормление, покидая смердов князя, лишались и этих купленных деревень. Купля - акт, которым приобреталась вещь в собственность; значит, свободные ключники могли купленные деревни только в условную собственность, обусловленную службой известному князю, чем они отличались от бояр и смерд вольных. Все это сообщало дворцовым смердам характер переходного класса, стоявшего между вольными смердами и черными людьми и совмещавшего в себе некоторые особенности тех и других. Подобно смердам вольным, они несли денежную службу князю, но эта служба была не военная, а хозяйственная, приносившая князю денежную и натуральную пользу, какую приносили и черные люди. И князь извлекал эту пользу из дворцовых смерд так же, как и из черных людей, т.е. видя работы на дворе, или видя платежи с дворцовую землю, которой они пользовались; только из платежей и работы падали на дворцо-

ных смуд по личному назначению князя, как падала ранная служба на вольных смуд, а не по мірской разверстке, как падало тягло на черных людей. Наконец, подобно последним, дворцовые смуды могли лишь пользоваться княжеской землей, но не могли приобретать никакой земли в княжестве на праве собственности, как приобретали ее бояре и вольные смуды. Значит, одной стороной своего положения дворцовые смуды соприкасались со смудами вольными, а другой - с черными людьми.

Таким образом отношения всех свободных классов удельного общества к князю вытекали из гражданского договора. Такой источник сообщал им характер сделок, основанных на обоюдном соглашении интересов - на обмене услуг и выгод. Князь покупал труд свободного человека, платя ему за это какой либо статьей его хозяйства. Свойство этой статьи соответствовало роду труда, какой покупал князь у свободных людей, и той цене, какую он придавал покупаемому труду. Деньги обильно и очень явственно обозначены в княжеских грамотах удельного времени и по ним легко усмотреть сословные особенности, которыми различались классы удельного общества. Служилые люди не составляли однородного плотного сословия; они распадались на два класса, соответствовавшие старшей и младшей дружине XII в. - на бояр и вольных смуд. Бояре служили князю правительственным советом, составляли его Думу, занимали высшие должности по управлению военному и гражданскому, центральному как и областному, были ближайшими сотрудниками князя и руководящими органами удельного управления и суда. За эти услуги князь платил им кормлениями - так называлось пользование доходами, какие соединены были с высшими должностями по центральному и по областному управлению. В княжеских грамотах иногда обозначался самый размер этих кормлений; так великий князь Семен в духовной своей, отказывая свой удел жене, заключает о своих боярах: „кто из моих бояр станет служить моей княгини и займет какую либо должность, тот будет отдавать моей княгине

половину получаемого отъ этой должности дохода." (*) Значитъ, доходъ выбирать изъ управляемаго общества самъ управитель - кормленщикъ, дьяволъ имъ въ помощники попомать. Слуги вольные несли рядовую ратную службу князю, составляли его боевую силу за то князь платилъ имъ доводомъ - такъ называется вторая степень и низшія должности по уездному управленію съ административно-судебными доходами, какіе были съ нимъ соединены. Кормленіе - доходъ отъ должности по высшему управленію; доводъ - отъ должности по управленію низшему. Этимъ различіемъ вознагражденія за службу объясняется одно условіе въ договорѣ союзной Калишской 1341 г.; договаривающіеся князья - братья подтверждаютъ право всѣхъ вольныхъ слугъ, высшихъ и низшихъ, бояръ и дворянъ, выбирать родъ и мѣсто службы: „а вольнымъ слугамъ волно, кто въ кормленіи бываетъ и въ доводѣ при отцѣ нашемъ и при насъ". Былъ и другой способъ вознагражденія за службу служилымъ людямъ высшимъ и низшимъ - земельные владѣнія. Князья позволяли имъ покупать земли въ своихъ владѣніяхъ, давали сами жалованныя или земельныя имущества на правѣ собственности, и какъ жалованныя, такъ и купленныя имѣнія надѣлялись различными судебными и податными льготами. Мы видѣли, что это служилое землевладѣніе въ удѣльные вѣка не было связано съ служебными отношеніями землевладѣльцевъ. Трудно сказать, въ какой мѣрѣ былъ распространенъ въ удѣльномъ княжествѣ и далъ ли онъ какой нибудь третій способъ вознагражденія за вольную службу - денежное жалованіе, которое тогда отличалось отъ судебно-административнаго кормленія, что выдавалось служилому человѣку изъ княжеской казны, а не выбиралось изъ управляемаго населенія прямо самимъ кормленщикомъ. Но объ этомъ жалованіи „урокѣ", какъ говорили въ старину, вспоминаетъ одинъ памятникъ удѣльнаго времени какъ о способѣ вознагражденія за службу, когда-то употреблявшемся на Руси при „древнихъ князьяхъ". У князя,

(*) А кто моихъ бояръ имѣетъ служити у моее княгини, а волости имѣти въ дани давати княгини моей прибытка половину. Собр. Гос. гр. и Догов., т. I, № 24.

заключает летописец, бросая косвенный упрек своему времени, что князья не хотят много воевать, не обременяют людей вымышленными вирами и продажами (судебными пошлинами), но собирают только правые виры и раздают их друг другу, а другие кормятся этим и ведут чужие страны, ободряя себя боевым кликом: „потрудимся братья для своего князя и для русской земли!" Дворцовые слуги несут хозяйственную службу князю, платимую ему хозяйственным личным трудом за пользование земельными участками, которые они него получают. Черные люди, городские и сельские, платили князей земли городские, торгово-промышленные, или сельские, податные, и за это тянули или тянут, работали на князя либо платили ему. Таков был общий устав и выход, которым определялись отношения всех свободных классов удельного общества к князю.

Что такое все эти сословные различия в юридическом смысле? суть ли они сословные права и обязанности в политическом значении этих слов? Общественные классы, которые различались указанными отношениями, можно-ли назвать сословиями в настоящем смысле этого слова? Эти классы различались своими отношениями к князю так же, как различались классы русского общества XI и XII вв. Но теперь эти отношения были не обязательные, а добровольные, вытекали не из общего закона, а из частного договора с князем. Условия этого договора различались по роду услуг, какие обязывались делать в пользу князя люди разных классов, и по свойству выходу, какие они получали в вознаграждение за эти услуги. Бояре и слуги вольные, городские и сельские обыватели, слуги дворцовые были не подданные князя, а либо его служилые наемники, либо арендаторы его земли, либо то и другое вместе. Понятно по вышесказанным, какие несли они в пользу князя, были не столько государственные обязанности, сколько личные хозяйственные обязательства. Согласно с этими и преимущества, которыми они пользовались, были не столько политическими или гражданскими правами, сколько хозяйственными выгодами, которыми князь вознаграждал их за оказываемые ему услуги.

Права и обязанности въ политическомъ смыслѣ слова вытекаютъ изъ общаго постояннаго закона и имѣютъ цѣлью общее благо. Преимущества и обязательства, которыми различались классы удѣльнаго общества, вытекали изъ гражданскаго договора съ княземъ и имѣли цѣлью частныя выгоды, частные интересы договаривавшихся сторонъ. Изъ такого характера отношений различныхъ классовъ удѣльнаго общества къ князю вытекала необходимо подвижность общественныхъ состояний. Если положеніе въ обществѣ опредѣлялось соглашеніемъ съ княземъ, то это положеніе не могло быть наслѣдственнымъ и должно было часто измѣняться. Удѣльное общество отличалось подвижностью и измѣнчивостью состояний; смерди дворцовые легко переходили какъ въ разрядъ смердъ вольныхъ, такъ и въ классъ людей черныхъ; даже черные люди становились смердами дворцовыми и могли переходить въ разрядъ смердъ вольныхъ. Князья, правда, старались сдерживать это колебаніе общественныхъ состояний; въ ихъ договорныхъ грамотахъ замѣтно стремленіе замкнуть отдѣльные классы, преимущественно высшій – бояръ и смердъ вольныхъ, закрывая доступъ въ эти состоянія людямъ неслужилымъ. Такъ въ упомянутой уже нами грамотѣ Владиміра Серпуховскаго мы встрѣчаемъ новыя его наслѣдникамъ: „а боляръ и смердъ, которые не подъ дворскимъ – вольнымъ воля; а кто будетъ подъ дворскимъ смердъ, тѣхъ двои мои межи собой на службу не принимаютъ." Князь-завѣщатель совѣтуетъ наслѣдникамъ не принимать на ратную службу дворцовыхъ смердъ. Такое же условіе встрѣчаемъ въ договорной грамотѣ великаго князя Дмитрія Донскаго съ упомянутымъ удѣльнымъ серпуховскимъ княземъ: „которые смерди пойдутъ къ дворскому, а черные люди къ сотнику, тѣхъ намъ въ службу не принимать, а смотрѣть намъ за ними совѣща." Но самое появленіе этого условія въ договорной грамотѣ показываетъ, что оно шло въ разрѣзъ съ установившимся порядкомъ. Князья старались прекратить постоянное переваливаніе людей изъ одного состоянія въ другое, вводя это какъ новую статью, которая была посягательствомъ князей на существующее право изъ гражданскаго и политическаго права.

Такъ устроены были въ удѣльныхъ княжествахъ свободные общественные классы. Но, кромѣ свободныхъ состояній внѣ удѣльнаго общества лежалъ еще классъ несвободный. Люди этого класса находились въ личномъ подданствѣ у князя или у лицъ высшихъ состояній. Личное подданство основывалось на частной сдѣлкѣ, а не на общемъ законѣ; такими зависимыми лицами людьми были холопы. Ихъ юридическое состояніе не цѣликомъ вошло въ удѣльное право, но за то вмѣстилось въ состояніе экономическое. Дѣйствій основного принципа удѣльнаго устройства, который дѣлилъ общество на классы болѣе по экономическимъ, чѣмъ юридическимъ признакамъ, отразилась на холопствѣ чрезвычайною дробностью дѣленія его на хозяйственные разряды. Въ удѣльномъ княжествѣ и прежде всего при дворѣ удѣльнаго князя многочисленные холопы дѣлились на два главныхъ разряда: на холоповъ большихъ и меньшихъ. Большіе холопы раздѣлялись въ свою очередь на два слоя – на людей старшихъ и на людей приказныхъ; старшіе люди были походными спутниками князя или вольными слугъ; приказные люди служили по хозяйственному управленію князя или его бояръ, были при приказчикахъ, ключникахъ, дѣлахъ и т. п. Отъ большихъ холоповъ отличались меньшіе, носившіе общее названіе дѣтскихъ или дѣтскихъ людей. Это – черная масса челядь. „Дѣтскіе" люди въ свою очередь раздѣлялись на два разряда – на людей дворовыхъ, исправлявшихъ низшія дворовыя и на людей страдныхъ – холоповъ, посаженныхъ на земли и обрабатывавшихъ либо участки дворовой земли, либо пашни, данные имъ въ пользованіе за оброкъ. Юридически несвободные люди всѣхъ этихъ хозяйственныхъ разрядовъ были холопы полные. Такимъ образомъ, основываясь въ преобладающемъ юридическомъ положеніи, холопство распалось на множество экономическихъ разрядовъ.

Съ другой стороны могъ изъ хозяйственной договоръ создать особый промежуточный классъ, лежавшій между холопами и вольными людьми. Мы видѣли, что въ первые вѣка христіанской жизни Руси церковь настояла на правѣ свободнаго человѣка, продававшагося въ работу, прекратить зависимость по

своей волѣ возвратомъ занятыхъ за него суммы. Въ удѣльное время князья и бояре начали принимать на свою дворовую службу вольныхъ людей, давая имъ ссуду на извѣстныхъ условіяхъ и не лишая ихъ права покинувъ эту службу, возвратить ссуду. Такіе зависимые лица получили въ удѣльное вѣка названіе закладней. Они отличались отъ холопства условностью службы и правомъ прекратить ее по своей волѣ. Ихъ отношенія къ князю или боярамъ основывались на розыскномъ договорѣ: то были договоры свободныхъ рабочихъ, бравшихъ у своихъ господъ ссуду и обязывавшихся за то работать на нихъ до возврата послѣдней.

Если теперь мы еще разъ бросимъ общій взглядъ на составъ удѣльнаго общества, то оно представится намъ разбитымъ на слѣдующіе разряды: То были: 1., бояре, 2., вольные слуги, 3., слуги дворовые, 4., черные люди, городскіе и сельскіе; 5., закладни и наконецъ, 6., холопы. Основаніемъ такого дѣленія, мѣриломъ котораго служили различныя отношенія къ князю этихъ шести разрядовъ, служилъ розыскной гражданскій договоръ.—

Изучая составъ русскаго общества въ XI и XII вѣкахъ, мы замѣтимъ въ немъ двойное дѣленіе — политическое и экономическое. Политическое дѣленіе держалось на отношеніяхъ лицъ къ верховной власти; болѣе поздно — экономическое — на различіи имущественныхъ состояній, соединенныхъ съ неравенствомъ правъ. Теперь въ удѣльное вѣка общество распалось такъ же по отношеніямъ лицъ къ князю, только не обязательнымъ, а добровольнымъ. Сущность этихъ отношеній заключалась въ договорномъ обмѣнѣ вещей и услугъ, въ обычныхъ службы или подряда имѣла въ одной сторонѣ пользованіе какой либо статьей княжескаго хозяйства съ другой. Различіемъ вещей и услугъ опредѣлялось и дѣленіе общества на классы. Итакъ, удѣльное общество дѣлилось не по обязательнымъ отношеніямъ къ князю и имущественнымъ состояніямъ, а по условіямъ гражданскаго договора съ княземъ. Слѣдовательно, дѣленіе удѣльнаго общества было не политическое и не экономическое, а юридическое — городское. Такимъ терминомъ можно опре-

лить это движение от двух предшествующих. Такой характер общественного состава вполне соответствовал и характеру удельного князя, который, как мы видели, был не государем в политическом смысле этого слова, а хозяином в смысле вотчинно-юридическом. Такое движение удельного общества имело тесную историческую связь с движениями предшествующими. Первоначальное движение по обязательным отношениям к князю удельное общество на людей служилых и неслужилых. Но ещё этого политического движения выпекали экономические различия между этими классами, соединявшиеся с неодинаковыми гражданскими правами, а ещё ранее немущественных и юридических различий складывались различные общественные состояния. Вотчинные лица становились преимущественно земледельцами; лица неслужилые работали торгово-промышленным капиталом или земледельческим трудом, а по землевладению и торгово-промышленному капиталу служилые и торговые люди пользовались правами, какими имели земледельцы, работавшие на чужой земле, казенной или частной. Различие имущественных состояний, сложившихся в XI и XII вв. должно также иметь и в основании удельного движения общества. Это движение определялось условиями гражданского договора, какой заключали с князем свободные лица, ради своих разнообразных целей и выгод, какими обменивались обе стороны. Но, очевидно, условия договора свободных лиц с князем определялись их имущественным состоянием или общественным положением. Земледельцы вступали в личную правительственную или рядную службу к князю; лица, обладавшие торгово-промышленным капиталом или земледельческим инвентарем, снимали у князя торгово-промышленные городские места или наёмные сельские участки. Так вскрывается историческая связь между общественными движениями, преемственно сменявшимися. Каждое следующее движение основывалось на экономических последствиях, вытекавших из предшествующего. — Прошу вас запомнить эту связь, потому что она объяснит нам происхождение и сущность

дальнѣйшихъ явленій, какія мы будемъ изучать.

III періодъ въ исторіи русскихъ сословій.—

X.

Классификація лицъ въ Московскомъ государствѣ.

Теперь, изучивъ составъ удѣльнаго общества, обращаемся къ третьему періоду въ исторіи нашихъ сословій. Довольно трудно обозначить его хронологическія границы. Третій періодъ въ исторіи русскихъ сословій — это общественная формація, сложившаяся въ московскомъ государствѣ XV, XVI и XVII вв. Завязку этой формаціи можно замѣтить около половины XV в.; ея измѣненіе и переходъ въ дальнѣйшій новый складъ становится замѣтнымъ во второй половинѣ XVII в. Поэтому я обозначу хронологическими предѣлами этого періода половину XV и половину XVII в. Изученіе общественнаго состава въ московскомъ государствѣ XV—XVII вѣковъ представляетъ большія трудности; главная причина ихъ — чрезвычайная дробность общественнаго дѣленія. Общество распадается на множество іерархическихъ разрядовъ; этихъ разрядовъ такъ много, что трудно составить полный и точный ихъ перечень. Затрудненіе увеличивается еще тѣмъ, что эта соціальная дифференціація не останавливается въ продолженіе всего періода, — напротивъ, идетъ все усиленнымъ ходомъ. Общество дробится на все болѣе мелкіе разряды на глазахъ наблюдателя. Мозаическій подборъ мелкихъ слоевъ не остается неподвижнымъ, постоянно измѣняется. Рядомъ съ основными классами, которые обозначаются въ первое время, становятся классы переходные, которые, постепенно твердѣя, присоединяются къ основнымъ и выдвигаютъ изъ себя новые переходные слои. Благодаря этому, все усиливающемуся дробленію общества въ московскомъ государствѣ XVI и XVII вв. производитъ на изучающаго впечатлѣніе постоянно движущагося калейдоскопа. Чтобы найтись въ этой безпорядочной, постепенному дробленію, необходимо постараться

главное основание общественного движения этого времени. Я уже указал на это основание: тем строгого движения классов по роду государственных повинностей, разверстанных по имущественному состоянию лиц. Таким образом каждый класс отличался от другого двумя признаками — политическим и экономическим. Политическим признаком служила известная специальная повинность, падавшая на этот класс, экономическим — имущественное состояние лиц этого класса. По этим двум признакам можно и различить отдельные мелкие разряды друг от друга, и свести их в крупные классы, установивши некоторый порядок в их классификации. Изучение причин и хода этого дробления я начну прямо с его результатов, перечня тех мелких разрядов, на какие разбилось общество в Московском государстве. Для этого мы возьмем московское общество в том составе, какой оно получило приблизительно к половине XVII в. и перечислим его слои в вертикальном его разрезе сверху вниз. Как ни обременителен для памяти такой перечень, но не зная его трудно понять самый ход общественного дробления.

Все мелкие иерархические разряды, на которые дробилось общество в Московском государстве, на политическом языке тех времен носили название чинов. Чином в Московском государстве назывался общественный слой, который нес свою специальную государственную повинность, соответствовавшую его экономическому состоянию. Все чины, по их хозяйственному и государственному положению можно распределить на три отдела. Это были: 1., чины служилые, 2., тяглые и 3., нетяглые.

Чины служилые распадались на два круга: на чины служилые по отечеству и на чины служилые по прибору.

К чинам служилым по отечеству (т. е. по отчеству) принадлежали лица, которые несли на себе государственную службу, по своему происхождению, как наследственно-привилегированность.

Эти чины в свою очередь распадались на два разряда: 1.) на чины думные, 2.), на чины служилые собственно.

Служилые люди низших чинов XVI в. говорили, отличая себя отъ чиновъ высшихъ: „мы люди служилые, а не думные".

Думныхъ чиновъ было три: бояре, окольничіе и думные дворяне. Думные чины составляли изъ числа правительственныхъ, занимавшихъ должности по высшему управленію и числа въ государственномъ совѣтѣ — въ государевой Думѣ.

Чины „служилые собственно" раздѣлялись также на два разряда — чины московскіе и чины городовые. Московскіе, т. е. столичные, чины въ нисходящемъ порядкѣ были: стольники, стряпчіе, дворяне московскіе (столичные) и жильцы (дворцовые). По самымъ этимъ званіямъ можно заключить, что чины московскіе первоначально различались родомъ придворной службы. Но впослѣдствіи люди московскихъ чиновъ составляли высшій слой боевой московской силы: изъ стольниковъ, стряпчихъ и другихъ московскихъ чиновъ составлялся „государевъ полкъ", соотвѣтствующій нынѣшней гвардіи. Люди московскихъ чиновъ назначались также головами или даже воеводами, т. е. офицерами или полковниками въ армейскіе полки, а также служили органами низшей администраціи.

Чиновъ городовыхъ было три: дворяне выборные или выборъ, дѣти боярскіе дворовые и дѣти боярскіе городовые собственно. Объ этихъ чинахъ въ спискахъ провинціальнаго дворянства болѣе или менѣе опредѣленно писалось, кто одни изъ нихъ служатъ „изъ выбору", другіе по дворовому списку, а третьи служатъ городовую или осадную службу. Чтобы понять различіе повинностей, падавшихъ на эти городовые чины, надобно знать устройство главной рати въ московскомъ государствѣ. Масса этой рати составляло дворянство, разсѣянное по уѣздамъ. Но по иерархическому составленію это дворянство дѣлилось на слои, каждый изъ которыхъ несъ различную повинность въ одинаковой мѣрѣ; одни провинціальные дворяне ходили въ дальніе походы, т. е. жили провинціями, отдаленными отъ ихъ уѣздовъ, въ которыхъ они владѣли землей; другіе могли ходить только въ ближніе походы, граничившіе съ ихъ уѣздами; третьи, наконецъ, по малости ихъ помѣстій не могли совсѣмъ ходить въ по-

ходы, потому что не имѣли лошадей и надлежащаго походнаго вооруженія; они обыкновенно составляли тѣ же гарнизоны своихъ городовъ. Эти различные роды службы и обозначались на московскомъ служебномъ языкѣ словами: „служба государева дальняя", служба ближняя и служба городовая или осадная. Дворяне выборные и дѣти боярскіе дворовые несли дальнюю службу; кромѣ того, выборные дворяне по извѣстной очереди посылались для отправленія разныхъ обязанностей при дворѣ и въ столицѣ.

„Чины служилые по прибору" были также многочисленны. Къ нимъ относились разные служилые люди низшихъ разрядовъ, каковы были стрѣльцы (постоянная пѣхота, возникшая въ началѣ XVI в.), пушкари и затинщики (т. е. служители при затинныхъ пищаляхъ, крѣпостныхъ орудіяхъ), вообще артиллерійская прислуга, пограничные казаки, рейтары, солдаты и драгуны, полки которыхъ возникли при новой династіи XVII в. Эти приборные чины вербовались правительствомъ изъ охотниковъ, людей разныхъ классовъ, преимущественно изъ людей, свободныхъ отъ государственнаго тягла. Первоначально люди этихъ чиновъ записывались на службу временно, только на извѣстный походъ и распускались по окончаніи его; но въ XVII ст. и приборные люди становились постоянными ратниками, служившими до своей смерти, до старости или до болѣзни. Эти приборные чины отличались отъ служилыхъ по отечеству тѣмъ, что не составляли служебной іерархіи, а считались равными между собою, различаясь родомъ службы, а не достоинствомъ званія, потому въ нихъ не было іерархическаго движенія. Переходъ казака въ рейтары или въ стрѣльцы былъ переходомъ рода службы, а не служебнымъ повышеніемъ, какимъ былъ, напримѣръ, переходъ выборнаго дворянина въ окольничіе, или окольничаго въ думнаго дворянина московскаго.

Второй отдѣлъ составляли чины тяглые или земскіе. Тяглые люди подразумѣвались въ свою очередь на людей посадскихъ и уѣздныхъ. Первые были тяглые городскіе обыватели, вторые — тяглые обыватели сельскіе. Въ предполагаемое время экономи-

ческаго различія между посадскими и уѣздными людьми, не другое, что первые были торговцы и промышленники, а вторые — хлѣбопашцы; такого различія между тѣми и другими не существовало. Какъ между посадскими людьми очень многіе занимались хлѣбопашествомъ, такъ и среди людей уѣздныхъ существовало очень много промышленниковъ, ремесленниковъ и торговцевъ. Тотъ и другой разрядъ различались между собой политически, свойствомъ обществъ, въ которыя они соединялись. Посадскіе люди входили въ составъ городскихъ обществъ, люди уѣздные — въ составъ обществъ сельскихъ. Общества сельскія отличались отъ городскихъ родомъ спеціальныхъ повинностей, падавшихъ на нихъ и другія и способомъ разверстки общаго тягла между отдѣльными лицами. Государственная подать въ городскихъ обществахъ разверстывалась по дворамъ, въ обществахъ сельскихъ — по размѣру сельскихъ участковъ.

Посадскіе люди были неодинаково устроены въ столицѣ и въ провинціальныхъ городахъ. Устройство посадскаго населенія города Москвы отличалось особенной сложностью. Это населеніе распадалось на слѣдующіе классы; то были: 1, гости, 2, гостиная сотня, 3, суконная сотня, 4, черныя сотни и слободы. Первые три разряда составляли высшее купечество, выдѣлившееся изъ торгово-промышленнаго населенія столицы. Гости — это крупные оптовые торговцы, которые вели дѣла съ другими городами или даже съ иностранными землями; они отличались отъ торговыхъ людей гостиной и суконной сотенъ размѣромъ капитала. Падѣленій второй половины XVII в. Котошихинъ говоритъ, что „гости“ имѣли оборотнаго капитала отъ 20-ти до 100 тысячъ. Такъ какъ московскій рубль его времени, т. е. времени царя Алексѣя, равнялся 17-ти нынѣшнимъ, то 20.000 значили тогда, что теперь тысячъ 300 слишкомъ, 100.000 — около двухъ милліоновъ. Къ сотнямъ гостиной и суконной принадлежали купцы, обладавшіе меньшимъ капиталомъ. Если гостей можно сравнить съ нынѣшними коммерціи совѣтниками, то сотни гостиная и суконная соотвѣтствовали нынѣшнимъ первой гильдіи. Торговые люди трехъ названныхъ

разрядовъ, соотвѣтственно различнымъ капиталамъ, несли неодинаковыя государственныя повинности. Сверхъ общаго городского тягла, падавшаго на все посадское населеніе, они исполняли еще финансовыя порученія по эксплоатаціи разныхъ казенныхъ монополій и доходныхъ статей. Таковы были продажа соболиной казны государевой, т. е. мѣховъ, которыми торговала казна, продажа питей, составлявшихъ монополію казны, сборъ таможенныхъ пошлинъ на внутреннихъ рынкахъ и т. п. Эти казенныя операціи велись поочереди гостями и людьми обѣихъ высшихъ сотенъ не только безвозмездно, но и подъ ихъ имущественной отвѣтственностью. Такая отвѣтственная служба въ отличіе отъ ратной называлась вѣрной или цѣловальной, т. е. присяжной. На гостей падали болѣе тяжелыя и отвѣтственныя порученія, чѣмъ на людей гостинной и суконной сотенъ. Люди черныхъ сотенъ и черныхъ слободъ составляли массу торгово-промышленнаго населенія столицы, соотвѣтствовавшую позднѣйшему мѣщанскому. Сотни и слободы различались между собой родомъ промышленныхъ занятій; поэтому ихъ можно сравнить съ позднѣйшими цехами. Слободы отличались отъ сотенъ тѣмъ, что состояли изъ торговцевъ и ремесленниковъ, приписанныхъ къ дворцу и поставлявшихъ во дворецъ различные припасы или работавшихъ на него. Такъ были слободы дворцовыхъ садовниковъ, кузнецовъ, халатниковъ (тѣхъ отъ которыхъ были на дворецъ), кадашей (тѣхъ которые работали для государева семейства) и т. п. Каждая черная сотня и слобода составляла особое общество, управлявшееся выборнымъ старостой или сотникомъ.-

XI.

Продолженіе предыдущаго.

Продолжаю перечень тяглыхъ чиновъ.

За тяглыми посадскими московскими служилыми чины посадскіе провинціальные или посадскіе люди городовые. По торговой сословной лѣстницѣ послѣ нихъ разсчитаны иностранные

тала они также раздѣлялись на разряды, соотвѣтствовавшіе своимъ имущественнымъ и носившіе названія людей лучшихъ, середнихъ и молодшихъ. Каждый изъ этихъ экономическихъ разрядовъ составлялъ особый чинъ, политически отличавшійся отъ другихъ размѣромъ общаго посадскаго тягла, на него падавшимъ, и тяжестью службъ или казенныхъ порученій, на него возлагавшихся. Съ двора „лучшаго" посадскаго человѣка мало тягла вдвое тяжелѣе, чѣмъ со двора „середняго", а съ послѣдняго вдвое тяжелѣе, чѣмъ со двора молодшаго человѣка. „Лучшій" или „середній" человѣкъ обыкновенно служилъ по выбору либо вѣрнымъ головой на крупномъ дворѣ въ selѣ своего уѣзда, либо въ таможнѣ своего города, но не вѣрнымъ головой, а только цѣловальникомъ, т. е. присяжнымъ помощникомъ вѣрнаго таможеннаго головы. Такъ распредѣлялась между городовыми посадскими чинами и тяжесть тягла, и степень отвѣтственности по исполненію казенныхъ порученій. Теперь перейдемъ къ перечню чиновъ второго разряда тяглыхъ людей — людей тяглыхъ уѣздныхъ (сельскихъ).

Въ нихъ средѣ существовало двоякое дѣленіе — по юридическому положенію обрабатывавшихъ тяглую землю и по размѣрамъ ихъ рабочихъ сельско-хозяйственныхъ силъ или средствъ. По юридическому положенію земель различались: 1., крестьяне черные и дворцовые, сидѣвшіе на казенной государевой землѣ, прикрѣпленные къ своимъ участкамъ или, точнѣе, къ своимъ сельскимъ обществамъ, но лично свободные. 2., Крестьяне крѣпостные, посаженные на земляхъ частныхъ владѣльцевъ обыкновенно со всѣмъ на сельско-хозяйственное обзаведеніе и составившіе въ ихъ крѣпостной зависимости отъ нихъ, но не прикрѣпленные ни къ своимъ земельнымъ участкамъ, ни къ сельскимъ обществамъ.

По рабочимъ средствамъ тяглые сельскіе обыватели также дѣлились на два разряда. Это были: 1., крестьяне собственники, не обрабатывавшіе полные или нормальные надѣлы, какіе были приняты въ извѣстной мѣстности по качеству почвы и по числу населенія и платившіе съ нихъ полные оклады посошнаго тягла. 2., бобыли (малоимущіе крестьяне), пор-

раздѣлявшіеся также на два разряда: одни обрабатывали участки небольшого размѣра сравнительно съ крестьянскими, другіе совсѣмъ не имѣли средствъ пахать, владѣли только дворовыми усадьбами и жили сельскими промыслами или ремесленнымъ трудомъ. Соотвѣтственно этому и крестьянское тягло падало на нихъ въ уменьшенномъ размѣрѣ. Теперь обратимся къ перечню разрядовъ третьяго отдѣла въ составѣ общества московскаго государства.

Этотъ отдѣлъ составляли люди тяглые. Они отличались отъ другихъ классовъ тѣмъ, что не несли ни государевой службы, ни податного тягла. Они раздѣлялись на два класса — на людей вольныхъ и на холоповъ, какъ говорили въ старину, или на холоповъ, какъ говоримъ мы.

I. Вольные или чорные люди составляли классъ крайне пестрый по своему экономическому состоянію. Одними ихъ жизнь загружена тягломъ; это были люди, не имѣвшіе своего хозяйства и вступавшіе въ товарищества съ тяглыми людьми. Они добросовѣстно помогали послѣднимъ въ ихъ работахъ, но не принимали на себя податного тягла. То были или отпрыски, чорные для фамиліи лица, или ихъ родственники — отцы, потерявшіе способность къ работѣ, дяди, еще не съѣвшіе своей отдѣльные участки и т. п. Ихъ и другіе — и чорные лица, и родственники — носили названіе захребетниковъ, сосѣдей или посадскихъ. Другіе вольные люди не имѣли опредѣленныхъ занятій и постояннаго мѣстожительства, промышляли подвижными перепончатыми занятіями, „кормились по́ходя" по старинному выраженію. Наконецъ, третьи совсѣмъ не работали, а жили Христовымъ именемъ, просили милостыню. Вольные люди жили въ городахъ и селахъ, но не приписывались ни къ городскимъ, ни къ сельскимъ обществамъ.

II. Холопы. Въ положеніи холопства XVI и XVII вв. встрѣчаемъ явленіе, противоположное тому, какое мы видѣли въ холопствѣ удѣльнаго времени. Въ то время холопство, составляя однородный въ юридическомъ отношеніи классъ холоповъ полный, дробилось на мелкіе хозяйственные разряды; теперь,

напротивъ, холопство, сохранявшее установившіяся въ удѣльныя времена экономическія состоянія, чрезвычайно мелко дробилось на различные юридическіе разряды. Всѣ эти разряды различались между собой степенью и условіями личной неволи, которая и составляла особенность всего этого класса, отличавшую его отъ людей свободныхъ, тяглыхъ и вольныхъ. Я перечислю эти разряды, начиная съ наиболѣе тяжелыхъ видовъ неволи и кончая наиболѣе легкими.

1., Холопство полное. До XVII в. оно возникало изъ пяти источниковъ, которые дѣйствовали во времена Русской Правды и въ удѣльные вѣка. Холопство полное было во первыхъ, безусловнымъ и безсрочнымъ, во вторыхъ, потомственнымъ и наслѣдственнымъ. Какъ неволя переходила отъ холопа на его потомство, такъ и право на невольника передавалось по наслѣдству его наслѣднику. Письменная крѣпость, которой укрѣплялось холопство полное, носила названіе полной грамоты.

2., Холопство докладное. Источникъ, изъ котораго оно возникало, былъ одинъ изъ пяти, которыми создавалось холопство полное — продажа лица въ рабство. Но эта продажа устанавливала зависимость условную и временную. Условность этой зависимости выражалась въ томъ, что докладной холопъ отдавался не на всякую работу, а только на службу въ должности сельскаго ключника. Въ судебникѣ это выражалось формулой, которая гласила, что холопъ „отдавался" за столько-то рублей „на ключъ въ село, а по ключу и въ холопы". Временный характеръ неволи выражался въ томъ, что „докладной" холопъ холопилъ господину только до смерти послѣдняго, послѣ которой по закону выходилъ на волю, не платя долга. Это холопство получило свое названіе отъ юридической формальности — доклада, которымъ оно укрѣплялось. Письменная крѣпость, заключавшая въ себѣ докладъ, докладывалась наличнымъ, которые проверяли и допросомъ холопа и скрѣпляли ее своею печатью. Поэтому и эта письменная крѣпость, укрѣплявшая докладное холопство,

носила названіе докладной грамоты.

3. Холопство кабальное. Въ разныя времена оно возникало изъ разныхъ источниковъ. Въ XVI в. такимъ источникомъ служилъ заемъ, обезпеченный личными закладами должника и соединенный съ обязательствомъ послѣдняго „за рость служити", т. е. работать на заимодавца въ его домѣ вмѣсто уплаты процентовъ. Въ XVII в. источникомъ кабальнаго холопства былъ простой уговоръ холопа служить во дворѣ господина безъ всякаго займа и безъ выговореннаго имъ вознагражденія за эту службу. Холопство кабальное, подобно докладному, было временнымъ: оно продолжалось только до смерти господина, послѣ которой кабальный холопъ по закону выходилъ на волю. Письменный актъ, которымъ укрѣплялось холопство кабальное, носилъ названіе служилой кабалы, которую надобно отличать отъ „кабалы заемной" — простой долговой росписки, не создававшей личной зависимости и не соединенной съ обязательной работой.

4. Холопство ясыльное. Оно развилось изъ кабальнаго въ тѣхъ поръ, какъ послѣднее перестало возникать изъ займа, соединеннаго съ обязательной работой. Холопство ясыльное отличалось отъ кабальнаго разнообразіемъ источниковъ и условій невольи. Оно возникало изъ займа, соединеннаго съ обязательной работой за рость; изъ найма, соединеннаго съ условной платой по окончаніи работы, и, наконецъ, изъ прокорма, т. е. изъ обязательства со стороны хозяина одѣвать и кормить работника. Холопство ясыльное было не только временнымъ, но и срочнымъ. Смотря по соглашенію, оно продолжалось опредѣленное въ крѣпости число лѣтъ („урочная лѣта") или до смерти господина, или до смерти его дѣтей; обыкновенно это урочное до смерти холопа. Оно отличалось отъ кабальнаго еще тѣмъ, что невольи возникала не только изъ свободнаго договора лица, отдававшагося въ невольо, съ господиномъ, но также и изъ договора родителей и опекуновъ родственниковъ невольника или опеки невольницы. Въ такую невольо отдавали родители своихъ дѣтей, дяди племянниковъ, опе-

ліе братья младшіе, мужья своихъ женъ. Выраженіе Минина «заложимъ своихъ женъ!» не было ораторской фразой, а самой дословной юридической формулой, выражавшей простыя, ежедневныя сдѣлки. Актъ, которымъ укрѣплялось это холопство, носилъ названіе *записи* или *кабалы*.

Я кончилъ утомительный перечень чиновъ, на которые распалось московское общество въ XVI и XVII вв. Я описалъ составъ этого общества, какъ оно сложилось приблизительно къ половинѣ XVII в., ко времени Уложенія. Я перечислилъ составныя его части въ вертикальномъ разрѣзѣ. Мы видѣли, что общество дѣлилось на три главныхъ отдѣла — на людей служилыхъ, на людей тяглыхъ и нетяглыхъ; каждый отдѣлъ раздѣлялся на нѣсколько разрядовъ, подраздѣлявшихся въ свою очередь на нѣсколько мелкихъ слоевъ или чиновъ. Эти чины имѣли неодинаковое значеніе и внѣшнее отношеніе. Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ чины составляли іерархическую лѣстницу, ступени которой различались между собою количествомъ и качествомъ государственныхъ обязанностей, падавшихъ на каждый чинъ. Поэтому здѣсь существовало іерархическое движеніе лицъ, переходъ ихъ по службѣ или по средствамъ изъ низшихъ чиновъ въ высшіе. Такова чины, на которые распадался отдѣлъ служилыхъ людей или отдѣлъ людей тяглыхъ посадскихъ. Въ другихъ отдѣлахъ чины не имѣли значенія ступеней лѣстницы, расположенныхъ въ вертикальномъ направленіи. Но были разряды, параллельные другъ другу въ направленіи горизонтальномъ. Они различались между собою не степенью тяжести, не качествомъ государственнаго служенія, а только родомъ специальныхъ обязанностей, которыя всѣ имѣли для государства одинаковое значеніе. Такови были чины, на которые распадались служилые люди по приборамъ: стрѣльцы, казаки, пушкари, затинщики и т. д. Поэтому здѣсь не было іерархическаго движенія лицъ. Служилый человѣкъ за службу или по его средствамъ не повышался изъ пушкарей въ казаки, изъ казаковъ въ стрѣльцы, ибо и стрѣльцы, и казаки, и пушкари несли различныя, но въ политическомъ смыслѣ равнозначныя службы. Для того, чтобы прочно запечатлѣть въ

нашими чиновное дробление общества въ московскомъ государствѣ, я сведу изложенной перечень въ слѣдующую таблицу, которая представитъ наглядную графическую схему общественнаго дѣленія.-

А. Служилые люди.

I. Служилые люди по отечеству.

а., Чины думные:
1., бояре,
2., окольничіе,
3., думные дворяне.

в., Чины служилые московскіе:
1., стольники,
2., стряпчіе,
3., дворяне московскіе,
4., осмильцы.

с., Чины служилые городовые:
1., выборъ
2., дѣти боярскіе дворовые
3., дѣти боярскіе городовые.

II. Служилые люди по приборy.

1., стрѣльцы, 2., казаки, 3., пушкари и т.д.

Б. Тяглые люди.

I. Тяглые люди посадскіе.

а., Чины посадскіе московскіе:
1., гости,
2., гостиная сотня,
3., суконная сотня,
4., черныя сотни и слободы московскія.

в., Чины посадскіе городовые:
1., лучшіе люди,
2., середніе и
3., молодшіе.

II. Тяглые люди уѣздные.

а., Крестьяне черные и дворцовые:
1., Крестьяне собственно,
2., бобыли.

в., Крестьяне крѣпостные:
1., крестьяне собственно,
2., бобыли.

В. Люди нетяглые.

I. Люди вольные

II. Холопы:
1., полные,
2., докладные
3., кабальные
4., опальные.

XII.

Происхождение и ход общественного движения в московском государстве. – Политические основания этого движения. – Перемена в значении верховной власти. – Внешние власти московского государя суть двоякие, ей предшествовавшие русские типы верховной власти. – Перемены в характере отношений государя к обществу: 1., возникновение идеи политического подданства; 2., исчезновение личного гражданского подданства и новое политическое значение звания „государевых холопов"; 3., превращение договорных сословных обязательств в государственные обязанности. – Общее основание сословной развертки этих обязанностей. – Выводы. –

Из какого источника вышло столь дробное общественное движение, как оно началось и совершалось? Это движение вышло из очень сложного исторического процесса, начавшегося в истории древней Руси с тех пор, как разбитая на уделы северо-восточная Русь соединилась под властью московского государя. Этот процесс не принадлежит к порядку крупных всемирно-исторических явлений; но он очень своеобразен. В нем вскрылись не только черты народного характера, но и общие мотивы исторического движения, пружины, механики общежития, и если Вы, подобно мне, придаете научный интерес явлениям такого рода, то терпеливо последуете за мной в микроскопических наблюдениях, в которые я хочу Вас ввести. Прежде всего я изложу общие политические основания этого движения, которые попытаюсь вывести из подробностей всего склада московского государства, указывая на самые эти подробности только мимоходом.

Политическое объединение северо-восточной Руси резко изменило характер отношений, установившихся в удельные века между князем и всеми классами удельного общества. Мы видели, что в удельные века эти отношения держались на частном гражданском договоре или на кор-

постоянной личной подданством и состоящей въ общихъ матеріальныхъ услугахъ и выгодахъ между общими сторонами. Такой характеръ отношеній вполнѣ отвѣчалъ юридическому значенію удѣльнаго князя, который былъ владѣльцемъ – хозяиномъ удѣла, а не государемъ – правителемъ удѣльнаго общества. Территоріальное разъединеніе власти по удѣламъ и еще сохранявшееся воспоминаніе о родственномъ происхожденіи князей, между которыми она была раздѣлена, давали свободнымъ лицамъ возможность разрывать договоръ съ однимъ княземъ и заключать его съ другимъ. Такимъ образомъ составъ удѣльнаго общества, возникновеніе и прекращеніе его отношеній къ князю, зависѣли отъ чисто случайнаго условія – отъ воли самого князя и свободныхъ частныхъ лицъ, съ нимъ договаривавшихся. Самое пространство территоріальной власти князя опредѣлялось волей его предшественника: каждый удѣльный князь обыкновенно владѣлъ лишь тѣмъ, что ему доставалось по духовному завѣщанію отца, брата или дальняго родственника.

Сосредоточеніе разъединенной по удѣламъ власти въ лицѣ московскаго государя измѣнило его положеніе въ государствѣ съ двухъ сторонъ, но въ одномъ направленіи. 1., Пространство и содержаніе его власти перестали зависѣть отъ такого случайнаго условія, какъ воля отдѣльныхъ лицъ. Они опредѣлялись государственными требованіями, политической необходимостью. Когда сѣверо-восточная Русь соединилась подъ властью московскаго государя, послѣдній очутился властителемъ всей Великороссіи, т. е. чуждой великорусской народности. Мало того, онъ укрѣпилъ за собою титулъ „государя всея Руси", въ которомъ громко звучало притязаніе и на другія части русской земли, еще не народившіяся въ его обладаніи. Такимъ образомъ московскій князь становился въ положеніе жнущихъ національнаго единства и блюстителя національныхъ интересовъ. Русское населеніе, обитавшее въ предѣлахъ московскаго государства, подчинялось ему не въ силу договора съ нимъ, а въ силу своей принадлежности къ русскому народу и общности народныхъ интересовъ. Владѣлецъ территоріи теперь сталъ и правителемъ общества.

Пространство и характеръ его власти, какъ и составъ управляемаго имъ общества, теперь опредѣлялись уже не условіями и количествомъ гражданскихъ сдѣлокъ и не предсмертной волей его предшественника, а границами народности и цѣлями народнаго блага. 2.) Возникшая изъ этой новой политической условій, зависимость подданныхъ отъ московскаго государя не могла быть и прекращена ея прежней легкостью старымъ добровольнымъ способомъ – уходомъ, выселеніемъ. Въ XVI в., послѣ того какъ Ярославль, Ростовъ, Новгородъ, Тверь, Псковъ, Рязань и княжества Черниговской линіи вошли въ составъ московскаго государства, рядомъ съ ними, на всемъ пространствѣ русской равнины, не оказалось другой территоріи, которая принадлежала бы владѣльцу самостоятельному и родственному по крови и по вѣрѣ московскому государю. Теперь изъ московскаго государства стало некуда уйти, не совершая незаконнаго побѣга. Выселеніе, которое признавалось добрымъ княжескимъ какъ право всѣхъ свободныхъ обывателей русскихъ княжествъ, теперь получило характеръ политическаго преступленія и національно-религіозной измѣны. Такъ власть, которой свободныя лица подчинялись прежде условно и временно, стала для нихъ безусловно обязательной.

Получивши такой характеръ, московскій государь явился въ исторіи нашего государственнаго права новымъ типомъ верховной власти, отличнымъ отъ типовъ, господствовавшихъ въ обоихъ предшествующихъ періодахъ. Въ XI и XII вв. верховная власть на Руси принадлежала цѣлому княжескому роду, который совмѣстно владѣлъ всей русской территоріей и правилъ живущимъ на ней разноплеменнымъ населеніемъ. Въ XIII и XIV вв. этотъ владѣтельный родъ распался на множество родственныхъ и независимыхъ другъ отъ друга владѣльцевъ, которые были наслѣдственными собственниками своихъ удѣльныхъ территорій, но не считались политическими правителями удѣльныхъ обществъ. Составныя единицы этихъ обществъ – свободныя лица были не подданными его, а лишь контрагентами, вольными служилыми людьми или вольными съемщиками земель въ его удѣлѣ. Московскій государь совмѣстилъ въ себѣ тѣ

признаки обоих этих типовъ: онъ былъ и наслѣдственнымъ владѣльцемъ всей государственной территоріи, и политическимъ правителемъ живущаго на ней населенія. Но къ этимъ двумъ признакамъ, территоріальному и политическому, въ содержаніе власти московскаго государя присоединился еще третій — національный. Власть княжескаго рода XI и XII вв. не имѣла такого національнаго значенія; она вытекала не изъ чувства народнаго единства, а изъ факта завоеванія. Идея русской народности, едва начавшая зарождаться въ умахъ, еще не была проведена въ государственное право, въ политическій порядокъ. Такого значенія не имѣли и удѣльные князья XIV в., потому что каждый изъ нихъ владѣлъ лишь частью русской территоріи и самая мысль о политическомъ единствѣ народа погибла среди удѣльнаго раздробленія русской земли. Напротивъ, въ лицѣ московскаго государя эта національная идея является не только основаніемъ его дѣйствительной политической власти, но и оправданіемъ его политическихъ притязаній. Сдѣлавшись блюстителемъ общихъ интересовъ великорусскаго племени, главной части русскаго народа, онъ стремился сдѣлаться и творцомъ политическаго единства всего этого народа и поставилъ себѣ задачей распространить свою власть на всѣ его вѣтви и на всѣ области, когда либо бывшія въ обладаніи русскаго народа. Эти притязанія и были заявлены въ принятіи великими московскими князьями титула „царя и великаго князя всея Руси". Такимъ образомъ власть московскаго государя отличалась отъ власти княжескаго рода XII в. тѣмъ, что была единоличной, а не коллективной, отъ власти удѣльнаго князя тѣмъ, что была не только территоріальной, но и политической; наконецъ, отъ той и другой тѣмъ, что была національной.

Такая перемѣна въ значеніи верховной власти рѣшительно измѣнила характеръ ея отношеній и ко всему обществу, и къ отдѣльнымъ его классамъ. Я перечислю эти перемѣны, которыя представляютъ рядъ слѣдствій, тѣсно между собою связанныхъ и вытекающихъ изъ одного источника — изъ національнаго значенія верховной власти.

1. Это новое значение верховной власти превратило вольных контрагентов удельного князя в политических подданных московского государя. Так воскресла мысль о политическом подданстве, слабо и на короткое время блеснувшая в наших правах XI и XII вв. и скоро погасшая среди разрыва княжеского рода на враждебные линии и среди одновременного распадения русской земли на обособленные области. Но эта мысль о политическом подданстве теперь вышла из другого источника, не из того, из которого она вышла в первый период. Тогда ее источником было завоевание: подданными считались покоренные. Теперь эта мысль вышла из чувства национального единства и сознания внешних опасностей, угрожавших народной свободе. Теперь подданным стали считаться русский, т. е. частный человек одного племени и веры с московским государем.

2. В связи с этой переменой стояла другая. Личное подданство холопа удельного князя превратилось в подданство государственное. В этом состояла одна из самых характерных особенностей московского государственного права: у московского государя не было частных лично-крепостных холопов, какие были у удельного князя, как и князей XII в.; в XV и XVI вв. такие холопы смешались с свободными подданными московского государя. Но здесь следует объяснить одно явление, которое может помешать установлению правильного взгляда на строение общества в московском государстве и которое часто этому мешает. Лично-крепостные холопы государя, сливаясь с его свободными подданными, сообщили последним свое юридическое звание: свободные лица, преимущественно служилые люди, в удельное время отличавшиеся от холопов званием слуг вольных, обращаясь к московскому государю XVI и XVII вв., называли себя „его государевыми холопами". Не следует придавать этому слишком обостренного, шокирующего смысла, какой подсказывается нашим современным, несколько чересчур нежным политическим чувством; не следует думать, что все свободные лица в московском государстве стали такими же личными крепостными московского государя, какими были

холопы удельных князей или каких-нибудь и в XVI в. оставались холопы частных работодателей. Такие холопы могли быть у князей XI и XII вв. потому, что ни один из них не был носителем политической верховной власти. Верховная власть была сосредоточена в одном роде, а отдельные члены его были лишь частными представителями этой власти; поэтому они могли вступать в частные гражданские отношения к отдельным лицам. Такие холопы могли быть и у удельного князя, который считался не властителем удельного общества по закону, а только одной из сторон по договору. Московский государь XVI в. не мог иметь таких холопов: последние были орудиями частного личного интереса, а московский государь, начав сознавать себя национальным властителем, был связан со своими подданными не личными интересами, а началами народного блага. Разширительное явление относится больше к политической терминологии, чем к государственному праву; но не следует пренебрегать и терминологией: история политических терминов есть история если не политических форм, то политических представлений. Мысль о государственном подданстве, возникшая из политического объединения великорусской народности, была новой идеей, незнакомой русскому обществу времени вполне, разбитому на множество независимых политических союзов. В удельное время знали подданство только в юридическом образе холопа, укрепившегося за своим господином средствами гражданского права. Когда возникла идея государственного подданства, новому политическому отношению уподобить привычный термин гражданского права. Итак, звание государевых холопов, которым стали величаться в московском государстве прежние бояре и слуги вольные, значило, что и они из временных вольных поступили государя превратились в его вечно-обязанных подданных и больше ничего не значило это звание. Когда в умах рождаются новые представления, люди, силясь их выразить, роются в старом, заученном языком и хватаются за первое, подходящее по смыслу слово, или подвергшееся. Повторю: когда

въ московскомъ государствѣ возникла зависимость во имя общаго народнаго блага, а не частнаго интереса, тогдашній языкъ стадъ обозначать новыя политическія отношенія старымъ терминамъ гражданскаго права. Но первыя не слѣдуетъ отождествлять съ послѣдними. Этотъ выводъ, извлеченный изъ исторіи одного сословнаго термина, надобно твердо запомнить, чтобы не ошибиться въ пониманіи явленій, по которымъ мы будемъ слѣдить за строеніемъ нашего общества въ XV и XVI вв. Значитъ, и превращеніе личнo-крѣпостныхъ государя въ государевыхъ подданныхъ было тѣсно связано какъ послѣдствіе съ національнымъ значеніемъ государевой власти.

3. Измѣнился источникъ отношеній разныхъ классовъ общества къ государю. Въ матеріальномъ, хозяйственномъ смыслѣ эти отношенія остались прежними, но они выпекали теперь не изъ частнаго договора, а изъ общаго закона. Служилые люди по прежнему служили государю мечемъ или правительственнымъ совѣтомъ и получали отъ него доходныя должности, кормленія; но они теперь обязаны были служить, хотя бы и не получали кормленій, и если продолжали получать ихъ, то только какъ средство, помогавшее имъ исправно служить. Прежде государь кормилъ ихъ за то, что они служили; теперь онъ кормилъ ихъ для того, чтобы они были въ состояніи служить. Точно такъ же тяглый человѣкъ платилъ удѣльному князю тягло, если и пока пользовался въ его удѣлѣ городскимъ промысловымъ сѣлищемъ или паромнымъ участкомъ; теперь онъ обязанъ былъ пользоваться такимъ сѣлищемъ или участкомъ, потому что безъ того не могъ платить тягла. Значитъ, виды условій и выгодъ, которыми обменивались государь и свободные обыватели государства, не измѣнились, но измѣнился характеръ обмѣна, связь между условіями и выгодами. Прежде эта связь была юридическая, предполагавшаяся обоюднымъ добровольнымъ соглашеніемъ, т. е. актомъ гражданскаго права; теперь она стала политической, принудительной, предполагавшейся одностороннимъ требованіемъ власти. Поэтому за договорныя выгоды свободныхъ слугъ, бывшія прежде юридическимъ

условіемъ или юридическимъ послѣдствіемъ ихъ договорныхъ услугъ князю, теперь стали лишь экономическими средствами для исправнаго несенія государственныхъ повинностей. Эти перемѣны въ юридической связи условій и выгодъ, т. е. въ источникахъ отношеній государя къ обществу, можно выразить такими словами: договорныя обязательства со стороны свободныхъ лицъ превратились въ государственныя обязанности, а договорныя выгоды со стороны князя — въ казенное пособіе для исправнаго исполненія этихъ обязанностей.

Это превращеніе въ исторіи русскаго государственнаго права и было коренною фактою, которымъ надолго опредѣлилось положеніе русскаго общества. Этотъ фактъ сообщилъ всему строю московскаго государства своеобразный характеръ. Въ другихъ странахъ мы знаемъ государственные порядки, основанные на сочетаніи сословныхъ правъ съ сословными обязанностями или на сосредоточеніи правъ въ одномъ сословіи и обязанностей въ другомъ. Политическій порядокъ въ московскомъ государствѣ основанъ былъ на разверсткѣ между всѣми классами только обязанностей, не соединенныхъ съ правами. Правда, обязанности соединены были съ неодинаковыми выгодами, но эти выгоды не были сословными правами, а только экономическими пособіями для несенія обязанностей. Отношеніе обязанностей къ этимъ выгодамъ въ московскомъ государствѣ было обратно тому, какое существовало въ другихъ государствахъ между политическими обязанностями и правами: тамъ первыя вытекали изъ послѣднихъ, какъ изъ слѣдствія; здѣсь, напротивъ, выгоды были политическими послѣдствіями государственныхъ обязанностей. Это различіе отношенія выражалось въ томъ, что тамъ сословныя обязанности слагались съ лица, отказавшагося отъ сословныхъ правъ; здѣсь, напротивъ, не позволено было слагать съ себя обязанности далѣе подъ условіемъ отказа отъ выгодъ и часто обязанность оставалась на лицѣ, не пользовавшемся соотвѣтствующими выгодами. Такъ обязательная ратная служба въ московскомъ государствѣ соединена была съ поземельнымъ вкладомъ, но тому служилому человѣку не давали

полномочия, если онъ и безъ того имѣлъ средство спросить, владѣлъ достаточной волчиной. Такой своеобразный складъ государственнаго порядка объясняется господствующимъ интересомъ, его создавшимъ. Этимъ интересомъ было ограждение внѣшней безопасности народа, во имя которой политически разробленныя прежде части его соединились подъ одною властью. Великороссія объединилась подъ властью московскаго государя не вслѣдствіе завоеванія, а подъ давленіемъ внѣшнихъ опасностей, грозившихъ существованію великорусскаго народа. Московскіе государи расширяли свою территорію не вооруженной борьбой; но то была борьба съ инородными правительствами, а не съ мѣстными обществами. Поразивъ правителей княжествъ или аристократію вольныхъ городовъ, московскіе государи не встрѣчали отпора со стороны мѣстныхъ обществъ, которыя большей частью добровольно и ранѣе своихъ правителей тянули къ Москвѣ. Итакъ, политическое объединеніе Великороссіи вызвано было необходимостью борьбы за національное существованіе. Эта необходимость имѣла установиться самому понятію о сословныхъ правахъ. Въ первомъ періодѣ нашей исторіи, когда государственный порядокъ развился изъ завоеванія, такое понятіе установилось легко. Побѣдители старались присвоить себѣ возможно больше правъ, возложивъ на побѣжденныхъ возможно больше обязанностей. Въ московскомъ государствѣ, всѣ силы котораго направлены были на внѣшнюю борьбу, цѣлія законодательства должны были сосредоточиться на томъ, какое участіе принимать въ этой борьбѣ разнымъ классамъ общества, а не на томъ, какими правами будетъ пользоваться каждый классъ. Предметомъ законодательной разработки и стала разверстка тяжестей національной борьбы, которую вела эта борьба, а не сословныхъ правъ, которыя не вели къ цѣли.

Изъ сказаннаго видно, что всѣ три перемѣны въ характерѣ отношеній государя къ обществу выше изъ національнаго значенія, какое получила верховная власть въ московскомъ государствѣ. Подъ вліяніемъ этихъ перемѣнъ измѣнилось отношеніе экономическаго движенія общества къ политиче-

скому. Въ удѣльное время экономическое положеніе свободныхъ лицъ въ удѣлѣ опредѣлялось родомъ обязательствъ, въ которыя они входили съ своимъ княземъ. Служилый человѣкъ обыкновенно становился землевладѣльцемъ, потому что право пріобрѣтенія земельной собственности было непремѣннымъ условіемъ его договора съ княземъ и потому, что земледѣліе при тогдашнемъ состояніи народнаго хозяйства было единственнымъ прочнымъ средствомъ матеріальнаго обезпеченія служилаго человѣка. Подобно тому и черный человѣкъ становился либо городскимъ промышленникомъ, либо земледѣльцемъ, потому что непремѣннымъ условіемъ его договора съ княземъ было либо пользованіе городскимъ промысловымъ мѣстомъ, либо пахотнымъ участкомъ. Теперь отношеніе экономическаго движенія къ политическому совершенно измѣнилось, стало обратнымъ: такъ какъ государственныя повинности стали обязательны сами по себѣ, а хозяйственныя состоянія служили только средствомъ для ихъ исполненія, то теперь экономическимъ положеніемъ класса долженъ былъ опредѣляться родъ государственныхъ повинностей на него падавшихъ. Московская политика теперь должна была согласовать сословную раскладку государственныхъ обязанностей съ тѣми экономическими состояніями, въ которыхъ она застала выходящія изъ удѣльнаго порядка общественные классы. Этой перемѣной въ отношеніи экономическаго движенія къ политическому указано было и общее основаніе разверстки повинностей между подданными. Въ устройствѣ общественныхъ классовъ эта перемѣна связала нераздѣльно экономическое положеніе каждаго изъ нихъ съ родомъ государственнаго его служенія. Отсюда сложилось правило, которое и легло въ основаніе общественнаго движенія въ московскомъ государствѣ — разверстывать государственныя обязанности между классами общества по хозяйственному состоянію каждаго изъ нихъ.

На этомъ основаніи московская политика и строила государственное положеніе всѣхъ классовъ общества. Изъ этого основанія она и выработала спеціальные пріемы разверстки, которыми руководилась при раскладкѣ государственныхъ по-

винностей между отдельными классами.

XIII.

Практические приемы разверстки государственных повинностей между отдельными классами общества. — Приемы разверстки между служилыми людьми по чинам. — Состав и характер московского боярства в удельное время. — Три генеалогические слоя в составе московского боярства XVI в. —

Руководясь сформулированным в конце прошлого чтения правилом сословной разверстки государственных повинностей, московская политика и создала в XVI и XVII вв. новое общественное устройство, которое постепенно установилось на месте удельного среди внешней борьбы. Это устройство — целая политическая система, которой нельзя отказать ни в стройности и последовательности, ни в практической пригодности. Пригодность системы доказали ее результаты; она помогла государству выродиться двум веков слишком, с половины XV и до второй четверти XVIII в. выдержать трехсторонюю борьбу — на запад, юг и юго-восток, с которой по тяжести ни в какое сравнение не могут идти внешние затруднения, испытанные в них всеми государствами западной Европы. Что касается стройности и последовательности системы, это, кажется, обнаружится из самого ее изложения. Нам необходимо аналитически расположить эту систему; тогда не будет никакого труда объяснить происхождение и значение того сословного устройства, которое установилось в нашем государстве XVIII в.

Строя общество на указанных политических основаниях, московская политика крепко держалась за общественный порядок, сложившийся еще от удельного времени. В удельное время, как мы видели, общество распадалось на две главные части, различавшиеся между собой отношением к земле и хозяйственным положением. Служилые люди несли мн-

мую службу князю, административную и ратную, и въ ихъ все руках сосредоточивалась частная земельная собственность. Люди тяглые пользовались чужой землей, княжеской или частной, и за то несли натуральные платежи и работы. Московская политика начала перестройку удельного общества тѣмъ, что убить порядокъ, создавшійся посредствомъ соглашенія частныхъ интересовъ, закрѣпила во имя государственныхъ интересовъ, сообщивъ имъ обязательность. Такъ, напр. если въ удѣльное время личные или земельные собственники обыкновенно были служилые люди, то теперь было установлено, что личные земельные собственники непремѣнно должны становиться служилыми людьми. Въ удѣльные вѣка, кто служилъ, тотъ обыкновенно становился личнымъ земельнымъ собственникомъ; теперь, кто былъ личнымъ земельнымъ собственникомъ, тотъ обязанъ былъ служить. Но у московскаго правительства не было особаго правительственнаго персонала, который бы замѣнялъ дѣльцами служивыхъ служилыхъ и тяглыхъ людей. Въ удѣльное время орудіями администраціи были тѣже служилые люди и только немногіе чисто дѣловые дѣла земскихъ тяглыхъ обществъ, городскихъ и сельскихъ, предоставлены были выборнымъ земскимъ властямъ - старостамъ и сотскимъ. Московское правительство XVI в. увеличило число дѣяковъ и подьячихъ, которые въ удѣльное время вели немногое канцелярское дѣлопроизводство. Однако при этомъ оно не только не отказалось отъ удѣльнаго правительственнаго порядка, но еще усложнило и развило его въ тѣхъ же направленіяхъ, расширивъ кругъ дѣятельности тѣхъ, чисто органовъ администраціи - земскихъ учрежденій, которыя оставались едва замѣтными въ удѣльное время. Теперь московское правительство пыталось этимъ земскимъ учрежденіямъ передать все чистое управленіе. Такимъ образомъ все государственное управленіе въ московскомъ государствѣ распалось на двѣ сферы: въ одной сосредоточены были дѣла, касавшіяся внѣшней обороны страны и устройства ея боевыхъ силъ, въ другой - дѣла внутренней безопасности и государственнаго хозяйства, т. е.

устройства тѣхъ экономическихъ источниковъ, изъ которыхъ должны были почерпать питаніе боевыя силы. Въ первой сферѣ военно-административной, правительственными органами оказались тѣ же самые служилые люди, которыхъ положеніе и организація устроялись въ этой сферѣ. Вторая политическая и финансовая, которыя составляли вторую сферу, возложены были на мѣстныя земскія общества; безопасность которыхъ ограждалась этимъ порядкомъ учрежденій и которыя доставляли матеріальныя средства для содержанія боевыхъ силъ страны. Въ первой сферѣ правительственные органы дѣйствовали по непосредственному порученію или приказу государя и потому она называлась приказной; во второй - органами управленія служили отвѣтственныя выборныя власти земскихъ обществъ, которыя только дѣйствовали подъ руководствомъ и контролемъ центральныхъ приказныхъ учрежденій и поэтому эту сферу управленія можно назвать земской.

Такъ обозначились и практическія пріемы развертки государственныхъ обязанностей между отдѣльными классами общества. Эти пріемы выработаны были посредствомъ примѣненія общаго основанія развертки къ тѣмъ экономическимъ состояніямъ, какія установились въ прошлые вѣка. Такихъ состояній было два: одни свободные люди владѣли землей на правѣ собственности, эксплуатируя ее руками вольныхъ земледѣльцевъ или крѣпостныхъ рабочихъ, холоповъ, другіе пользовались чужой землей, казенной или частной, эксплуатируя ее непосредственно собственнымъ трудомъ. Сообразно съ тѣмъ пріемы развертки государственныхъ обязанностей, выработанные путемъ такого примѣненія, можно выразить въ слѣдующихъ трехъ правилахъ: 1., кто владѣетъ своей землей, тотъ долженъ нести государственную ратную службу; 2., кто непосредственно пользуется чужой землей, частной или казенной, тотъ несетъ податное, государственное тягло; 3., управленіе какъ службой, такъ и тягломъ, ведется посредствомъ совмѣстныхъ служилыхъ и тяглыхъ людей съ тою границей, что первые поступаютъ

свои правительственные полномочия по назначению государя, вторые — по служебному выбору и помощи, древнейшую первых совмещала с властью, древнейшую вторых — только с отвественностью. Запомнив эти три правила, мы без труда разберемся в этом сложном общественном складе, какой установился в московском государстве XVI и XVII вв.

Теперь рассмотрим, как развертывались государственные обязанности в каждом отдельном классе по чинам. Прежде всего, запомнив указанные приемы развертки государственных обязанностей к устройству служилых людей по отечеству, московская политика разбила этот многочисленный класс на длинный ряд иерархических слоев. На этот класс, как мы знаем, падали две повинности — ратная и приказная; но каждая из них была разбросана на мельчайшие дела или специальные функции, соответственно которым и вся служилая масса раскололась на несколько чинов. Это дробление облегчалось составом многочисленного служилого люда, собравшегося под рукой московского государя. Независимо от развертки государственных повинностей и даже раньше ее этот класс слагался из очень пестрых элементов, различавшихся происхождением и экономическим положением. Двор московского великого князя, в удельное время дружинный на бояр, слуг вольных и дворовых, со второй половины XIV века вобрал в себя дворы других великих и удельных князей, дружинников на тех же самых правах. Но бояре и слуги других княжеств не слились с боярами и слугами московскими; стали ниже их в порядке политического значения своих княжеств, образуя ряд новых ступеней служилой московской иерархии. Наконец, выше всех этих разрядов, и пушечных, и приписных, стояли бывшие владетельные князья с их потомками, превратившиеся из самостоятельных государей в слуг московского государя, а в самом низу пестрым пластом легли новые служилые люди, навербованные для пополнения внешней обороны страны из несложных эле-

сов – из семей духовенства, из горожан, из степных казаков, даже из крестьян и холопов. С происхождением в то время было связано и хозяйственное положение столь непохожих друг на друга классов. Новобранцы из несущих состояний были люди безземельные; потомки удельных бояр и слуг вольных в большинстве были крупные или мелкие землевладельцы. Наконец, большинство потомков владетельных князей не только владело крупной земельной собственностью, но и сохраняло в своих вотчинах значительную долю правительственных полномочий, какими пользовались их владетельные предки в удельные времена. Происхождением и экономическим положением условливалась служебная годность служилого лица. При господствующем положении народного и государственного хозяйства землевладение было необходимым условием исправного отбывания ранней службы, как она была тогда устроена. Для занятия высших должностей по службе приказной нужны были навык и авторитет, которые приобретались практикой власти и особенно „породой", отечеством, происхождением из родовитой фамилии, членов которой общество привыкло видеть облеченными властью и которым потому привыкло повиноваться. В этими средствами и условиями московская политика и должна была согласовать устройство служилого класса. Легко видеть, как она должна была действовать в этом устройстве. Сделав ранжиру службы подчиненной и потомственной обязанностью всех служилых людей, надобно было развернуть ее по рангам служилого землевладения и с этой целью прежде всего подчинить городовых безземельных служилых людей казенной земле в разных рангах, которые бы обеспечивали исправное исполнение обязанностей рядовой ранней службы. Далее, на людей средней породы и состоятельности сверх ранней повинности особо надобно было возложить исключительная дача приказной службы, годная здравствующим фамилиям и вместе хорошо землевладеющим дать руководящее значение в военных и гражданском управлении и посредствующих классах.

разнообразных сочетаний породы, земледельческой оседлости и службы развить весь пестрый служилый люд по ступеням чиновной иерархии. Приемы, которые московская политика прилагала к устройству этого люда, разверстывая ратную и административную повинность по чинам, можно для наших обозначить такой короткой формулой: *служилая служба по отечеству, ратная по земле, земельный надел по службе, чины по отечеству и по службе.* Из разверстки служилой службы по отечеству постепенно развились высшие думные чины, с которых по принятому в перечне чинов порядку мы и начнем изучение процесса чинового движения в московской государстве.

Еще в удельное время при московском дворе собралось боярство, которое и численностью, и политическим характером заметно отличалось от боярства, служившего при других княжеских дворах северной Руси. При господстве боярского права служить князю по временному личному договору, часто меняя место службы, боярство везде, как и при одном дворе не могло составить постоянного общественного класса. В каждом княжестве это был не общественный класс, плотный и солидарный по своему положению и интересам, а скорее изменчивый круг одиноких лиц, случайно встретившихся друг с другом при одном княжеском дворе. Но в Москве обстоятельства рано начали сбивать такие одинокие служилые лица в плотный общественный класс. Служба при московском дворе уже в XIV в. доставляла служилому человеку выгоды, каких он не мог найти ни при каком другом дворе. Это было причиной усиленного притока служилых людей в Москву и сравнительно ранней наклонности московских бояр переходить к другим князьям. Благодаря этому усиленному притоку в половине XIV в. в Москве собралось боярство, элементы которого представляли собою почти всю тогдашнюю русскую землю. Родоначальники московских боярских фамилий хлынули в Москву чуть не изо всех углов русской земли, даже их таких, где в их время еще

очень много нового Русью. Достаточно простого перечня главных фамилий, чтобы видеть этот сборный состав московского боярства. Около половины XV-в. при дворе московского государя видная деятельность принадлежала членам фамилий: Вольинским, пришедшим съ Вольыни, Квашнинымъ изъ Кіева, Плещеевымъ и Очинымъ изъ Чернигова, Долинскимъ и Всеволожскимъ изъ Смоленска, Лаферьевымъ и Безкинымъ изъ Твери, Овцынымъ изъ Мурома, князей Патрикѣевыхъ-Гедиминовичей изъ Литвы, Кабуровыхъ и Бодруловыхъ изъ Орды, Хаврининыхъ-Половинымъ изъ Крыма, Кошкинымъ, Захарьинымъ и Кобылевымъ изъ Пруссіи. Кромѣ того, среди этихъ фамилій стояли съ видными значеніемъ, но неизвѣстнаго происхожденія боярскіе роды Морозовыхъ, Поплёвиныхъ, Бутурлинымъ, Челядниныхъ и многихъ другихъ. Не смотря на разницу происхожденій, въ этомъ боярствѣ замѣтна большая устойчивость положеній и отношеній. Выгоды московской службы увеличивались съ политическими успѣхами Москвы. Вотъ почему московское боярство внутри своего міра усердно работало въ полномъ согласіи и объ руку съ московскими государями. Благодаря этимъ выгодамъ и видной дѣятельности, какая открылась московскому боярству съ усиленіемъ московскаго княжества, здѣшніе бояре привыкали къ дружному дѣйствію въ одномъ направленіи, воспитывая въ себѣ твердыя политическія привычки и крѣпкое политическое преданіе. Все это сообщало московскому боярству большую сословную сплоченность и выправку сравнительно съ его братіей другихъ княжествъ. Бояре московскіе переставали быть случайными товарищами по службѣ и равнодушными наемниками своего князя. Въ началѣ XV ст. на Руси ни при одномъ княжескомъ дворѣ не было боярства столь дисциплинированнаго и столь преданнаго своему князю. Въ этомъ боярствѣ и стала совершаться глубокая перемѣна съ половины XV-в. подъ вліяніемъ политическихъ событій, которыя превратили московскій удѣлъ въ великорусское государство.

Политическое объединеніе сѣверо-восточной Руси произошло въ Москвѣ цѣной всей долгаго удѣльнаго княженія,

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURGUÉNEV
9, Rue du Val-de-Grâce = Paris

сведенного или добровольно сошедшего съ насильственныхъ столовъ. Этотъ слой сталъ выше стараго нетитулованнаго московскаго боярства. Московскій государь долженъ былъ признать за первымъ служебное превосходство предъ послѣднимъ, давая служилымъ князьямъ первыя мѣста въ управленіи. Это предпочтеніе выкупалось самымъ фактомъ политическаго объединенія Руси. Едва ли не бо́льшая часть удѣльныхъ князей добровольно подчинилась московскому государю съ своими правами. Такови были многочисленные князья Ярославскіе, Пронскіе, Микулинскіе, Воротынскіе, Одоевскіе, Вяземскіе и многіе другіе. Принимая ихъ вассальныя политическія услуги, московскій государь обыкновенно оставлялъ имъ вотчинниками или по крайней мѣрѣ наслѣдственниками-правителями ихъ прежнихъ удѣловъ съ значительной долей ихъ вассальныхъ правъ. Въ первое время своей московской службы это были не столько подданные московскаго государя, сколько союзные съ нимъ государи, его феодальные вассалы. Многіе изъ нихъ, напр. князья Одоевскіе, Бѣлевскіе, долго сохраняли при себѣ особые удѣльные войска, которыми сами командовали въ московскихъ походахъ независимо отъ воеводъ московскихъ полковъ. При такомъ положеніи знатное удѣльное княжье не могло скоро слиться въ плотную массу съ старымъ нетитулованнымъ боярствомъ Москвы; оно имѣло предъ его пустымъ и падшимъ слоемъ, помня, что у него самого еще недавно были на службѣ точно такіе же бояре, какіе оно встрѣчало при московскомъ дворѣ. Съ другой стороны, бояре этихъ служилыхъ князей съ переходомъ послѣднихъ на московскую службу, разрывали свои служебныя связи съ прежними хозяевами и вступали въ непосредственную зависимость отъ московскаго государя. Но и она не сливалась со старымъ московскимъ боярствомъ, не входила въ его плотно сомкнутые ряды, а стала въ сословномъ распорядкѣ ниже его, какъ бывшіе слуги недавнихъ князей сравнительно съ московскими государями. Къ этому новому слою присоединили и удѣльные князья, выходившіе мелкими удѣлами или утратившіе удѣльную самостоятельность еще до перехода на московскую службу. Такъ старое московское боярство обо-

оставалась сверху и снизу двумя прилипшими классами, изъ которыхъ одинъ давитъ его книзу, погружая его въ рядовую служилую массу, а другой подпираетъ его кверху, отрывая его отъ этой массы.

XIV.

Происхожденіе думныхъ чиновъ.— Обособленіе чина окольничаго отъ чина боярина.— Генеалогическое значеніе обоихъ этихъ чиновъ.— Происхожденіе и значеніе чина думнаго дворянина.— Устройство московскихъ чиновъ.— Дворъ московскаго государя въ XVI в.— Наборъ дѣтей боярскихъ для столичной службы по закону 3 октября 1550 г. Двойной генеалогическій составъ московскаго дворянства.— Двоякія спеціальныя порученія — административныя и военныя, падавшія на московскихъ дворянъ сверхъ общей ранней повинности.— Отношеніе московскихъ чиновъ къ думнымъ.

Мы обозначили три генеалогическіе слоя въ новомъ составѣ московскаго боярства. Эти новыя наслоенія въ его составѣ и усложненіемъ высшую чиновную іерархію. Прежде всего они внесли чиновное дѣленіе въ однообразный доселѣ составъ государевой Думы, государственнаго совѣта. Въ удѣльное время всѣ члены этого совѣта носили одинаковое званіе бояръ; сначала XVI в. рядомъ съ этимъ званіемъ является званіе окольничьяго съ значеніемъ второго думнаго чина. Въ удѣльное время окольничество было дворцовой должностью, въдомство которой, впрочемъ, недостаточно извѣстно. По смыслу самаго званія, окольничій былъ ближайшимъ человѣкомъ въ свитѣ князя, находившимся постоянно около него, распоряжавшимся всѣмъ во дворцѣ во время пріема пословъ, ѣздившимъ передъ княземъ въ поѣздкахъ послѣдняго, приготовлявшимъ все нужное въ пути. Сначала XVI в. особая должность окольничьяго исчезаетъ при московскомъ дворѣ. Вмѣстѣ съ этимъ государева Дума составляется изъ членовъ двухъ разрядовъ — одни зовутся просто боярами, другіе „боярами окольничими“ и послѣдніе ставятся ниже первыхъ. Повидимому, положеніе бояръ окольничихъ къ боярамъ было такое же, какое

теперь существует между тайными советниками и действительными тайными. Наконец, еще в первой половине XVI века окольничество совершенно отделилось от боярства и потеряло значение второго думного чина.

Но это были не просто служилые чины: они представляли собою и особые генеалогические слои боярства. До нас дошли списки бояр и окольничих сначала великокняжения Ивана III до конца царствования Федора Алексеевича; значит, эти списки обнимают два слишком века. Классифицируя эти списки, находим, что званием бояр обыкновенно люди знатных титулованных фамилий. Некоторые из них вступали в Думу с званием окольничих, и потом становились боярами, но другие прямо получали чин бояр. К этому последнему разряду принадлежали по спискам наиболее громкие имена потомков удельных князей – князья Ростовские, князья Пуньковы Ярославские, Воротынские, Мстиславские, Шуйские и другие. Состав фамилий бояр за время с 1505 г. по 1593 г. включительно, находим, что через государеву Думу в это время прошло около двухсот бояр, из них 130 принадлежали к знатнейшим титулованным фамилиям и только 70 к нетитулованному боярству. Значит, титулованная знать в это время выслала в Думу около 65% бояр, тогда как нетитулованная всего около 35%. Итак, удельное княжье численностью преобладало в звании бояр второй половины всего XVI ст. – Совсем другой служилый мир открывается перед нами, когда мы просматриваем списки окольничих за тех же 89 лет. За это время в звании окольничих перебывало в Думе до 140 человек; из них с небольшими 30 человек, значит менее 23% принадлежали к знатному титулованному боярству, к потомкам удельного княжья; всех остальных окольничих вышли из нетитулованных боярских фамилий. Справляясь о происхождении этих фамилий по родословной книге XVI в., находим, что это все потомки старинного московского боярства, родоначальники которых начали служить в Москве еще в XIV в. или даже несколько раньше. Больше всего

въ спискѣ окольничьихъ является нѣсколько коренныхъ фамилій старого московскаго боярства съ ихъ отраслями — Морозовы съ Поплёвскими, Салтыковыми, Пушкиными и Шепелевыми, Кошкины съ Захарьинскими, Яковлевыми, Мерлетевыми, Собуровы съ Бодуловыми, Давыдовы съ Бутурлинскими и Нелединскими, Плещеевы и прочіе. Такимъ образомъ въ спискахъ московскихъ окольничьихъ XVI в. вскрываются старое боярское гнѣздо, которое свилось въ Москвѣ еще въ XIV ст. Это боярство было придавлено напливомъ новыхъ титулованныхъ семей къ половинѣ XV в. Но оно не погибло среди этого напыва, успѣло удержать свое положеніе и остаться въ государственномъ составѣ второй древней чинъ.

Къ половинѣ XVI в. въ спискахъ членовъ Думы появляется третій чинъ — думные дворяне. Чинъ этотъ имѣетъ еще болѣе сложное происхожденіе. Если пересчитать по упомянутымъ спискамъ фамиліи, изъ которыхъ выходили бояре и окольничіе въ княженіе Ивана III, его сына и внука, то насчитаемъ около ста такихъ фамилій. Но до насъ дошла родословная московскаго боярства, составленная въ концѣ XVI в.; пересчитавъ по этой книгѣ всѣ боярскія фамиліи, которыя служили въ московскомъ государствѣ того вѣка, найдемъ ихъ не менѣе двухсотъ. Итакъ, средняя половина всего московскаго боярства въ его новомъ составѣ въ второй половинѣ XVI в. не имѣла своихъ представителей въ Думѣ и на думѣ мѣстъ была того политическаго преимущества, которое одно давало боярскимъ фамиліямъ значеніе боярства. Такъ образовался въ составѣ боярства особый слой, оставшійся за думскими чинами. По происхожденію, „по отечеству", онъ принадлежалъ къ боярству, но началъ отдѣляться отъ него по службѣ, не попадая въ Думу, въ званіе бояръ и окольничьихъ. Люди этого слоя обыкновенно носили названіе думныхъ боярскихъ, т. е. кандидатовъ на боярство. Хотя эти люди оставались за дверьми Думы, но имѣли нашли видную дѣятельность въ новомъ административномъ строѣ московскаго государства. Чѣмъ болѣе расширялись его границы, тѣмъ болѣе усложнялся его административный механизмъ. Появился рядъ новыхъ учрежденій, непохожихъ на прежнія; они учреж-

ния вѣдали не военныя, а финансовыя и полицейскія дѣла. Къ этимъ дѣламъ непривычна была первостепенная военно-придворная знать; для нихъ потребовались новые дѣльцы, обладавшіе дѣловой опытностью, какой не давала ратная служба, и умѣвшіе вести канцелярскія дѣла. Люди этого слоя, составлявшагося изъ уравненныхъ московскихъ боярскихъ фамилій и изъ боярскихъ родовъ, которые пришли изъ удѣловъ, теперь и понадобились для этихъ новыхъ административныхъ задачъ. Начиная службу снизу, хорошо знакомые съ подробностями административнаго дѣлопроизводства, они иногда высоко поднимались по службѣ и получали въ завѣдываніе военныя дѣла, съ которыми постоянно должна была справляться боярская дума. Такимъ образомъ этимъ гражданскимъ административнымъ дѣльцамъ правительство должно было ввести въ составъ Думы. Но они были слишкомъ худороднымъ, чтобы имъ можно было вводить въ Думу прямо съ званіемъ бояръ или окольничихъ; они принадлежали, говоря старымъ московскимъ языкомъ, къ „такимъ статьямъ родовъ, которыя въ бояреи не бываютъ." Такова были Зюзины, Адашевы, Алферьевы, Черемисины, Сукины и другіе. Для нихъ и созданъ былъ третій думный чинъ. Въ княженіе Василія, отца Грознаго, въ торжественныхъ случаяхъ упоминаются по актамъ всѣдъ за боярами и окольничими думные бояре, <u>что въ Думѣ сидятъ</u>, т. е. бываютъ, имѣютъ въ ней мѣсто или приглашаются на ея засѣданія. Къ половинѣ <u>XVI</u> в. эти думные бояре, въ Думѣ сидящіе получаютъ званіе думныхъ дворянъ.

Такъ произошло разрушеніе стараго состава Думы на три чина. Въ спискахъ людей, которые обыкновенно этими чинами, мы встрѣчаемъ три особыхъ слоя въ составѣ московскаго боярства. Думскіе чины въ то время не были неподвижными, замкнутыми политическими состояніями: члены одной и той же фамиліи одновременно носили разные думные чины. Думныхъ дворянъ за службу возводили въ окольничіе, окольничіе достигали до боярства; но въ то время эти званія еще не превратились въ простые служебные ранги, сохранявшіе

нѣкоторое соціальное различіе: за каждымъ изъ нихъ стоялъ особый генеалогическій слой. Бояре выходили преимущественно изъ знатнѣйшихъ княжескихъ фамилій, къ которымъ присоединились немногіе роды стараго московскаго боярства. Окольничество принадлежало преимущественно тѣмъ фамиліямъ этого послѣдняго, которымъ удалось спасти свое положеніе при наплывѣ новыхъ титулованныхъ слугъ въ Москву. Наконецъ, думное дворянство было политическимъ пріютомъ для выдвинувшихся дѣльцовъ того служилаго класса, который состоялъ изъ управителей фамилій стараго московскаго боярства и изъ массы прежнихъ боярскихъ дѣтей. Такимъ образомъ чиновный составъ Думы въ XVI в. отражалъ въ себѣ генеалогическій складъ московскаго боярства того времени. Между слоями, изъ которыхъ состояло это боярство, и разверстаны были соотвѣтственно ихъ генеалогическому значенію различныя функціи высшей приказной службы. Дѣятельность думныхъ людей не ограничивалась законодательными работами въ Думѣ; они занимали и другія высшія должности, управляли московскими приказами и областями, командовали полками, словомъ руководили всѣми управленіемъ, но не въ одинаковыхъ авторитетомъ. Важнѣйшія должности по военному и гражданскому управленію поручались боярамъ, второстепенныя – окольничимъ.

За думными чинами въ служилой іерархіи слѣдовали чины московскіе. Происхожденіе ихъ тѣсно было связано съ чиновнымъ составленіемъ Думы. Въ Думу, при ея немногочисленномъ составѣ, попадали немногіе члены боярскихъ фамилій, притомъ они получали чины послѣ долгихъ лѣтъ службы внѣ ея: боярами и окольничими становились уже пожилые служаки. Огромное большинство лицъ, принадлежавшихъ къ боярскому классу, всю жизнь оставалось въ званіи дѣтей боярскихъ, дожидаясь чина въ Думѣ. Эти непопавшіе въ Думу члены боярскихъ фамилій или дѣти боярскіе и составляли собственно дворъ московскаго государя. Во второй половинѣ XVI в. эти дворовые дѣти боярскіе получили общее названіе московскихъ дворянъ. До половины XVI в. дворъ этотъ не имѣлъ правильнаго устройства. Дѣти боярскіе или дворяне московскіе росписаны были по раз-

ными уездами, где находились их недвижимые имущества. Но в 1550 году дворяне, обязанные службой в столице, были сосредоточены в один класс и крепче привязаны к столице, получили правильную организацию и более определенное служебное назначение. 3 Октября 1550 г. государь приговорил с боярами набрать по разным уездам 1000 человек детей боярских, лучших слуг, и раздать им поместья в московском и ближайших уездах не далее 70 ти верст от столицы. Эти новобранцы должны были всегда быть наготове в столице для исполнения различных правительственных поручений. Их разделили на три статьи или разряда по размерам поместных окладов. К этим детям боярским присоединили несколько бояр и окольничих, которые не имели ни вотчин, ни поместий вблизи Москвы. Боярам, окольничим и дворянам первой статьи назначили поместный оклад в 200 четей (четь - 1½ десятины) пахотной земли, не считая сенокосной, детям боярским второй статьи по 150 четей, третьей статьи - по 100. Всего было испомещено 28 бояр и окольничих и 1060 детей боярских; пахотной земли им роздано 138.200 четей, т. е. 207.000 десятин пахотной земли. До нас дошел полный список этой тысячи. В первой статье, очень немногочисленной, встречаем все титулованные или знатные нетитулованные имена; здесь обозначен и кн. Андрей Михайлович Курбский, и Никита Романович Юрьев, родной брат царицы. Напротив, во второй статье являются люди незнатного происхождения: рядом с знатью обозначены имена очень скромных служилых фамилий. Наконец, в третьей статье очень мало родовитых имен; господствует рядовое дворянство. Таким образом статьи, на которые разделены были дети боярские, испомещенные вокруг столицы, представляли собою особые чины, различавшиеся степенью знатности. К концу XVI в. деление на статьи заменилось делением на чины стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов. Названия этих чинов прежде значили служебные должности, подобно званию окольничего; теперь они получили значение простых чинов. Этим набором положены были ряды дворянства, привязанного службой к столице.

Оно получило двойственной состав: рядом съ людьми знатныхъ фамилій стали люди, набранные по разнымъ уѣздамъ государства изъ низшаго провинціальнаго дворянства. Служба по московскому списку была началомъ служебной карьеры для людей знатныхъ фамилій и завершеніемъ ея для людей средняго и низшаго дворянства. Молодой сынъ боярина, достигнувъ боеваго возраста, обыкновенно начиналъ служить дворяниномъ московскимъ или стольникомъ, и потомъ, смотря по знатности, получалъ мѣсто въ Думѣ съ званіемъ окольничьяго или прямо боярина. Напротивъ, дворянинъ провинціальный, долго прослуживъ по выборамъ, потомъ возвышался въ чинъ дьяка, въ рѣдкихъ случаяхъ дворянина московскаго и еще рѣже стольника. Этотъ двойственный составъ московскаго списка легко различить, просматривая боярскую книгу 1627 г.: здѣсь обозначены имена бояръ, окольничьихъ и всѣхъ чиновъ московскаго списка: поименовано 236 стольниковъ, 94 стряпчихъ и 826 дворянъ московскихъ; дьяковъ нѣсколько позднѣе, въ половинѣ дьяка, было около 2000. Любопытно остановиться на длинномъ спискѣ дворянъ московскихъ; первые два-три десятка именъ въ немъ принадлежатъ все къ знатнѣйшимъ титулованнымъ или нетитулованнымъ фамиліямъ; это князья Голицыны, Хованскіе, Ростовскіе, Прозоровскіе, — дѣти бояръ Шереметевыхъ, Салтыковыхъ, Бутурлиныхъ. Чѣмъ ниже спускаемся мы по этому спискѣ, тѣмъ рѣже мелькаютъ знатныя имена. Напротивъ, все чаще и чаще попадаются фамиліи, которыя имена никогда не появлялись въ спискахъ думныхъ чиновъ: Бирюлины, Боборыкины, Загрязскіе, Наумовы и т. д., съ отличіями при именахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, что прежде они служили выборными дворянами по такому-то городу. Значитъ, московскій списокъ былъ служебнымъ поприщемъ, на которомъ встрѣчались другъ съ другомъ обѣ половины служилаго класса — знатная и рядовая. Согласно съ этимъ двойственнымъ составомъ на московское дворянство падали сверхъ изъ общей рамки повинности и двоякія служебныя порученія — административныя и военныя. Стольники и дворяне московскіе въ мирное время были вѣчно на посылкахъ; изъ нихъ назначали управителями второстепенныхъ московскихъ приказовъ, воеводами во второстепенные

города, въ свиту къ посламъ, отправляемымъ къ иностраннымъ дворамъ, или посылали и для производства слѣдствій по важнымъ уголовнымъ дѣламъ въ различныя части государства, словомъ – на нихъ возлагались всѣ особыя административныя и дипломатическія порученія. Это были исполнительныя органы гражданскаго управленія. Вездѣ съ этимъ они занимали совершенно особое положеніе въ военномъ строѣ; стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы составляли значительный и наилучше вооруженный корпусъ, называвшійся царевымъ полкомъ и обыкновенно сопровождавшій царя въ военныхъ походахъ; ихъ бывало иногда болѣе 6.000 человѣкъ. Но они рѣдко ходили въ походы всей массой; они имѣли еще значеніе офицерскаго запаса для провинціальныхъ служилыхъ людей: часть ихъ разсылалась въ военное время по армейскимъ полкамъ, составлявшимъ изъ провинціальнаго дворянства. Въ этихъ полкахъ они служили полковниками и головами, т. е. батальонными и ротными командирами, а также составляли свиту полковыхъ воеводъ, т. е. корпусныхъ командировъ. Такимъ образомъ одна часть московскаго дворянства, составлявшая царевъ полкъ, имѣла назначеніе московской гвардіи, а другая, руководившая полками городоваго дворянства, имѣла значеніе московскаго генеральнаго штаба. Но не думайте, что и въ царевомъ полку люди московскаго списка служили рядовыми; они были большею частью крупные землевладѣльцы, которые выходили въ походъ съ значительнымъ числомъ вооруженныхъ холоповъ. Мы увидимъ потомъ, какъ развернулась эта ранняя служба по размѣрамъ землевладѣнія. Каждый московскій дворянинъ выступалъ въ походъ съ десятками или сотнями вооруженныхъ холоповъ и ими командовалъ. Такимъ образомъ люди московскихъ чиновъ, служа командирами частей въ городовыхъ полкахъ великихъ съ тѣмъ и въ своемъ царевомъ полку имѣли значеніе командировъ вотчинныхъ холопьихъ отрядовъ. Хлѣбныя начальныя книги дѣлятъ это двойственное значеніе московскаго дворянства, достаточно просмотрѣть роспись 1681 г. Всего стольниковъ и другихъ московскихъ чиновныхъ людей по этой росписи считалось 6385 человѣкъ, изъ нихъ 3761 человѣкъ разсылны были по полкамъ провинціальнаго дворянства въ офицерскихъ

дальностями; 2624 вдовыми въ составѣ московскаго квартирмейстерскаго корпуса „Царева полка", но они привезли съ собою въ этотъ походъ 21.000 слишкомъ вооруженныхъ холоповъ, такъ что весь московскій корпусъ состоялъ почти изъ 25.000 человѣкъ; на каждаго дворянскаго коня приходилось крѣпкихъ холоповъ почти по 10 человѣкъ. Перечисленные московскіе чины разсматривались, сами по себѣ, какъ существенныя отличія и военныя порученія, какія возлагались на каждаго изъ нихъ: отличіемъ назначенія въ „большіе воеводы", или дворянинъ московскій и т. д. Извѣстно, что низшіе въ средѣ этихъ чиновъ существовало такое же „горизонтальное движеніе", какъ и въ другихъ чинахъ: окольничій повышался въ „думные чины", дворянинъ въ стряпчіе или столовники. На это движеніе чинъ оказывалось очень много, какое происходило въ другомъ служебномъ. Думные чины давались преимущественно по отечеству чины по породѣ. Также и качество служило основаніемъ чиновнаго возвышенія не для знатныхъ людей, служившихъ по московскому списку, но значительное большинство столичнаго дворянства подчинялось по чиновой лѣстницѣ по службѣ, т. е. по заслугамъ, а не по породѣ. Такимъ образомъ двойственной генеалогической основой московскаго списка отразилась и въ служебномъ движеніи людей, по нему служившихъ.

XV.

Происхожденіе служилыхъ чиновъ городовыхъ. — Развертка службы по землѣ и превращеніе отдѣльныхъ дворовъ въ цѣлыя общества служилыхъ вотчинниковъ. — Развертка земли по службѣ и образованіе новыхъ обществъ служилыхъ помѣщиковъ. — Поземельное устройство новобранцевъ на опасныхъ границахъ государства. — Послѣдствія развертки службы по землѣ и земли по службѣ: 1) разрушеніе первоначальныхъ вотчинныхъ обществъ служилыхъ вотчинниковъ; 2) происхожденіе двойственнаго характера и состава столичнаго дворянства; 3) установленіе нормы поземельной службы.

Изъ всѣхъ происхожденій высшихъ служилыхъ чиновъ, думныхъ

и столичных, мы видели, что они имели генеалогический источник и правительственное значение. Они соответствовали слоям, из которых составлялась московская служилая знать к XVI в. и различались качеством правительственных поручений, какие возлагались на людей того или другого чина. Чиновное деление низшего провинциального дворянства имело другое основание: здесь чиновная различия возникли из распределения поголовной ратной службы, т. е. общей повинности, падавшей на всех служилых людей, как городовых, так и городовых. Если высшие чины были различной степени правительственного доверия или авторитета, которыми облекались лица, их носившие, то чины городовые были различной степени боевой годности. В тогдашней военной стране боевая годность служилого человека определялась не столько строевой выучкой или личной храбростью, сколько количеством вооруженных дворовых людей, с которыми он выступал в поход, и качеством своего и их вооружения. Такой боевой годностью имел молодой знатный стольник, унаследовавший от отца обширную вотчину, намного превосходил иного старого боярина, выводя в поле несравненно большее количество хорошо вооруженных ратников. Иным не менее в военном и гражданском управлении стольник становился гораздо ниже боярина, пока сам не дослуживался «до Думы», т. е. до думного чина. Напротив, положение провинциального дворянина в городовой чиновной иерархии определялось исключительно его боевыми средствами. Эта разница происходила оттого, что обязанности правительственной службы распределялись между служилыми людьми по их отечеству, породе, а поместья служебной разверстывались по земле, то есть по земледельческой состоятельности.

Первоначально, т. е. в первую пору образования московского государства, «дворы» первых самостоятельных князей оставались на кормлении, кормя кормленные земледельческие общества; к ним стекался только верхний слой — знатнейшее удельное дворянство, которое всегда за своими князьями переселялось в Москву для столичной службы. Но и в столице эти пришлые элементы московского двора некоторое время не смешивались

со старыми московскими служилыми людьми, образуя особую родословную или привилегированную группу. Так, знатные придворные люди, присутствовавшие во дворце при торжественном приеме польских послов в 1542 г., были расписаны на такие группы: „князи Оболенские, князи Ростовские, князи Ярославские, князи Стародубские, дворъ Тверской, Москва". В последней группе поименованы члены двух старинных московских фамилий – Морозовых и Шеиных, да один Ласкирев – сын выехавшего в Москву в XV в. знатного грека из фамилии Ласкарисов. Люди, принадлежавшие к этим привилегированным группам – кн. Оболенские, Ростовские и дворъ Тверской, Москва – владели вотчинами в пяти княжествах, имена которых они носили. Так ранние люди в московском государстве первоначально складывались в служилое сословие по земле, т. е. по принципу землевладения.

Но рядом с этим привилегированным образованием, основанным на привилегированном распорядке служилых людей, возникали другие, вызванные новыми стратегическими условиями внешней обороны. По мере расширения московского государства в состав его территории входили княжества, в которых было много или вовсе не было служилых землевладельцев, но которые нуждались во внешней защите. Для охранения новых московских от внешних нападений они заселялись беззаветными людьми, состоявшими из низших слоев прежних служилых дворов – из тяглых людей и даже привыкших к оружию холопов, которых правительство брало из боярских дворов и ставило в ряды провинциального дворянства. Подьячий второй половины XVII века Котошихин, вспоминая об этой усиленной военной вербовке, в своем описании московского государства говорит, что в прошлые давние годы, когда у московского государства были войны со окрестными государствами, ратных людей набирали из всяких чинов и многие из них „за службу и полонное терпенье" (т. е. за страдания в плену) освобождались от холопства и крестьянства и получали в награду за свою службу поместья и вотчины. Предметом для поземельного урегулирования этих новоприходцев был новый вид землевладения, выработав-

шійся въ московскомъ государствѣ и получившій названіе поместнаго. Я не буду говорить ни о происхожденіи этого землевладѣнія, ни о тѣхъ юридическихъ отношеніяхъ, которыя входили въ составъ помѣстной системы: одни изъ нихъ, можетъ быть, слушали объ этомъ въ общемъ курсѣ русской исторіи, другія услышатъ въ общемъ курсѣ исторіи русскаго права. Для насъ теперь важны практическія послѣдствія этой системы, которыя показываютъ, какъ укрѣплялось военно-служилое и подневольное положеніе провинціальнаго дворянства подъ гнетомъ законодательства о помѣстномъ владѣніи. Извѣстно только, что въ московскомъ государствѣ помѣстьями въ отличіе отъ вотчины, наслѣдственной поземельной собственностью, называлась участокъ казенной земли, данный служилому человѣку во временное, обыкновенно пожизненное владѣніе подъ условіемъ службы и какъ средство для службы. Этотъ видъ землевладѣнія возникъ изъ древнѣйшаго: его черты носили на себѣ тѣ участки, которыми князья надѣляли за службу не только на время службы не боевыя, а дворцово-хозяйственныя своихъ слугъ, знакомыя уже намъ подъ названіемъ слугъ „подъ дворскимъ". Только въ XV и XVI вв. это землевладѣніе было распространено на всѣхъ служилыхъ людей и приведено было законодательствомъ въ стройную систему.

Эта помѣстная система была выраженіемъ другого права, которое положено было въ основу военно-поземельнаго устройства служилыхъ людей и было тѣсно связано съ первымъ, которое проводилось черезъ вотчинное землевладѣніе. Мы видѣли, что когда ратная служба стала обязательной повинностью цѣлаго класса, то тяглости были разложены между служилыми людьми по землѣ, т. е. по размѣрамъ вотчины каждаго. Но если всѣ люди, владѣвшіе землей, должны были нести ратную службу въ силу земельнаго владѣнія, то естественно — всѣ, кто несъ постоянную ратную службу, должны были владѣть землей соразмѣрно съ служебными тяглостями. Такъ, правило служить по землѣ привело къ другому обратному — владѣть землей по службѣ. Согласно съ этимъ новымъ правиломъ и надѣляемые помѣстьями безвотчинные или маловотчинные служилые люди.

Это исполнение не только ввело новых землевладельцев в ряды старых местных вотчинных обществ, но и создало впоследствии XVI и XVII вв. одно за другим новые уездные землевладельческие общества, на которых падала обязанность защищать ближайшия к ним границы государства. Наиболее угрожаемыя западныя, южныя и восточныя границы были обсажены более или менее густыми рядами помещиков, которыми, как живой изгородью, с трех сторон был защищен государственный центр. Мы можем судить о ходе этих оборонительных работ по нескольким сохранившимся в памятниках данным. В 1488 г., несколько лет спустя по завоевании Новгорода, здесь был открыт заговор, вследствие которого более 8000 бояр, знатных горожан и купцов переселены были из Новгорода в Московскую землю. Эти бояре и знатные горожане были в большинстве крупные землевладельцы. Личные землевладельцы должны были служить, по правилам московской политики; но турецкие землевладельцы на своих новгородских вотчинах были опасны для московского правительства. Поэтому 8.000 переселенцев были разосланы по уездам владимирскому, нижегородскому, муромскому, переяславскому, юрьевскому, ростовскому и костромскому и надолены поместьями. На их отчужденныя имения посланы были сотни московских служилых людей, которым розданы были в поместья конфискованныя вотчины переселенцев. При этом, чтобы добыть требуемое количество московских служилых землевладельцев, велено было расселить более 50-ти семей подольских дворовых, служивших во дворах московских бояр Тучковых, Шереметевых, Вяземских, Правдиных и других. Все эти насильственно-отчужденные поместныя имения в Вотской пятине, пограничной с шведскими и ливонскими владениями до нас дошла окладная книга этой самой пятины, составленная в 1500 г. В 14-ти погостах двух уездов этой пятины, Ладожском и Орешковском (уездный город Орешек) мы встретили по окладной книге 106 московских помещиков и между ними много бывших дворовых московских бояр. В поместьях всех этих помещиков значилось около 45.000 десятин пашни

земли, на которой работало больше 4.000 крестьян и посельских дворовых людей. Такое служилое гнездо свито было Москвой в пограничном с шведскими владениями уезде Новгородской земли менее чем в два десятилетия. Еще ранее и гуще заселены были восточные и северовосточные уезды. В 1499 г. совершен был под командой кн. Семена Курбского поход за Урал на вогулов, нападавших на русские владения; под начальством князя было послано между прочим 1304 служилых человека успенского уезда и больше 2.000 служилых людей уездов вятского, вологодского и пермского. Еще заботливее огораживались самые опасные южные границы. Барон Герберштейн, посетивший дважды Московию в начале XVI в. и хорошо ее изучивший, говорит, что даже в мирное время по рекам Оке и Дону ставили ежегодно до двадцати тысяч ратных людей для предупреждения татарских нападений. По установившемуся порядку мобилизации большинство этих сторожевых отрядов состояло из служилых людей южных пограничных уездов. Можно даже уловить по книгам XVI в. географическое распределение провинциального дворянства. В центральных уездах, особенно в московском, было очень мало городовых дворян; решительно преобладали землевладельцы высших чинов, думных и московских, обыкновенно крупное вотчинники и с крупными поместными окладами. Поместья самих городовых дворян, разделенные между крупными владениями людей высших чинов в этих уездах, были также довольно значительны. Чем дальше от московского уезда на восток и юг, тем реже становились поместья и вотчины высших чинов, тем больше являлось провинциальных помещиков и тем мельче были их поместные оклады. Размеры поместного и вотчинного землевладения шли в раздробляющем порядке от центра к южным, западным и восточным окраинам. Возьмем список служилых людей Коломенского уезда с их поместными окладами 1577 г. По этому списку значилось 295 помещиков, за которыми по окладам числилось 804.000 десятин пахотной земли, не считая лесной, луговой и неудобной. Следовательно, на каждого помещика при-

ходилось по 285 десятин. Возьмем список служилых людей рязанского уезда 1597 г. Рязанский уезд в конце XVI в. принадлежал к числу юго-восточных пограничных. По списку, в нем было 770 поместий, в которых по окладам значилось 127.860 десятин; следовательно, средне поместье имело 166 десятин. Такова разница от средняго поместья коломенскаго уезда, заключавшаго в себе 285 десятин. В этом рязанском и смежных или еще более южных уездах — епифанском, ерпетовском, козловском, лебедянском, елецком, ливенском, воронежском — в конце XVI и начале XVII в. садились служилые люди „вновь на диких полях". Там было чрезвычайно мало, в иных местах даже совсем не было крестьян; служилые люди были здесь первыми русскими поселенцами с своими дворовыми людьми. Они размещались не в прежних помещичьих усадьбах, а огромными станами и притом укрепленными селениями и почти все жили „одним двором", т. е. имели только свои собственные дворы, не имея дворов крестьянских.

Совместному действию обоих правил, которыя легли в основание устройства служилых людей провинциальных, и вызвать был ряд важных для этого класса событий.

1., Разбились старинныя общества служилых вотчинников, которыя образовались еще в удельное время, безземельные слуги удельных князей, жившие кормлениями, теперь разсылались по поместьям в разных уездах, отдаленных от мест службы их отцов. Тоже самое случилось и с потомками самих удельных князей: князья Оболенские стали помещиками в новгородской земле, а князья Дулова из линии ярославских встречались мелким помещиком в рязанском уезде, а князья Засекина из тойже линии — в каширском.

2., В половине XVI в., как только установились новыя уездныя служилыя общества, состоявшия из вотчинников и помещиков, с них опять было снято верхний слой для службы столичной, как было сделано еще прежде, в XV в. Этот слой и была та тысяча, о которой я упоминал в прошлый раз, набранная из дворян боярских разных уездов и

получившая поместья около Москвы. Въ нее попали, по выражению указа 1550 г., „лучшіе слуги", т. е. наиболее состоятельные и годные къ ратной службѣ. Но были тамъ и знатные люди, владѣвшіе хорошими наслѣдственными вотчинами, каковъ былъ напр. князь Мезецкій, у котораго въ вотчинѣ оказалось больше 2.000 десятинъ пожалованной земли, — тамъ потомки служилыхъ людей очень простого происхожденія, но успѣвшіе удачно устроиться на пожалованныхъ имъ помѣстьяхъ. Между ними встрѣчались даже потомки бывшихъ боярскихъ холоповъ, распущенныхъ при великомъ князѣ Иванѣ III и получившихъ помѣстья въ новгородской землѣ. Получивши подмосковныя помѣстья, люди этой тысячи не потеряли своихъ вотчинъ и помѣстій въ уѣздахъ, изъ которыхъ они были взяты, но вошедши въ составъ столичнаго дворянства, они вышли изъ дворянскихъ уѣздныхъ обществъ, къ которымъ прежде принадлежали. Отсюда и произошелъ двойственный генеалогическій и служебный характеръ этого дворянства. Въ немъ встрѣчались люди отечества, породы, съ знатными службою, вѣсами. Это были и служилые боевые ратники („царевъ полкъ"), и исполнительныя орудія управленія. Такимъ образомъ одной стороной своей дѣятельности и вершиной своего состава московское дворянство было обращено къ боярству, а другой стороной своей дѣятельности и нижней частью состава — къ провинціальному дворянству.

3, Если государственное положеніе боярства держалось на отечествѣ, а положеніе столичнаго дворянства на отечествѣ и приказной службѣ, то положеніе городоваго дворянства строилось единственно на ратной службѣ. Принимая оба правила, въ половинѣ XVI в. законодательство установило норму поземельной службы. Въ лѣтописи, среди узаконеній 1556 г., мы встрѣчаемъ плохую парафразу закона, не дошедшаго до насъ въ подлинникѣ, который гласитъ приблизительно слѣдующее: „государь разсмотрѣлъ, что иные вельможи и воины многими землями завладѣли, а службой оскудѣли — несоразмѣрна ихъ служба съ государевымъ жалованьемъ (помѣстьями) и съ ихъ вотчинами; потому государь указалъ измѣрить ихъ земли и уравнять ихъ помѣстьями, надѣливъ каждаго, кто чего заслу-

оставать; а лишнее отобрать и раздать между помещиками. И тогда установлена была точно определенная служба съ вотчинъ и помѣстій — со ста четвертей добрыя и угожей земли человѣкъ на конѣ и въ полномъ доспѣхѣ, а въ дальній походъ съ другимъ конемъ заводнымъ, — и кто поступитъ по землѣ, того государь пожалуетъ кормленіемъ и на людей породныхъ дастъ денежное жалованіе; кто же землей владѣетъ, а службы съ нея не платитъ, съ того самого взыщутъ деньги за походныхъ людей. И всегда хотѣлъ государь такъ, чтобы служба его государская была безъ лѣности и безъ урѣза по правдѣ." (*) — Чтобы понять этотъ важный законъ, надобно припомнить значеніе земельной хети или четверти въ XVII в. Хеть — пространство пахатной земли, засѣянное четвертью ржи; а тогда обыкновенно считали такъ, что пространство земли, засѣянное двумя четвертями, равнялось нынѣшней десятинѣ. Итакъ, хеть, какъ земельная мѣра, равнялась половинѣ десятины, въ трехъ поляхъ, слѣдовательно, — $1\frac{1}{2}$ десятинамъ. Такимъ образомъ нормой поземельной службы былъ установленъ одинъ вооруженный конный ратникъ съ каждыхъ 150 десятинъ пахатной земли. Поэтому владѣлецъ тридцати десятинъ пашни долженъ былъ выступать въ походъ самъ-другъ съ вооруженнымъ холопомъ и т. д. Но эта норма имѣла двухсторонее примѣненіе согласно съ двумя указанными правилами, изъ которыхъ была выведена. Если съ каждыхъ 150 десятинъ пахатной земли по закону ставился въ походъ одинъ вооруженный конный ратникъ, то, съ другой стороны, каждый служилый человѣкъ, являвшійся въ походъ вполнѣ вооруженнымъ коннымъ ратникомъ, долженъ былъ имѣть помѣстье не менѣе 150 десятинъ пахатной земли. Принимая такъ служебную норму, московское правительство и разверстало между провинціальнымъ дворянствомъ тяглости ратной службы, раздѣливъ этой разверсткой провинціальное дворянство на три чина, которые слѣдовали снизу вверхъ въ такомъ порядкѣ: дѣти боярскіе городовые, дѣти боярскіе дворовые и дворяне выборные. —

(*) Лѣт. по Никонов. списку. VII, 261.

XVI.

Дѣти боярскіе городовые; происхожденіе этого званія. — Разверстка службы между городовыми чинами по десятнямъ XVI и XVII вв. — Отношеніе помѣщичьяго землевладѣнія къ вотчинному. — Помѣстные оклады и помѣстныя дачи. — Отличіе городоваго чиновнаго дворянства отъ московскаго и думнаго. — Вліяніе военнаго устройства московскаго государства на сословно-географическое размѣщеніе русскаго общества. —

Терминъ дѣти боярскіе не понимался уже въ XVII в.: его не умѣли объяснить Котошихинъ; но происхожденіе его объясняется довольно просто. Въ удѣльныхъ княжествахъ образовалось очень много боярскихъ фамилій, т. е. служилыхъ родовъ, члены которыхъ бывали въ званіи бояръ. Но званіе боярина обыкновенно жаловалось служилымъ людямъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, притомъ не всѣмъ членамъ боярскихъ фамилій. Члены боярскаго рода, еще не получившіе званія бояръ, въ удѣльное время назывались дѣтьми боярскими, которые стояли выше простыхъ вольныхъ слугъ или дворянъ. Въ исчезновеніи удѣловъ, только значительнѣйшее удѣльное боярство перешло въ Москву. Члены боярскихъ родовъ, не носившіе этого званія, остались на мѣстахъ, неся званіе дѣтей боярскихъ, какъ бы кандидатовъ на боярство. Но мы видѣли, что большая половина фамилій, записанныхъ въ боярскую родословную книгу XVI в., не провела впродолженіе всего этого столѣтія ни одного члена въ Думу. Такимъ образомъ большая половина старыхъ боярскихъ фамилій удѣльнаго времени перестала принадлежать къ правительствующему боярству. Члены этихъ, такъ сказать, запятнанныхъ боярскихъ фамилій просидѣли и умирали впродолженіе цѣлаго вѣка сплошь въ званіи дѣтей боярскихъ. Такимъ образомъ, сынъ боярскій становился синонимомъ провинціальнаго служилаго человѣка. Изъ которыхъ изъ этихъ городовыхъ дѣтей боярскихъ брали въ столицу „во дворъ", т. е. для дворцовой службы. Съ половины XVI в. или раньше эти дѣти боярскіе получили названіе дворовыхъ или дво-

рянъ. Такъ дворянинъ, прежде означавшій слугу вольнаго не боярскаго происхожденія и потому стоявшій ниже сына боярскаго, теперь превратился въ придворное званіе, въ которое возводились только нѣкоторые городовые дѣти боярскіе. Благодаря этому, званіе дѣтей боярскихъ стало низшимъ провинціальнымъ чиномъ. Высшіе чины провинціальнаго дворянства стали зваться дѣтьми боярскими дворовыми или дворянами. Нѣкоторые изъ нихъ достигали до столичнаго дворянства и въ чинѣ московскихъ дворянъ назывались дворовыми дворянами или дворянами большими.

Теперь посмотримъ, какъ разверстывалась служба между служилыми людьми и какъ они вербовались поземельными окладами. Для того и другаго назначались смотры или разборы. Смотръ служилыхъ людей уѣзда производился полковыми воеводами на походъ, или особо назначеными ревизорами, разборщиками, которые въ мирное время пріѣзжали въ уѣзды и созывали на съѣздъ все уѣздное дворянство. Разборъ и вербованье служилыхъ людей производились посредствомъ допроса выборныхъ изъ представителей, которые назывались окладчиками. Ихъ выбирали, смотря по надобности, въ числѣ 4^х^, 5^ти^ и далѣе болѣе десяти человѣкъ; при вступленіи въ должность они приносили присягу; въ каждомъ уѣздѣ это была какъ бы коллегія уѣздныхъ предводителей дворянства. Они обязаны были сообщать о дворянахъ своего уѣзда всѣ свѣдѣнія, какія были нужны присланному изъ столицы разборщику. Руководствуясь изъ показаніями, разборщикъ назначалъ каждому дворянину родъ службы, назначалъ безпоместнымъ дворянамъ поместные оклады, составлялъ списокъ всѣхъ служилыхъ людей уѣзда, раздѣляя ихъ на чины и чины на статьи, подробно обозначая какъ окладъ, такъ и родъ службы каждаго человѣка. Эти списки носили названіе десятень. Нѣсколько изъ дошло до насъ еще отъ XVI в.; XVII ст. оставило ихъ намъ сотни; ни одна изъ нихъ не издана. Изученіе этихъ списковъ открываетъ намъ пріемы разверстки службы и окладовъ между служилыми людьми. Согласно съ обоими основными правилами разверстки, поместные оклады назначались по качеству службы или боевой годности, и наоборотъ — качество службы и степень боевой годности опредѣлялись прежде назначенно-

ми окладами. Боевая годность определялась четырьмя способами. 1, Разборщик спрашивал окладчиков про служилого человека, каковъ онъ собою? Если ему говорили, что онъ собою молодъ или „молодецъ", ему назначали хорошій окладъ; если говорили, что онъ собою худъ, т. е. старъ или слабъ, его писали въ низшій разрядъ. Такъ встрѣчаемъ выраженія окладчиковъ: „собою молодъ и окладу того стоитъ". 2, Разборщикъ спрашивалъ, каковъ служилый человѣкъ своею головою? Если окладчики говорили, что онъ своею головою добръ или середній, это значило, что онъ имѣетъ хорошія матеріальныя средства и хорошо ведетъ свое земельное хозяйство, имѣетъ хорошее вооруженіе, коней, боевыхъ холоповъ, словомъ хорошее походное обзаведеніе и способенъ нести добрую походную службу. 3, Разборщикъ спрашивалъ, каковъ служилый человѣкъ отечествомъ? Если ему говорили, что онъ отечествомъ добръ, это значило, что отецъ его служилъ въ хорошемъ чинѣ, напримѣръ выборнымъ дворяниномъ и слѣдовательно могъ передать сыну боевой навыкъ и боевые средства. Наконецъ, 4, разборщикъ спрашивалъ, каковъ служилый человѣкъ своею службой, т. е. бывалъ-ли онъ прежде въ походахъ, пріобрѣлъ-ли боевую опытность, или только что вступаетъ на служебное поприще? Руководствуясь этой оцѣнкой, разборщикъ писалъ однихъ въ низшій чинъ дѣтей боярскихъ городовыхъ, назначая имъ служить службу „осадную" или „бѣлевскую", состоявшую въ защитѣ бѣлевской границы, другихъ писалъ въ чинъ дѣтей боярскихъ дворовыхъ, назначая имъ службу „дальнюю", состоявшую въ дальнихъ походахъ, которые требовали хорошаго походнаго прибора и большихъ расходовъ; наконецъ, третьихъ зачислялъ въ чинъ дворянъ выборныхъ, которые кромѣ дальнихъ походовъ очередными партіями призывались въ Москву для исправленія разныхъ придворныхъ обязанностей. Для примѣра приведемъ изъ Коломенской десятни 1577 г. описаніе службы одного двороваго сына боярскаго второй статьи: помѣстный окладъ 350 четей; былъ ему на службѣ на конѣ въ панцырѣ въ шеломѣ въ сайдакѣ (съ стрѣлами) въ саблѣ да три человѣка (боевые холопы) на коняхъ въ панцыряхъ, въ шапкахъ желѣзныхъ, въ сайдакахъ, въ саблехъ съ конми да три коня простые да человѣкъ о дву меринѣхъ въ возу (въ обозѣ съ запасами).

Сообразно съ прежней службой и степенью боевой годности назначались служилымъ людямъ разныхъ чиновъ различные размѣры помѣстныхъ окладовъ. Впрочемъ, въ разныхъ уѣздахъ и общія нормы чиновныхъ окладовъ были неодинаковы: это зависѣло отъ густоты служилаго населенія. Въ московскомъ уѣздѣ оклады вообще были мельче, чѣмъ въ рязанскомъ, потому что первый уѣздъ былъ гуще заселенъ служилыми людьми, чѣмъ послѣдній. Въ каждомъ уѣздѣ оклады различались по чинамъ. Но такъ какъ къ помѣстнымъ окладамъ въ подспорье назначались еще и оклады денежнаго жалованья, которое выдавалось обыкновенно передъ походомъ, то, благодаря различнымъ комбинаціямъ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ, каждый чинъ распадался на нѣсколько статей. Возьмемъ уроменклатуру десятню коломенскаго уѣзда 1577 г. Въ коломенскомъ уѣздѣ не было выбора: служили только дворовые и городовые дѣти боярскіе. Помѣстные оклады дворовыхъ людей были отъ 400 до 200 четей, т. е. отъ 600–300 десятинъ; денежные — отъ 14 руб. — 8 (отъ 840 до 480 р. на наши деньги); по размѣрамъ этихъ окладовъ дворовые люди распадались на 14 статей. Городовымъ людямъ назначались оклады отъ 300 до 100 четей; денежный окладъ отъ 14–6 р.; ихъ было больше 20 статей. Итакъ, помѣстные оклады назначались по чинамъ, какъ чины назначались по службѣ, т. е. по боевой годности и по заслугамъ. Но количество четвертей, назначенное въ окладъ, не всегда было дѣйствительнымъ помѣстнымъ владѣніемъ служилаго человѣка. Отъ оклада надобно отличать помѣстную дачу. Оклады назначались по чинамъ, но размѣры дачъ соображались съ тѣмъ, имѣетъ-ли служилый человѣкъ вотчину или нѣтъ. Если онъ не имѣетъ вотчины, ему давали во владѣніе полный окладъ; если онъ имѣетъ вотчину, то ему давали въ дачу только часть оклада: вотчина служила подспорьемъ къ помѣстью. Можно найти указанія и на отношеніе дачъ къ помѣстнымъ окладамъ. Возьмемъ десятню елецкаго уѣзда 1622 г., въ которой обозначены при помѣстныхъ окладахъ и дополнительныя дачи. Сосчитавъ тѣ и другія, найдемъ, что средній помѣстный окладъ дворовыхъ дѣтей боярскихъ (выборныхъ тамъ не было) былъ 240 четвертей, городовыхъ

— 93, новиков, т.е. только что поступивших на службу и вновь вер-
ставшихся поместьями — въ 79 четвертей; всего назначено было въ
оклады 878-ми служилымъ людямъ уѣзда 123.230 четвертей. Но
такъ какъ у многихъ служилыхъ людей были болѣе или менѣе зна-
чительныя помѣстья, то въ дѣйствительное владѣніе этимъ
служилымъ людямъ было отведено всего 53.570 четвертей. Итакъ
окладъ относился къ дачѣ какъ 2, 3 къ 1. Отсюда можно обозначить
такой формулой отношеніе оклада къ дачѣ: окладъ по чину, дача
по вотчинѣ. Окладъ находился въ прямой пропорціональной
отношеніи къ чину, дача — въ обратно пропорціональномъ отно-
шеніи къ вотчинѣ. Чѣмъ выше чинъ, тѣмъ выше окладъ; чѣмъ
большая вотчина, тѣмъ меньше дача.

Такъ обозначалось служебное и поземельное различіе между
чинами провинціальнаго дворянства. Легко замѣтить основа-
ніе этого дѣленія, отличное отъ того, на которомъ держалась
іерархія думныхъ и московскихъ чиновъ. Отношеніе чиновъ горо-
довыхъ къ думнымъ и московскимъ можно выразить въ такой
формулѣ: чины думные по отечеству, чины московскіе по отече-
ству и службѣ, чины городовые — только по службѣ.

Теперь предстоитъ намъ вопросъ: какъ описан-
ное устройство столичнаго и провинціальнаго дворянства по-
дѣйствовало на складъ общества, на его имущественное географическое
размѣщеніе. Намъ достаточно данныхъ, чтобы сказать, какое
количество земли роздано было въ помѣстное владѣніе въ XV,
XVI и XVII вв., гдѣ это помѣстное владѣніе было распростране-
но въ мірѣ, гдѣ менѣе. Мы не можемъ представить себѣ живо
весь складъ, какой получило общество, когда помѣстная система
вмѣстѣ съ военнымъ строемъ достигла полнаго развитія.
Мы можемъ только почувствовать, читая этотъ строй, что
все московское государство, можетъ быть — за исключеніемъ не-
многихъ имѣній, покрылось болѣе или менѣе густымъ сло-
емъ служилыхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, вооруженныхъ
всегда готовыхъ подняться въ походъ. Почти вся территорія
московскаго государства устроена была какъ обширный лагерь,
который былъ обращенъ фронтомъ въ три стороны — на западъ,

югъ и востокъ. Но есть одинъ способъ по даннымъ позднѣйшаго времени представить себѣ, какое дѣйствіе оказалъ описанный военный складъ служилаго класса на географическое размѣщеніе русскаго общества. Я попытаюсь изложить вамъ эти данныя и указать на то, о чемъ говорятъ они. Мы имѣемъ подробные списки крѣпостныхъ крестьянъ по свѣдѣніямъ IV ревизіи, которая была произведена въ 1782 г. Крѣпостное населеніе распредѣлено было по губерніямъ не съ одинаковой густотой, оно составляло неодинаково высокій процентъ всего сельскаго населенія губерній. Если выписать губерніи въ какомъ нибудь порядкѣ съ обозначеніемъ этого процента, то, при первомъ взглядѣ колебанія его, повидимому, ничего не говорятъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можно извлечь, напр., изъ того, что въ московской губерніи крѣпостное населеніе во время IV ревизіи составляло 66% всего населенія губерніи, вятской – всего 2%, пермской 33%? Что крѣпостное населеніе не вездѣ было одинаково густо, это извѣстно и понятно; но въ какомъ порядкѣ оно размѣщалось и какія историческія условія дѣйствовали на это размѣщеніе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не дается при первомъ взглядѣ на цифры; но расположимъ губерніи, начиная съ московской, по группамъ, въ порядкѣ ихъ близости къ послѣдней, обозначая проценты крѣпостного населенія въ каждой группѣ.

I. Московская 66%, владимірская 67%.

II. Смоленская, калужская, тульская, рязанская, нижегородская, костромская, ярославская и псковская – 83–69%, тверская – 64%.

III. Орловская, саратовская, тамбовская, пензенская, симбирская, новгородская – 68–45%, вологодская – 34%.

IV. Курская, воронежская, казанская, пермская, уфимская – 47–18%.

Въ этомъ перечнѣ нѣтъ юго-западныхъ и западныхъ губерній: онѣ не были территоріей московскаго государства и строеніе общества находилось тогда подъ дѣйствіемъ другихъ условій. Обозначенныя губерніи опредѣляютъ территорію московскаго государства. Что значатъ эти цифры? Очень густой процентъ

крѣпостнаго населенія въ двухъ губерніяхъ первой группы; это самый центръ московскаго государства, гдѣ помѣщались его главный штабъ и постоянная квартира его верховнаго вождя. Здѣсь крѣпостной процентъ очень великъ, но есть мѣстности, гдѣ онъ еще выше. Легко замѣтить, что такое губерніи второй группы — онѣ поясомъ окаймляютъ двѣ центральныя; въ нихъ процентъ значительно ниже, чѣмъ въ послѣднихъ. Это первая боевая линія, окружавшая штабъ, первая оборонительная цѣпь и потому самая цѣпкая. Надъ укрѣпленіемъ ея всего больше работали; когда эта цѣпь бывала разорвана, московское государство становилось неспособнымъ защищаться; какъ скоро татары прорывались сквозь эту линію, Москва гибла. Припомнивъ географическое отношеніе губерній третьей группы ко второй, замѣтимъ, что онѣ составляютъ также кольцо, окружающее первый поясъ. Здѣсь процентъ крѣпостнаго населенія ниже второй группы, приближается къ тому, какой мы видѣли въ центральныхъ губерніяхъ; это — вторая боевая линія; объ укрѣпленіи ея менѣе заботились, для укрѣпленія ея и меньше оставалось боевыхъ силъ. Надобно обратить вниманіе на то, что какъ въ первомъ, такъ и во второмъ поясѣ, окружавшемъ московско-владимірскій центръ, встрѣчаемъ по одной губерніи, гдѣ процентъ крѣпостнаго населенія гораздо ниже, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ одного съ ней пояса. Такова въ первомъ поясѣ тверская, во второмъ — вологодская. Обѣ эти губерніи — сѣверныя; такимъ образомъ обѣ боевыя цѣпи, окружавшія центръ, самымъ рѣдкимъ, потому что здѣсь меньше было нужды въ оборонѣ. Процентъ крѣпостнаго населенія отъ Москвы къ сѣверу вообще быстро падалъ: въ московской — 66%, въ тверской — 64%, въ новгородской — 55%, въ олонецкой — 6%, въ архангельской почти не было крѣпостныхъ. Наконецъ, четвертая группа составляла третью цѣпь, которая окаймляла вторую. Эта цѣпь не сплошная: вы видите, что ряду этихъ губерній не соединяется въ непрерывное территоріальное пространство. Эта цѣпь, на укрѣпленіе которой оставалось всего менѣе боевыхъ силъ, была передовой оборонительной линіей и состояла изъ отдѣльныхъ, разорванныхъ звеньевъ, которыя образуютъ болѣе прочныя разбросанныхъ восточныхъ,

юго-восточных и южных инородцев — татарь крымских, калмыков, ногаев, башкир и др. — и защищали отдельные окраины, наиболее угрожаемые. Вот почему в этой последней разорванной цепи и крепостной процент падает до низкой степени — до 18.

Итак, что такое эти три кольца, окаймляющие московско-владимирский центр? Это три боевые цепи, густота которых уменьшалась по мере удаления от центра. Следовательно, они представляют собою три степени напряжения боевых сил для защиты государственного центра. Еще в XVI и XVII вв. государство защищалось не столько укреплениями, сколько конными, дворянской поместной милицией. Крепостное население своей густотой должно указывать, куда эти боевые силы дворянской милиции сосредоточены были наиболее. Боевая крепость уезда определялась не количеством дворян, а количеством ратных сил, находившихся в уезде. В иной уезд было немного дворян, но каждый был способен явиться в поход по нескольку сотен и даже тысяч. Курбский говорит, что князья Одоевские и другие вышли со своих вотчин и поместий тысячи вооруженных сил. Итак уезд, в котором было десяток таких крупных землевладельцев-дворян, выводивших в поле целый корпус, в боевом отношении был сильнее уезда, в котором была тысяча мелких дворян, из коих каждый являлся в поход с одним холопом или даже одиноким. Но количество выводимых людей определялось количеством пашенной земли: с каждых 150 десятин шел вооруженный конный ратник. Количество пашенной земли зависело от количества крестьян, на ней работавших. Следовательно, где уже было крепостное население, там сильнее были сосредоточены боевые силы. Вот почему эту густоту крепостного населения и можно принять за мерило напряжения боевых сил для защиты той или другой земли московского государства. Ревизские сказки 1782 г. — это поздняя, но вполне сохранившаяся летопись, рассказывающая о том, как устраивалась оборона московского государства в XVI и XVII вв., т. е. как географически размещалось общество для этой обороны. Размещение крепостного населения по означенным

четырем группам губерний показывает, что сильно защищен был самый центр государства, где находился штаб, руководивший его обороной, но что еще сильнее защищена была первая линия, которая кольцом огибала главный штаб. Эта линия только на севере, в тверской губернии, представляла меньше крепости (64%). Третья линия представляла другое кольцо, огибавшее первое, но уже с меньшею крепостью. Наконец, четвертая линия представляла не сплошную цепь, а ряд разорванных звеньев, которые окружали вторую цепь. Это размещение крепостного населения концентрическими кругами вокруг Москвы в русской империи XVII в., очевидно, вполне было следствием того устройства военных сил, какое установлено было московской политикой XVI и XVII вв., следствием того расселения боевых землевладельцев, какое было установлено поместной системой. Эта политика размещала классы общества по соображениям стратегии, по требованиям Московского Разряда, генерального штаба, окружая центр тройным оборонительным поясом, постепенно редевшим и, наконец, разрывавшимся по мере удаления от Москвы на юго, юго-запад и юго-восток. Так в позднейших ревизских данных XVIII в. мы находим довольно яркий след, указывающий на то, какое влияние военный строй, установившийся в московском государстве, оказал на сословно-географическое размещение русского общества.—

XVII.

Помещение приборных служилых людей между городовыми дворянством и тяглым населением.— Сходство приемов в устройстве служилых и тяглых классов.— Казенные поручения и ответственность за их исполнение.— Главные обеспечения ответственности — вера, доверие и порука.— Основное правило приложной земской службы и основание чиновного деления высшего торгового купечества.—

Обращаюсь теперь к изучению устройства многочислен-

ного тяглого населения въ московском государствѣ. Но по порядку изложенной мною типовой таблицы я предварительно сдѣлаю короткое замѣчаніе о служилыхъ людяхъ по прибору. Этотъ классъ былъ соединительнымъ звеномъ между служилыми людьми по отечеству и тяглымъ населеніемъ. Первоначально онъ въ двухъ отношеніяхъ отличался отъ служилыхъ людей по отечеству: во первыхъ, служба приборныхъ людей была временная и личная, а не наслѣдственная, какъ служба служилыхъ людей по отечеству; стрѣльцы, казаки, пушкари вербовались изъ разныхъ классовъ общества,— изъ обѣднѣвшихъ городовыхъ дѣтей боярскихъ, изъ тяглыхъ и вольныхъ людей — и составляли по городамъ гарнизоны и полевыя команды, селились особенно по границамъ, какъ пограничные сторожевые отряды. Во вторыхъ, приборные люди содержались не поземельными дачами, которыя отводились въ личное владѣніе каждому, а либо денежнымъ жалованьемъ, либо земледѣльческимъ, но на особыхъ правахъ, которое совмѣщало въ себѣ черты помѣстнаго и крестьянскаго землевладѣнія: казенная земля отводилась такимъ обществамъ такихъ пограничныхъ военныхъ поселенцевъ какъ и крестьянамъ, но она отводилась на условіяхъ помѣстнаго владѣнія, въ пожизненное пользованіе и съ обязательною ратною сторожевой службы. Это совмѣщеніе двухъ земледѣльческихъ правъ впослѣдствіи перешло на классъ однодворцевъ, которые съ одной стороны платили подушную подать подобно крестьянамъ, а съ другой — имѣли право владѣть крѣпостными душами подобно дворянамъ. Но съ теченіемъ времени то и другое изъ указанныхъ отличій постепенно исчезало: значительная часть приборныхъ людей передавала свои служебныя обязанности дѣтямъ и внукамъ, которые получали уже характеръ служилыхъ людей по отечеству. Не разъ упоминаетъ типовая московскій подъячій половины XVII в. Котошихинъ замѣчаетъ о стрѣльцахъ своего времени: „и бываютъ въ стрѣльцахъ вѣчно, и по нихъ дѣти и внучата и племянники, стрѣлецкія жъ дѣти, бываютъ вѣчно жъ". Между тѣмъ въ началѣ XVI в., когда возникла стрѣлецкая пѣхота, она вербовалась по прибору изъ вольныхъ людей, принимавшихъ на себя лишь временную службу

Съ другой стороны, многіе казаки и другіе сторожевые люди за свои засѣчныя полосы земельныя дачи на помѣстномъ правѣ въ смѣнъ вѣковыхъ и зачислялись по этимъ дачамъ въ низшіе чины городоваго дворянства. Такимъ образомъ приборная служба низшаго укрѣпленія канала, посредствомъ котораго происходилъ постоянный обмѣнъ силъ между городовымъ дворянствомъ и несущимъ тягломъ классомъ. Съ одной стороны въ приборные чины падали всѣ отбросы этого дворянства, съ другой — черезъ эти чины проникали въ составъ дворянства лучшія боевыя силы, поднимавшіяся изъ глубины несущихъ классовъ.

Къ укрѣпленію тягла населенія московская политика прибѣгала пріемы, очень похожіе на тѣ, какими укрѣплялись служилые чины. Поэтому и организація тяглыхъ чиновъ многими чертами напоминаетъ чиновное дѣленіе служилыхъ людей.

На тяглое населеніе падали двѣ главныя обязанности: земская казенная служба и государственное податное тягло. Но обѣ эти обязанности, подобно ратной и приказной службѣ служилыхъ людей, были раздѣлены на мелкія доли, которыя развертывались между различными разрядами тяглого населенія. Какъ въ служилой іерархіи высшіе чины возникали изъ разверстки приказной службы между служилыми людьми по генеалогическому отечеству, точно такъ же и высшіе тяглые чины были созданы раскладкой тяжестей казенной службы между тяглыми людьми по экономической состоятельности. Такимъ образомъ генеалогическому отечеству служилыхъ людей соотвѣтствовало экономическое состояніе людей тяглыхъ.

Земская казенная служба состояла въ томъ, что тяглыя общества сами обязаны были становить изъ своихъ агентовъ для исполненія казенныхъ порученій, для которыхъ она не имѣла своихъ спеціальныхъ исполнительныхъ органовъ. Не смотря на чрезвычайное разнообразіе этихъ казенныхъ порученій, изъ нихъ можно свести ихъ къ трем разрядамъ: 1) сборъ даней и пошлинъ, т.е. прямыхъ и косвенныхъ налоговъ; 2) надзоръ за исполненіемъ натуральныхъ казенныхъ повинностей, каковы были: ямская гоньба, постройка

и ремонтъ городскихъ укрѣпленій, эксплуатація казенныхъ фирмъ по найму, напр. рыбной ловли, казенныхъ мостовъ и т.п. 3, веденіе казенныхъ торгово-промышленныхъ предпріятій, напр. продажа питей, составлявшая казенную монополію, казенное добываніе и продажа соли, казенная разработка рудниковъ въ XVII в., продажа дорогихъ мѣховъ, поступавшихъ въ казну вмѣсто подати съ населеній, занимавшихся звѣроловствомъ, казенная закупка хлѣба и т.д. до безконечности. Всѣ эти казенныя порученія были, какъ вы видите, или смѣшанныя повинности, или казенныя промышленныя операціи. По этому двойственному характеру они и носили названіе либо государева дѣла, либо дѣла земскаго. Центральныя и областныя коренныя учрежденія — приказы, наименованія XVI в. и воеводы XVII — принадлежала только высшій надзоръ и руководство всѣми этими финансовыми операціями, но непосредственное веденіе дѣлъ, вся черная работа падала на агентовъ, которыхъ обязаны были ставить изъ своей среды тяглые міры. Эта казенная земская служба отличалась отъ службы приказной одной существенной чертой. Приказное управленіе требовало отъ управляемыхъ повиновенія и потому главнымъ условіемъ его успѣха былъ личный авторитетъ управителя. Напротивъ, казенная служба направлена была къ полученію наибольшей прибыли для казны и потому главнымъ условіемъ ея успѣшности должна была служить строгая имущественная отвѣтственность со стороны агентовъ. Такъ какъ эта служба была безвозмездная, то казна требовала двоякаго обезпеченія отвѣтственности земскаго агента — нравственнаго и матеріальнаго. Нравственнымъ обезпеченіемъ служила вѣра, присяга, которой земскій агентъ обязывался усердно и добросовѣстно вести казенное порученіе. Поэтому агенты и ихъ помощники, на которыхъ надъ присягой возлагались сборы косвенныхъ налоговъ и веденіе торгово-промышленныхъ операцій казны, несли названіе вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ. Голова — главный агентъ, цѣловальники — его подчиненные помощники. Матеріальной гарантіей отвѣтственности служило довѣріе казны земскому агенту, какъ оно выражалось и состояло въ

торговцу либо промышленнику, который доказать свою коммерческую опытность хорошим ведением собственных дел и состояние которого могло бы вместе с тем вознаградить казну за причиненный ей агентом ущерб. Поэтому правительство требовало, чтобы мирские миры выбирали по казенному поручению „людей добрых, которые были бы другом приемы и оставлены проситочными и которым в сборе государевой казны смело было бы верить". Если мир не выбирал такого надежного человека, материальная ответственность за казенные убытки переносилась на самих выборщиков, которые в таком случае были обязываемы круговой порукой за своего выборного. Так выработалось основное правило присяжной или целовальной службы по казенным поручениям, которое можно выразить в такой формуле: земская присяжная служба по личному доверию или по мирской поруке. Прочие различать объ эти гарантии, которыми казна старалась обезпечить ценность и исправность мирской службы – личное доверие и мирскую поруку.

Выборная казенная служба по личному доверию, но не по мирской поруке, и была источником высших чинов тяглой иерархии. Богатейшие и надежнейшие купцы, на которых в звании голов казна возлагала самые трудные и ценные, следовательно наиболее ответственные поручения, напр. сбор тамошенной пошлины на большие ярмарках в Архангельске или Астрахани, продажу дорогих казенных товаров, эти богатейшие купцы получали чин гостей. Купцы менее значительные и надежные, которым поручались менее важные дела или которые назначались целовальниками, помощниками к гостям, возводились в звание людей гостиной либо суконной сотен. Сама по такого разделения высшего купечества сложилась задолго до Москвы еще в конце удельного времени и была уже в XIV в. разделена с гостями вступившими суконниками в составе московского купечества с значением одного из высших разрядов. Степень казенного доверия, какой удостоивались более или менее важные поручения, сопровождалась с оборотными капиталами учреждаемого агента, а размеры

этого капитала можно судить по свидетельству Котошихина о гостях его времени. Это были торговцы, которых ежегодный оборот простирался от 20 до 100 тысяч тогдашних московских рублей, а так как рубль половины XVII в. равнялся 17-ти нынешним*, то этот оборот можно оценить суммой от 340.000 до 1.700.000 руб. на наши деньги. Но чин гостя или торговца высшей сотни, гостиной или суконной, приобретался не размером ежегодного оборота, а самой службой по казенному поручению, успешным исполнением поручений. Как бы ни был велик торговый оборот купца, он не получал звания гостя, если ранее не служил ни одной службы. Котошихин замечает о них же гостях: "а бывают они гостиным чинением пожалованы, как бывают у царских дел в житных головах и в целовальниках, у соборных кары и в таможенях и на кружечных дворех" (т.е. в казенных кабаках).

Гости, торговцы гостиной и суконной сотен в такой финансовой иерархии были тоже самое, что столичные служилые чины — стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы — в иерархии военно-правительственной. Как тех, так и других, были приписаны к столице и обязаны были в Москве иметь постоянное местожительство, где бы ни находились вотчины и поместья, торговые и промышленные предприятия других. Как московские дворяне разъезжались из столицы, для всяких дел по областям, — править городами, командовать полками и их частями в звании воевод и голов, руководить провинциальным дворянством, так точно и московских гостей и торговцев гостиной и суконной сотен разъезжали из столицы по областным городам в звании голов и целовальников направлять казенные операции. Московское купечество высших рангов вообще служило ближайшим орудием правительства в управлении провинциальным торгово-промышленным населением и стояло к последнему в отношении полномочного руководителя. Как московских гостей посылали в областные города вербовать имеющих торговых людей тогдашними окладами; или иногда хорунжими назначать

торговых людей провинциальных городов на должности мытных кабацких и таможенных голов — знак, что казна видела в них больше, чем в посадских провинциальных обществах. Это была, если можно так выразиться, финансовый штаб московского государя. Наконец, самый состав этих чинов близко напоминал список столичных служилых людей. Гостей и торговцев было в высших сотнях никогда не бывало много. При царе Федоре Ивановиче гостей и людей гостиной сотни числилось 350, в суконной сотне — всего 250. Смутное время и сопровождавший его упадок торговли и промышленности страшно опустошили ряды высшего столичного купечества. В 1649 г. гостей осталось только 13 человек; в гостиной сотне считалось 158, но надежных и годных к службе было так мало, что им приходилось поручать казенные поручения через год; в суконной сотне из 116 человек только 42 были в состоянии служить, а так как из них ежегодно назначалось на службу по 18 человек, то некоторым приходилось по очереди ходить в службу чаще через год; службы были годовые. Это вызывало потребность в частом пополнении состава высших тяглых чинов, и ряды московской боярской аристократии постоянно пополнялись лучшими служилыми силами, поднимавшимися из глубины провинциального дворянства, так в составлявшийся круг высшего московского купечества постоянно приливали лучшие промышленные силы из столичных черных сотен, из дворцовых и даже церковных слобод и (даже) из областного посадского купечества. „Гости, гостиная и суконная сотни почитаются всеми городами и слободами лучшими людьми". Так говорили в XVII в. В одном документе 1649 г. приведена подробная выдержка этого положения высших купеческих разрядов за первую половину XVII в. Может быть, вы найдете нелишним разъяснить эту выдержку; я передам ее в такой форме. В 1621 г. в гостиную сотню по наряду дано из черных московских сотен и слобод 12 человек, в суконную — 50, в 1625 г. в гостиную из областных городов 34, в 1630 г. в ту же сотню из других областных горо-

довъ 34, въ суконную — изъ областныхъ городовъ 19; въ 1635 г. въ гостинную сотню изъ патріаршихъ и монастырскихъ богатыхъ крестьянъ 44; въ суконную изъ того же класса 11; въ 1642 г. въ гостинную изъ дворцовыхъ слободъ 12, въ суконную оптира же 9; въ 1644 г. въ гостинную изъ богатой московской дворцовой слободы Кадашей (т. е. поставщиковъ полотенъ столоваго бълья во дворецъ) 24; въ 1646 г. въ суконную изъ разныхъ слободъ 36; въ 1647 г. въ гостинную сотню изъ московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ 104, въ суконную изъ тѣхъ же сотенъ и слободъ 81. Эта таблица укажетъ вамъ на счетъ, къ какой сказывалась потребность въ постоянномъ пополненіи высшихъ служилыхъ разрядовъ купечества. Это были настоящіе рекрутскіе наборы купечества въ казенную службу, наиболѣе тяжелую и отвѣтственную. Новобранцы изъ низшаго купечества назначались въ высшіе торгово-служилые чины по казенному наряду противъ воли, единственно по расчету на ихъ фамильственную или личную благонадежность, на прибыль, какую они могли доставить казнѣ своего опытностью, или по крайней мѣрѣ на гарантированность, которая давала казнѣ возможность вознаградить себя за убытокъ, ими причиненный.

Итакъ, основаніемъ чиновнаго дѣленія высшаго столичнаго купечества была присяжная казенная служба по личному довѣрію. Источникомъ чиновнаго расчисленія областнаго тяглаго населенія служила другая государственная обязанность, на него падавшая — государственное податное тягло.

XVIII.

Основное правило разверстки тягла и основаніе чиновнаго дѣленія провинціальнаго черного населенія. — Составъ общества въ московскомъ государствѣ второй половины XVI в. — Его дальнѣйшее расчисленіе въ низшіе составные слои. — Отраженіе принципа [illegible] въ [illegible] государственныхъ повинностей въ области гражданскаго права. — Прикрѣпленіе городского и сельскаго. — Возникновеніе новой системы зависимости изъ сельскаго [illegible] — Исторія чиновнаго расчисленія областного тяглого

населения служила другая государственная обязанность, на него падавшая — государственное податное тягло. Подъ тяглом разумѣлась совокупность прямыхъ казенныхъ платежей и натуральныхъ повинностей, какія несли на себѣ несмѣтные люди московскаго государева. Всего тяглого выработывалось въ московскомъ государственномъ краю именно это основаніе. Тяглой былъ характеръ города въ московскомъ государствѣ. Въ южной кіевской Руси города были торгово-промышленными центрами; такой характеръ сохранялъ и живой внѣшній торговлѣ. Въ сѣверной Руси, которая была объединена Москвой, городъ, при подавляющемъ преобладаніи земледѣльческаго населенія, получилъ значеніе преимущественно укрѣпленнаго пункта. Подъ его стѣнами на посадѣ жилось такое же тяглое земледѣльческое населеніе, какое было разсѣяно по деревнямъ и селамъ. Благодаря отсутствію рѣзкаго экономическаго различія между городскимъ посадскимъ и сельскимъ населеніемъ, съ трудомъ вырабатывалось и различіе политическое, т. е. сословное при обособленіи. Впрочемъ, это обособленіе постепенно обозначалось и становилось замѣтнымъ подъ вліяніемъ московской тяглой политики. Внутренній народно-хозяйственные обороты были обложены казенной пошлиной; съ этою цѣлью установлены были внутреннія заставы и таможни. Для того, чтобы не оставить никакого народно-хозяйственнаго оборота безъ обложенія, эти обороты правительство старалось сосредоточить въ извѣстныхъ пунктахъ обмѣна, закрывая торговлю въ другихъ мѣстахъ, гдѣ не было таможенныхъ смотрителей. Такимъ образомъ промышленность и торговля постепенно стягивались въ установленные правительствомъ пункты обмѣна, какими служили преимущественно города. Это само собою открывало сельское земледѣльческое населеніе отъ городского въ экономическомъ отношеніи. Къ экономическому различію скоро присоединилось и политическое. Это было различіе сферъ прямого обложенія, какія приложились къ населенію городскому и сельскому. Предметомъ прямого налога, падавшаго на сельское населеніе, былъ крестьянскій тяглъ, приложившійся къ землѣ помѣстьемъ; напротивъ, предметомъ прямого налога, падавша-

го на городское население, стремясь торгово-промышленный капиталъ, пущенный въ оборотъ. Это различіе выражалось на финансовомъ языкѣ древней Руси формулами: „обложить по пашнѣ" или „обложить по животамъ и по промысламъ". Промысловое обложеніе, разумѣется, съ теченіемъ времени, рѣзко отдѣлило торгово-промышленное население отъ земледѣльческаго, а такъ какъ торгово-промышленное население сосредоточивалось преимущественно въ посадахъ, а земледѣльческое въ селахъ и деревняхъ, то это обложеніе по роду занятій явилось политическою гранью, отдѣлявшей городъ отъ села. Круговая порука въ сборѣ прямыхъ податей и гражданская разверстка закрѣпили это обособленіе. Ка̀тегорія, отвѣтственность за исправный сборъ городскаго тягла была гораздо сравнительно съ отвѣтственностью за сборъ прямой поземельной подати: сборъ послѣдней былъ легче, чѣмъ сборъ первой, потому что и разверстка тягла по землѣ была проще, чѣмъ разверстка по менѣе уловимымъ и болѣе измѣнчивымъ промысламъ. Вотъ почему въ круговой порукѣ за торгово-промышленныхъ людей не выгодно было участвовать податнымъ крестьянамъ и посадскимъ, даже живя на посадахъ, стараясь выдѣлиться изъ посадскаго населенія, образуя отдѣльныя общества. Такимъ образомъ выработалось основное правило для разверстки государственнаго податного тягла: тянуло по промыслу либо по пашнѣ. Это различіе промышленнаго и податного обложенія съ особенною ясностью выражено въ уставной грамотѣ, данной игумену соловецкаго монастыря Филиппу монастырскимъ крестьянамъ въ 1564 г. Филиппъ раздѣляетъ временные налоги на военные нужды, какіе падали на всѣ безъ различія классы сельскаго населенія, отъ постоянной прямой подати, падавшей на землю. Временные военные налоги разверстывались и въ сельскомъ населеніи, какъ въ городскомъ, по животамъ и по промысламъ; но поземельная подать, по выраженію игумена, должна была разверстываться по обонямъ, по земельнымъ прежнимъ просѣкамъ, а не по животамъ и не по промысламъ. Но какъ скоро произошло такое разграниченіе города и села, интересы казны требовали, чтобы тяглые

люди, взявшие на себя городское тягло, постоянно въ немъ оставались; напротивъ, чтобы тяглые финансовые, занявшие изъятое тяглое участки, не покидали ихъ и не переходили въ другія состоянія, имѣлось городовое дѣло хозяевъ. Отсюда изъ приведеннаго правила разверстки тягла вытекло другое, обратное, которое требовало, чтобы тяглый человѣкъ того или другого разряда постоянно оставался въ своемъ тяглѣ. Правило это можно выразить формулой: если тягло по промыслу или по пашнѣ, то, съ другой стороны, и промыселъ, какъ и пашня, по числу тягла. Рельефъ такого прикрѣпленія тяглыхъ людей къ раз избранному тяглу мы замѣчаемъ ранѣе въ XVI столѣтіи; въ XVII оно сдѣлалось главнымъ основаніемъ устройства тяглаго населенія. Въ Судебникѣ царя Ивана мы читаемъ статью, которая запрещаетъ городовымъ тяглымъ людямъ селиться на монастырскихъ земляхъ, прикавывая имъ жить безвыходно на земляхъ городскихъ. Кто изъ городовыхъ людей поселится на монастырскихъ земляхъ, того должно вывести на прежнее тяглое мѣсто въ городъ и подвергнуть его суду. Разверстка тягла по указанному правилу и стала источникомъ дѣленія городовыхъ посадскихъ людей на статьи лучшихъ, середнихъ и молодшихъ, а уѣздныхъ тяглыхъ финансовъ — на классъ крестьянъ и на бобылей. Статьи городоваго населенія были своего рода провинціальныя купеческія гильдіи такъ же, какъ званія крестьянъ и бобылей были различныя непривилегированныя состоянія въ составѣ земледѣльческаго населенія. Такъ расчленилось тяглое населеніе городское и сельское въ московскомъ государствѣ къ половинѣ XVI в. Основаніе этого дѣленія было выведено изъ двухъ указанныхъ правилъ разверстки присяжной казенной службы и тягла: если присяжная служба разверстывалась по личному довѣрію, а тягло по промыслу и пашнѣ, то чины размѣщались по службѣ и по тяглу, именно высшіе чины московскаго купечества по службѣ, низшіе чины областного посадскаго и сельскаго населенія по тяглу. Подобное двойственное основаніе чиновнаго дѣленія мы видѣли и въ устройствѣ и служилыхъ людей московскихъ и городовыхъ.

Сами мы представимъ себѣ это расчленение, какъ будетъ

ясенъ первоначальный планъ общественнаго строенія, какой пыталась соорудить московская политика. Припомнивъ, какъ были устроены люди служилые и тяглые, мы легко уяснимъ основаніе и взаимное отношеніе устройства тѣхъ и другихъ. Что такое весь служилый людъ, какъ онъ былъ устроенъ къ половинѣ XVI в.? Это былъ разселенный по всей территоріи государства вооруженный лагерь съ генеральнымъ штабомъ въ Москвѣ, который руководилъ его оборонительной борьбой. Что такое было описанное сейчасъ устройство тяглаго населенія? Это было интендантство подъ руководствомъ высшаго московскаго купечества. Вся масса тяглаго населенія служила обширнымъ источникомъ, изъ котораго эти высшіе интендантскіе руководители извлекали матеріальныя средства, необходимыя для содержанія вооруженнаго лагеря съ его генеральнымъ московскимъ штабомъ. Сопоставивъ эти два соціальные міра—служилыхъ людей и тяглое населеніе, мы можемъ представить себѣ и тотъ составъ, какой усвоило себѣ общество въ московскомъ государствѣ во второй половинѣ XVI в., вскорѣ послѣ земскихъ реформъ царя Ивана. На поверхности этого общества мы видимъ два параллельныя, но не равныя, не одинаково высокія вершины, чрезвычайно мелко расчлененныя, изъ которыхъ одна состояла изъ высшихъ слоевъ служилаго населенія, а другая изъ высшихъ разрядовъ населенія тяглаго. Обѣ эти вершины, дробно расчлененныя, покоились на однородной тяглой массѣ, состоявшей изъ городскихъ и сельскихъ обывателей, платившихъ либо промысловое тягло, либо поземельную подать. Эта масса была очень слабо расчленена; элементы городового населенія во второй половинѣ XVI в. еще едва обозначались; въ составѣ сельскаго населенія низшій тяглый классъ, бобыли, до конца XVI в. составлялъ ничтожный процентъ.

Но общество не остановилось на этомъ дѣленіи: съ половины XVI в. въ немъ стало обнаруживаться стремленіе къ дальнѣйшему расчлененію. Источникомъ этого расчлененія былъ осложненіе гражданскихъ отношеній, которое повело къ дальнѣйшему дробленію мелкихъ низшихъ классовъ населенія, до того слабо расчлененнаго. Это осложненіе вызвано было поми-

тическимъ принципомъ обязательности специальныхъ государственныхъ повинностей. Мы видимъ, что этотъ принципъ въ приложеніи ко внѣшней оборонѣ вызвалъ другое ярмо служилаго класса. Тотъ же принципъ въ приложеніи къ внутреннему порядку, переведши въ сферу гражданскихъ отношеній, повелъ къ болѣе дробному дѣленію низшихъ тяглыхъ классовъ. Какъ скоро въ государственномъ правѣ установилось правило, что всѣ сословныя обязанности, которыя въ прежнее время устанавливались договоромъ, становятся обязательными и наслѣдственными, это правило сильно подѣйствовало и на обязательства, вытекавшія изъ частныхъ гражданскихъ сдѣлокъ. Сюда это правило внесло новое положеніе: личныя обязательства, вытекающія изъ гражданскихъ сдѣлокъ, не прекращались до истеченія срока, на который они заключены. Въ первое время можетъ показаться непонятной эта перемѣна; такого принципа не существуетъ въ современномъ правѣ и онъ даже строго запрещенъ послѣднимъ. Принимая частныя обязательства, мы всегда оговариваемъ себѣ право нарушить его до истеченія срока, только вознаградивъ неустойкой потерпѣвшую сторону. Каждое свободное лицо вправѣ всегда нарушить всякое свое гражданское обязательство, только вознаградивъ ущербъ, какой причиняетъ этимъ другому лицу. Такое начало господствовало и въ древнемъ правѣ. Въ московскомъ государствѣ, подъ дѣйствіемъ обязательности государственныхъ повинностей, и въ частныхъ отношеніяхъ установилось правило, что гражданскія обязательства, принимаемыя на извѣстный срокъ, не прекращаются по волѣ обязаннаго лица, даже путемъ уплаты неустойки, т.е. вознагражденія стороны, потерпѣвшей отъ произвольнаго прекращенія обязательства. Какъ скоро личныя гражданскія обязательства получили такой характеръ, они стали кабальными обязанностями.

Эта перемѣна въ гражданскомъ правѣ отразилась на юридическомъ состояніи холопства. До XVI в. въ нашемъ правѣ, какъ мы видѣли, существовало только одно холопство — полное; но рядомъ съ нимъ существовала личная зависимость, которая не причислялась къ холопству — договое закладничество.— Закладничество было личной зависимостью, возникавшей

изъ займа съ обязательствомъ условной временной службы за рость и съ правомъ сиры всегда прекратить свою службу, возвратомъ долга. Этой условностью службы и этимъ правомъ прекратить ее закладничество отличалось отъ холопства: послѣднее было крѣпостной зависимостью, которая не могла быть прекращена ни подъ какимъ условіемъ по-личному уложенію холопа безъ согласія господина. Такимъ образомъ договорное закладничество не было крѣпостнымъ состояніемъ, видомъ холопства; до XVI в. оно и не носило на себѣ никакихъ признаковъ холопьей крѣпостной зависимости. Но, съ конца XV в. въ нашемъ гражданскомъ правѣ утверждается мысль, что и условная служба за долгъ дѣлаетъ сиру холопомъ, какъ скоро сира временно или навсегда лишается права или возможности прекратить свою зависимость; только эта служба — личная, прикрѣпляетъ только самого сиру къ его господину и только къ нему, не прикрѣпляя ни дѣтей сиры къ господину по смерти отца, ни самого сиры къ дѣтямъ господина по смерти послѣдняго. Изъ этой мысли вышли два послѣдствія, которыя создали два новые вида холопства.

1., Среди полныхъ холоповъ со временъ Русской Правды существовали сиры, которые отдавались въ холопство съ условіемъ служить въ должности сельскихъ ключниковъ. Прежде и это холопство было полнымъ, наслѣдственнымъ, но оно было условнымъ, обязывавшимъ сиру служить только въ извѣстной должности. Теперь, согласно съ общимъ правиломъ, что условная служба создаетъ только личную крѣпостную зависимость, и сельское ключничество образовало особый видъ холопства, получившаго названіе докладного. У него былъ одинаковый источникъ съ холопствомъ полнымъ — продажа, но оно отличалось отъ послѣдняго тѣмъ, что прекращалось смертью господина, которому продавался докладной холопъ.

2., Подъ вліяніемъ этой мысли закладничество съ начала XVI в. постепенно превратилось въ холопство, получившее названіе кабальнаго, т. е. возникавшаго изъ записной кабалы, соединенной съ обязательствомъ служить за рость. Подъ давленіемъ общаго принципа непрекращаемости частныхъ личныхъ обяза-

тельствъ закладники, первоначально занимавшіе деньги на одинъ годъ, давали обязательство вмѣсто роста служить заимодавцамъ все это время безъ права прекращать службу до срока; но вслѣдствіе экономическаго разстройства, какое стало обнаруживаться въ московскомъ государствѣ XVI в., огромное большинство такихъ годовыхъ кабальныхъ должниковъ по истеченіи срока не имѣло возможности выйти на волю, уплативъ долгъ. Тогда заимодавцы начали примѣнять къ нимъ основныя правила древне-русскаго закладного права, по которому просроченный долгъ превращался въ продажу. Закладникъ, по истеченіи года не заплатившій долгъ, считался какъ бы продавшимъ себя въ полное холопство. Эти притязанія господъ вызвали множество разнообразныхъ затрудненій и безпорядковъ. Одни закладники уходили отъ господъ не расплатившись, — другіе, утративъ надежду расплатиться, сами отдавались господамъ въ полное холопство, наконецъ третьи еще до истеченія годового срока прекращали свою службу, прося принять отъ нихъ деньги въ уплату долга. Чтобы прекратить всѣ эти безпорядки, былъ изданъ законъ 25 апр. 1597 г.; по этому закону въ случаѣ споровъ, возникавшихъ изъ служилой кабалы, если кабальный человѣкъ уходилъ отъ господина безъ его согласія, не расплатившись, такого кабальнаго человѣка, какъ докладного холопа, велѣно было возвращать въ службу господину до смерти послѣдняго, а денегъ съ него по заемной кабалѣ не брать далѣе того времени, когда самъ холопъ будетъ предлагать ихъ. Точно такъ-же дѣти кабальнаго холопа, закабаленные вмѣстѣ съ отцомъ или родившіеся въ холопствѣ, подобно докладнымъ сходятъ, служатъ отцову господину только до смерти послѣдняго, а послѣ него уже ихъ и дѣтей его не служатъ и денегъ по отцовой кабалѣ ихъ не взыскиваютъ. Таковъ былъ законъ 1597 г., сообщившій окончательную юридическую физіономію кабальному холопству. Вы видите, что кабальный заемъ былъ сравненъ съ продажей въ холопство, но не въ полное, а лишь условное и временное. Холопъ лишался права прекратить свою невольную уплатой долга безъ согласія господина, за то и господинъ лишался права взыскать долгъ безъ согласія холопа; а смерть перваго погашала и долговое обяза-

тельство последняго. Благодаря тому, условная служба вольных закладников за рост съ обязательством уплаты долга по уговору теперь превратилась въ обязательную службу за самый долг съ погашением его до смерти господина по закону. Значит, закладничество превратилось въ кабальное холопство посредством сочетания условной службы вольного должника съ непрекращаемостью купленного холопства по воле холопа. Въ XVII в. кабальное холопство нѣсколько измѣнилось: источником его стал не самый долг, соединенный со службой за рост, а просто уговор о личной дворовой службѣ до смерти господина; долг получил лишь фиктивное значение. Хозяин писал, что получил серпу, за которую обязывается работать на господина по его усмотр, но он не занимал этой службы, а просто договаривался съ ним о полученной обязательной службѣ. Согласно съ этим Уложение постановило обозначать въ служилых кабалах одинаковый залог въ три рубля, ни больше ни меньше, придавая этим условный, фиктивный смысл кабальному долгу. Как скоро кабальное холопство утратило характер залогового служилого обязательства, для такого обязательства выработаны были новыя крепости, которыя получили названий служилых записей и которыми укрепился новый видъ личной зависимости – женская неволя. Главное отличие этой неволи отъ кабальнаго холопства заключалось въ разнообразии условий: служилая кабала прикрепляла холопа къ холопу всегда только до смерти послѣдняго, не прекращалась по закону раньше и не продолжалась дольше. Женская неволя возникла изъ займа съ обязательством работать за рост извѣстное количество лѣтъ или до смерти господина не погашая долга, – изъ займа, съ условием его погашения работой, – наконец, изъ найма съ условием обязательной срочной работы, возпрепятствованной по истечении срока. Разнообразием этих условий объясняется и разнообразие названий, какия въ XVII в. носили крепости, укрѣплявшия женскую неволю. Главныя изъ нихъ были: 1., заемныя записи, которыми заемщики обязывались работать на хозяев до их смерти или извѣстное количество лѣтъ въ „заемѣ," погашая

долгъ работой; 2., жилыя служилыя, называвшіяся такъ въ отличіе отъ заемныхъ потому, что основаніемъ зависимости по нимъ служилъ не денежный заемъ, а служба вещами — платьемъ, скотомъ, хлѣбомъ; 3., кабальныя опасныя, отличавшіяся отъ заемныхъ тѣмъ, что работникъ получалъ плату не впередъ въ видѣ займа, а по истеченіи условленнаго срока „на опасенъ, какъ годы описывали"; 4., закладныя, состоявшія въ томъ, что свободный человѣкъ не самъ отдавался въ зависимость, а закладывалъ за долгъ на извѣстное число лѣтъ своихъ дѣтей, младшихъ родственниковъ или всѣхъ.

Такимъ образомъ древне-русское холопство, прежде однообразное, полное, осложнилось, развившись съ конца XV в. на докладное, кабальное и жилое. Въ XVII ст. эти позднѣйшіе виды холопства получили даже преобладаніе надъ древней полной неволей: законодательство XVII в. запретило продажу въ полное потомственное холопство и свободныя лица могли отдаваться только въ личную зависимость на срокъ или до смерти господина. Легко замѣтить связь этихъ позднѣйшихъ видовъ холопства съ обязательностью государственныхъ повинностей, разложенныхъ на свободные классы. Всѣ эти виды развились изъ древняго закладничества. Оно не было кръпостнымъ состояніемъ, холопствомъ, потому что могло быть прекращено по волѣ закладника уплатой долга. Въ этомъ отношеніи личная зависимость, имъ устанавливаемая, была похожа на отношенія свободныхъ обывателей князя къ его князю, возникавшія изъ договора и прекращавшіяся по волѣ одной изъ договаривавшихся сторонъ. Но какъ скоро эти договорныя обязательства свободныхъ обывателей въ московскомъ государствѣ превратились въ обязательныя государственныя повинности, зависимость закладниковъ получила кръпостной характеръ: отдававшійся въ неволю по договору терялъ право прекратить ее по своей волѣ, какъ свободный человѣкъ, служилый или тяглый, потерялъ право сложить съ себя государственную службу или тягло. Услугами закладниковъ, теперь ставшихъ холопами кабальными или жилыми, пользовались преимущественно высшіе служилые тяглые классы, на которыхъ съ наибольшей тяжестью падали обязательныя государственныя

повинности. Превращеніе обязательствъ, возникавшихъ изъ закладничества, въ крѣпостную службу, не прекращавшуюся по всѣмъ случаямъ до срока или до смерти господина, было для этихъ классовъ какъ бы вознагражденіемъ за превращеніе ихъ прежнихъ договорныхъ обязательствъ передъ княземъ въ тяжелыя и даже потомственныя государственныя повинности.

Начала кабальнаго холопства, развившись въ разнообразныя условія жизни, коснулись и положенія владѣльческихъ крестьянъ: привившись къ ихъ поземельнымъ отношеніямъ, они создали новый видъ крѣпостнаго состоянія – крѣпостныхъ крестьянъ. Происхожденіе этого состоянія – одинъ изъ самыхъ важныхъ, но и самыхъ запутанныхъ вопросовъ въ исторіи нашего общества. Для того, чтобы лучше уяснить происхожденіе этого факта въ исторіи нашего права, я напомню вамъ содержаніе послѣднихъ двухъ чтеній. Я указалъ происхожденіе чиновъ, на которые раздѣлялось тяглое московское посадское населеніе въ московскомъ государствѣ. Двѣ обязанности, которыя падали на это населеніе, были распредѣлены между его частями по правилу очень похожему на то, которое служило основаніемъ разверстки повинностей, падавшихъ на служилое населеніе. Правило, по которому совершалась разверстка повинностей между посадскими людьми, можно выразить такъ: служба казенная присяжная по личному довѣрію или по мірской порукѣ, тягло по промыслу и по пашнѣ. Изъ соединенія этихъ двухъ правилъ вышло третье, служившее основаніемъ чиновнаго дѣленія посадскихъ людей: если казенная присяжная служба разверстывалась по личному довѣрію и по мірской порукѣ, а тягло по промыслу или по пашнѣ, то посадскіе чины дѣлились по службѣ и по тяглу – именно, чины высшаго столичнаго купечества – по службѣ, чины торгово-промышленнаго провинціальнаго населенія – по тяглу. Мы видѣли, что почти такъ же распредѣлена была приказная и ратная служба между служилыми людьми столичными и городовыми. Все описанное чиновное дѣленіе служилыхъ и посадскихъ людей завершилось уже къ концу XVI столѣтія. Все общество въ московскомъ государствѣ къ этому времени представляло такой видъ: на низ-

мей массѣ, довольно однородной и однообразной, слабо расчлененной, поднимись двѣ вершины, раздѣленныя съ чрезвычайной зрѣлостью-силы сильные люди и высшее сословное куреченство. Но со второй половины XVI в. начинается дробленіе и въ низшихъ классахъ. Оно началось съ самаго низа, съ холопства. Источникомъ этого дробленія, видѣли мы, было отраженіе принципа, усвоеннаго государственнымъ правомъ, въ правѣ гражданскомъ, обязательственномъ. Принципомъ государственнаго права была обязательная разверстка государственныхъ повинностей между классами общества. Этотъ принципъ, отразившись въ гражданскомъ правѣ, измѣнилъ характеръ существовавшихъ въ немъ обязательствъ личной условной зависимости. Здѣсь, подобно праву государственному, установилось новое начало: обязательство, устанавливающее личную и условную зависимость полагалось срочно, не прекращалось до истеченія срока или до конца отбытія. Эта непрекращаемость обязательственныхъ отношеній холоповъ была установленіемъ, параллельнымъ вѣчно-обязательной службѣ и вѣчно обязательному тяглу, падавшимъ на служилыхъ и тяглыхъ людей и притомъ установленіемъ, возникшимъ подъ прямымъ вліяніемъ обязательной службы и обязательнаго тягла. Мысль, что личная зависимость, установленная обязательствомъ до смерти господина или на извѣстный срокъ, не можетъ быть прекращена до этихъ терминовъ, послужила источникомъ кабальнаго холопства, которое получило окончательную юридическую выработку къ началу XVII в.; а изъ кабальнаго холопства второй половины XVII ст. постепенно развивались многообразные виды вѣчной невольи. Такимъ образомъ временно-обязательныя отношенія, какія устанавливались прежде въ обязательственномъ правѣ и могли быть прекращаемы по волѣ одной стороны подъ условіемъ вознагражденія другой за причиненный ѣмъ ущербъ, теперь оказались и превращаются въ хронологическія отношенія, не прекращаемыя по волѣ зависимой стороны. Въ этой перемѣнѣ, происшедшей въ обязательственномъ правѣ, и заключается самый острый источникъ крѣпостного права на крестьянъ, которое всегда за холопствомъ усвоило юридическій составъ и этого класса.—

XIX.

Действіе кабальнаго холопства на крестьянскую сторону записи и происхожденіе крестьянской крѣпости. — Превращеніе обязательства по договору въ крѣпость по писцовой записи. Вліяніе крестьянской крѣпости на составъ крестьянскаго населенія. — Образованіе низшаго крѣпостнаго состоянія. Замѣна казенныхъ служебъ личной зависимостью какъ новою повинностью крѣпостныхъ крестьянъ. — Дробленіе крѣпостнаго крестьянства. — Происхожденіе заповѣдныхъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Изстари крестьяне въ Россіи, сидѣвшіе на владѣльческихъ земляхъ, вели свои хозяйства въ большинствѣ съ подмогой отъ своихъ владѣльцевъ. Эта подмога давалась имъ въ различныхъ видахъ: владѣлецъ ссужалъ своихъ крестьянъ готовыми средствами къ надворными строеніями, рабочими скотомъ, сѣменами и т. п. За эту ссуду крестьяне обязывались особыми накладными повинностями, которыя падали на нихъ сверхъ обычнаго поземельнаго налога за снимаемыя у владѣльца земли. Всѣ эти повинности излагались въ крестьянскихъ поземельныхъ договорахъ съ владѣльцами, носившихъ названіе <u>порядныхъ грамотъ</u> или <u>сѣрыхъ записей</u>. Вся совокупность этихъ добавочныхъ повинностей, источникомъ которыхъ была ссуда, носила названіе <u>крестьянскаго издѣлія</u> или <u>боярскаго дѣла</u> (барщина). Но эти повинности были простыми договорными обязательствами крестьянъ, которыя не ограничивали ихъ личной свободы, выражавшейся въ правѣ <u>выхода</u>, т. е. перехода съ одного участка земли на другой или отъ одного владѣльца къ другому. Крестьянинъ, задолжавшій владѣльцу и по этому долгу вступившій въ зависимость отъ него, могъ ежегодно прекратить эту зависимость, заплативъ владѣльцу долгъ. Если онъ заключалъ договоръ на извѣстный срокъ, это не лишало его права разорвать свою связь съ землевладѣльцемъ до истеченія срока, только заплативъ условленную въ договорѣ неустойку — <u>крестьянскій зарядъ</u>.

как говорили в XVI и XVII вв.

Таковы были отношения между крестьянами и землевладельцами приблизительно до половины XVI в. Но с этого времени в московском государстве стало усиленно развиваться частное землевладельческое вотчинное и преимущественно помещичье. Вместе с развитием этого землевладения усилился спрос на крестьянский труд. Обширные пространства незаселенной земли, поступавшей в руки помещиков, последние старались обрабатывать, добывая всеми возможными средствами рабочих крестьянских рук. Вследствие этого масса бывшего бездомного люда была превращена в землепашцев при помощи землевладельческих сеток. Все это усилило задолженность крестьян своим владельцам. В порядных грамотах второй половины XVI в. сперва становится обычным условием крестьянских договоров: необыкновенно трудно вернуться крестьянина, который бы сделался на земельный участок без подмоги от владельца. Вследствие этой задолженности право выхода, сохранившись за крестьянином, на практике перешло свое действие, становясь непримиримым. Всякий крестьянин мог расплатившись со своим владельцем и должен был все более по мере того, как закрепощался на его участке. Благодаря этому, право выхода к концу XVI в. выродилось в два фазиса, из которых одна возвращала крестьянину свободу, но была запрещена законом, а другая не только не восстановляла его свободы, но еще усиливала его долговую зависимость от владельца: крестьянин мог или насильственно разорвать свою связь с землевладельцем, убежав от него, или законным порядком отойти от него, найдя другого владельца, который расплатился бы за него с прежним и перевел на свой участок. В первом случае бывший крестьянин обязанный землевладельцем, должен был платить долг и пеню, во втором он сменял одну долговую зависимость на другую с приращением. Благодаря этому исчезновению права перехода в действительности, среди землевладельцев уже к концу XVI в. стал утверждаться взгляд на крестьян, как на неоплатных должников, не имев-

лишь возможности разорвать свою зависимость отъ вотчинника. — Одинъ иностранецъ, Маржъ, описывая положеніе крестьянъ при Борисѣ Годуновѣ, замѣчаетъ, что еще при прежнихъ государяхъ московскіе землевладѣльцы привыкли смотрѣть на своихъ крестьянъ, какъ на крѣпостныхъ. Легко понять происхожденіе такого взгляда, не имѣвшаго прямого основанія въ дѣйствовавшемъ законодательствѣ: этотъ взглядъ, очевидно, сложился посредствомъ приложенія началъ древне-русскаго долговаго права къ положенію вотчинныхъ крестьянъ. Мы видѣли, что долгъ становился источникомъ крѣпостной зависимости, когда должникъ не только обязывался служить или работать за рость, но и терялъ право уплатить самый капиталъ, т. е. прекратить зависимость по своей волѣ. Это послѣднее начало было прямо выражено въ апрѣльскомъ указѣ 1597 года, запрещавшемъ принимать отъ кабальныхъ холоповъ челобитныя объ уплатѣ долга по служилымъ кабаламъ. Благодаря этому началу кабальнаго холопства стали прилагаться землевладѣльческія къ положенію задолжавшихъ крестьянъ еще прежде, чѣмъ такое приложеніе было дозволено закономъ. Возникновеніе и развитіе кабальнаго холопства родило среди землевладѣльцевъ мысль, что крестьянское издѣліе за подмогу создаетъ почти такую же личную крѣпостную зависимость крестьянина отъ владѣльца, въ какую ставила кабальнаго холопа дворовая служба за рость. Въ самомъ дѣлѣ, различіе между обязательствомъ работы крестьянина на владѣльца за подмогу и обязательствомъ дворовой службы кабальнаго холопа за рость было очень незначительно. Подъ вліяніемъ этой мысли и безъ всякаго участія законодательства преимущественно со второй четверти XVII в. въ крестьянскіе договоры стали вносить новое условіе, котораго не заключало въ порядныхъ грамотахъ XVI в. Прежде крестьянинъ, снимавшій землю даже на опредѣленный срокъ, иногда давалъ обязательство не покидать своего участка ранѣе срока; но это обязательство было скорѣе обычаемъ, чѣмъ юридическимъ условіемъ. Крестьянинъ могъ и до срока покинуть участокъ, лишь заплативъ полученную ссуду и условленную неустойку. Но въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVII ст. по-

являются порядныя грамоты, въ которыхъ крестьяне даютъ обязательство никогда и ни въ какихъ случаяхъ не покидать владѣльцевъ даже подъ условіемъ уплаты неустойки. Самый ранній договоръ съ такимъ условіемъ, мнѣ встрѣтившійся, относится къ 1628 г. Въ этомъ договорѣ вольный человѣкъ, снимая участокъ съ годовой отъ владѣльца, обязывается, „за государемъ своимъ жить во крестьянѣхъ по свой животъ безвыходно". Въ одной судной записи 1630 г. крестьяне, снимая землю Михѣевскаго монастыря и обязуясь въ случаѣ ухода заплатить монастырю за подмогу и льготу, которыми отъ него пользовались, прибавляютъ: „и впредь мы Михѣева монастыря крестьяне", т. е. въ случаѣ ухода они не только должны заплатить подмогу и вознагражденіе за льготу, но и возвратившись на снятый участокъ. Значитъ, крестьяне сами навсегда отказались отъ права выхода и неустойку превращали въ пеню за побѣгъ, не возвращавшую имъ этого права и не уничтожавшую самаго договора. Скоро это обязательство стало общимъ условіемъ въ судныхъ крестьянскихъ записяхъ, принимая чрезвычайно разнообразныя формы выраженія. Иногда крестьяне къ своему обязательству заплатить неустойку за побѣгъ, прибавляли условіе: „а впредь такъ я государю своему по сей записи кръпокъ безвыходно". Наиболѣе употребительная и стереотипная формула, въ которой выражалось это обязательство, гласила: „а крестьянство и впредь въ крестьянство", т. е. хотя крестьянинъ и убѣжитъ, но онъ этимъ нисколько не разорветъ своей крестьянской зависимости отъ владѣльца. Такъ въ крестьянскіе договоры съ владѣльцами вошло было условіе, по которому крестьянинъ, принимая землю съ подмогой владѣльца, закрѣпляетъ свои долговыя и поземельныя обязательства отказомъ навсегда отъ своего права прекращать основанную на этихъ обязательствахъ зависимость. Это условіе не совмѣщало крестьянскаго поземельнаго договора съ значеніемъ сдѣлки кръпости.

До сороковыхъ годовъ XVII ст. незамѣтно вмѣшательства законодательной власти въ крестьянскіе договоры съ владѣльцами: новое условіе проникало и распространялось, не встрѣчая

со стороны правительства никакихъ возраженій. Легко однако замѣтить важный интересъ, который долженъ былъ очень скоро вовлечь законодательство въ эти отношенія, чтобы регулировать ихъ: если на крестьянскія долговыя отношенія къ владѣльцамъ пало основное основное условіе личной кабалы, то возникала опасность, что задолжавшій крестьянинъ изъ тяглаго человѣка превратится въ кабальнаго холопа, который не былъ обязанъ государственными тяглами. Сначала сороковыхъ годовъ законодательство начинаетъ все съ большимъ вниманіемъ вмѣшиваться въ отношенія между крестьянами и владѣльцами. Еще въ концѣ XVI вѣка была установлена законами 24 ноября 1597 г. срокъ давности для сысканія бѣглыхъ крестьянъ. Этотъ срокъ давности, назначенный первоначально въ 5 лѣтъ, имѣлъ цѣлью исключительно судебныя удобства: безконечныя тяжбы о крестьянахъ, давно бѣжавшихъ безъ расписи, заваливали судебныя учрежденія. Искъ о побѣгѣ, начатый слишкомъ поздно, лишалъ суда возможности основательно разобрать дѣло. Позднѣйшимъ закономъ 1597 г. былъ назначенъ пятилѣтній срокъ давности для такихъ исковъ; если крестьянинъ бѣжалъ за 5 или болѣе лѣтъ до начала иска, владѣлецъ терялъ право искать его сыскомъ. Въ XVII ст. пятилѣтній срокъ былъ увеличенъ до десяти лѣтъ. Всѣ владѣльцы провинціальные, дворяне и дѣти боярскіе, чрезвычайно тяготились этими сроками, благодаря которымъ бѣглые крестьяне, укрываясь въ отдаленныхъ вотчинахъ крупныхъ владѣльцевъ, къ истеченію срока пропадали для нихъ безъ возврата долга. Удовлетворяя этимъ недовольнымъ ходатайствамъ, правительство въ 1646 г. приняло решительную мѣру: предпринята была всеобщая перепись тяглыхъ людей, городскихъ и сельскихъ; для писцовъ, разосланныхъ по всѣмъ уѣздамъ, составлены были подробныя наказы, инструкціи. Здѣсь писцамъ указано было записывать всѣхъ тяглыхъ людей поимянно съ женами, при нихъ нетяглыми сыновьями и родственниками на тѣхъ земляхъ, за какими владѣльцами или обществами, гдѣ ихъ застала перепись, а бѣглыхъ записывать по показаніямъ тѣхъ людей, у которыхъ они проживали въ то время, срока давности

лишь въ тѣхъ случаяхъ, если они бѣжали не далѣе десяти лѣтъ до переписи; убѣжавшіе ранѣе записывались тамъ, гдѣ ихъ заставала перепись. Удовлетворяя неоднократнымъ ходатайствамъ служилыхъ людей объ отмѣнѣ срока давности, правительство объявило, что впредь тяглые люди съ дѣтьми и родственниками будутъ крѣпки по переписнымъ книгамъ и безъ урочныхъ лѣтъ, т. е. землевладѣльцы и сельскія общества получатъ право искать безсрочно и возвращать бѣглыхъ, записанныхъ за ними въ этихъ книгахъ.

Эти писцовые наказы 1646 г. значительно измѣнили характеръ крестьянской крѣпости, установленной старыми законами: 1., Явился новый способъ укрѣпленія, который не отмѣнялъ прежняго договорнаго, но скорѣе закрѣплялъ его – это запись по писцовымъ книгамъ. Крестьяне, записанные за владѣльцемъ, становились крѣпки ему даже и безъ старой записи. 2, Крѣпостной крестьянинъ закрѣплялся за владѣльцемъ безъ всякаго срока и не только лично, но и со своимъ потомствомъ и даже съ родней, жившей въ его дворѣ; дѣти и родственники, которые жили за ставами въ его дворѣ, становились точно такъ же крѣпостными сами того владѣльца, за которымъ былъ укрѣпленъ ихъ отецъ или старшій родственникъ, домохозяинъ. Такимъ образомъ крѣпостная крестьянская зависимость, первоначально личная и поземельная, вслѣдствіе закона 1646 г. превращена была въ вѣчную и потомственную. Состояніе крѣпостныхъ крестьянъ стало безвыходнымъ, непрекращаемымъ; эта безвыходность и получила на языкѣ XVII в. названіе вѣчности крестьянской. Но, признавая за владѣльцами крѣпостное право на крестьянъ, законодательство ограничило ихъ нѣкоторыми условіями. Землевладѣлецъ отвѣчалъ за подданную исправность своихъ крѣпостныхъ крестьянъ передъ казной; далѣе, имѣя право на дѣтей и ближнихъ родственниковъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, владѣлецъ только тогда могъ пользоваться этимъ правомъ, когда устроялъ родственное положеніе дѣтей и родственниковъ, дѣлавшее ихъ способными платить барское и казенное тягло, т. е. давалъ имъ земельные участки

и ссуду на обзаведение. Эти и другія условія, которыми законодательство ограничило крѣпостную власть владѣльцевъ на личность крестьянъ, сводились къ требованію, чтобы тяглый крестьянинъ, давъ крѣпостное, не переставалъ быть тяглымъ и способнымъ къ тяглу. Благодаря этимъ условіямъ, крестьянская крѣпость, разнившись отъ крѣпости кабальной, не сдѣлалась фоломъей. Она отличалась отъ послѣдней во первыхъ тѣмъ, что давала владѣльцу право только на часть крестьянскаго труда, другая часть котораго обязательно шла въ пользу казны въ видѣ подушнаго тягла; во вторыхъ тѣмъ, что всѣ владѣльческія права на крѣпостныхъ были обусловлены соотвѣтствующими государственными обязанностями владѣльцевъ.

Такъ представляю я происхожденіе и законодательное изложеніе крѣпостного права на крестьянъ. Оно возникло въ началѣ дѣятельности новой династіи нашего законодательства, первыя частныя сдѣлки - средствами обязательственнаго права; но потомъ законодательство, регулируя эту зависимость, въ интересахъ государства подчинило созданную сдѣлками крѣпостную власть на крестьянъ извѣстнымъ государственнымъ требованіямъ. Легко однако все понять, что распространеніе крестьянской крѣпости значительно усложнило юридическій составъ сельскаго населенія. 1., Изъ общей массы тяглаго земледѣльческаго населенія выдѣлились теперь владѣльческіе крѣпостные крестьяне; это было совершенно новое состояніе тяглыхъ крѣпостныхъ людей: прежде тяглые крестьяне не были крѣпостными; крѣпостными считались только фоломѣи, которые не были тяглыми. Эти крѣпостные крестьяне отличались отъ крестьянъ казенныхъ и дворцовыхъ тѣмъ, что подобно имъ, лишившись права выхода изъ своего состоянія, они не несли казенныхъ службъ, падавшихъ на черныхъ и дворцовыхъ крестьянъ. Эти казенныя службы замѣнены были работой на земель-владѣльцевъ, которая падала на крѣпостныхъ крестьянъ какъ новая государственная повинность. 2., Въ самомъ крѣпостномъ населеніи обособились два разряда: земледѣльцы - фоломѣева, тянувшіе тягло съ участковъ, которыми были надѣлены, и крѣпостные люди, жившіе за

этими крупностными домохозяевами, их дети и младшие родственники, которые составляли совершенно особый класс зависимых крестьян.

Крестьянская крепость завершила собою то дробление низшего тяглого и крестьянского населения, какое началось с конца XVI-столетия. Окончательная юридическая выработка дана была крестьянской крепости около половины XVII в. Но лишь только вошло в право это новое явление, во всем чиновном устроении общества московского государства начинается важная перемена, которая ему сообщила новую организацию и новый вид. Этой переменой обозначается наступление нового, четвертого периода в истории русских сословий.

XX.

Четвертый период истории русских сословий.

Понятие о сословном праве. – Отсутствие этого понятия в московском государстве XV и XVI вв. Начальный законодательный момент IV периода. – Двоякое происхождение мысли о сословном праве в московском государстве XVII в.: 1, сословное право как средство прикрепить классы к круговой обязанности, 2., сословное право как выражение сословной чести. Превращение чиновных выгод в сословные права по состоянию. – Обособление прежде сословий по правам. –

Обозначая во введении в курс периоды, на которые удобно разделить историю русских сословий, я сказал, что в четвертом периоде основанием общественного устроения и нашей ближайшей различий прав, распределяемых между сословиями по их политическому значению. Итак, сословное право есть отличительная черта IV периода, этот признак, который строй чрезвычайной нашими обществами в этот период, отличался от склада, ему предшествовавшего и основывавшегося на различии государственных обязанностей, развертывающихся между об-

ществеными классами по их хозяйственным отношениям. Прошу припомнить, как мы определили сословное право во введении в курс: я сказал, что его есть всякое преимущество, предоставляемое законом целому классу общества в постоянное обладание. Разумеется, юридическое отличие известного класса только тогда можно назвать его преимуществом, когда оно обращается в его пользу: дает ему средства обеспечения его интересов, создает ему выгодное положение в государстве или помогает сохранить и укрепить это положение.

В московском государственном праве XVI и XVII вв., когда складывалось государство, мы не находим твердо выраженного понятия о таком сословном преимуществе. Законодательство знало хозяйственные выгоды, которыми пользовались разные классы и которые служили их интересам, а целям государства, были средствами исправного исполнения государственных обязанностей, положенных на общественные силы, а не средствами обеспечения интересов этих сил. Эти выгоды достигались собственными усилиями отдельных лиц или покрывались лицами от государства, напр., поместья. В этом и других случаях государство налагало на лица соответствующие этим выгодам тягости: на землевладельцев, приобретавших землю собственными средствами или получавших ее от казны, оно налагало службу приказную и ратную, на торгово-промышленных капиталистов – службу казенную и промысловое тягло, на домовладельцев, снимавших земли казенные или частные – тягло посошное.

Первый вопрос, возникающий при начале нового периода, состоит в том – когда, откуда и каким образом возникла в московском государстве мысль о сословном праве, как о таком юридическом преимуществе, которое служило не столько средством для отбывания государственной повинности, сколько средством для ограждения и проведения сословных интересов. Происхождение этой мысли было довольно сложно и дискуссивно, и некоторые внесли тем более, что этот вопрос почему-то обыкновенно оставляется во

тьми нашей историко — юридической литературой. Московское законодательство начинаетъ довольно твердо формулировать такія преимущества и согласно съ ними перестраивать прежнюю чиновную іерархію съ половины XVII в., съ Уложенія 1649 г. Постепенно вырабатываясь и укрѣпляясь, основанный на разныхъ сословныхъ правахъ новый складъ нашего общества достигаетъ если не полнаго и окончательнаго, то довольно опредѣленнаго выраженія въ сословныхъ жалованныхъ грамотахъ 1785 г. Поэтому Уложеніе можно принять за начальный законодательный моментъ IV періода исторіи русскихъ сословій, а жалованныя грамоты мы избрали было конечнымъ предѣломъ нашего изученія. Однако, мысль о сословныхъ правахъ, какъ мы его опредѣлили, возникла ранѣе изданія Уложенія и условія, въ которыхъ она родилась, становятся замѣтны еще въ XVI в.

Сословныя права возникали и развивались въ нашемъ государственномъ порядкѣ двумя путями: всѣ они являлись послѣдствіями чиновнаго движенія, но различались свойствомъ побужденій, ихъ вызывавшихъ, или ихъ интересовъ, которые ими ограждались. Одни изъ нихъ создавались сами законодательствомъ и направлены были къ тому, чтобы поддерживать и укрѣплять чиновное движеніе общества, удерживая классы въ кругу назначенныхъ имъ чиновныхъ обязанностей; другія сами собой рождались изъ матеріальныхъ выгодъ, связанныхъ съ чиновными обязанностями, и спустя выраженіемъ и средствомъ поддержанія того государственнаго значенія или вѣса, какой пріобрѣтали чины исполненіемъ своихъ обязанностей. Съ перваго взгляда эта разница въ происхожденіи сословныхъ правъ кажется мелкой, но вы увидите изъ дальнѣйшаго изложенія въ чемъ она состояла.

I. Сословныя права какъ средство удержанія классовъ въ кругу ихъ государственныхъ обязанностей, постепенно развивались путемъ переходовъ, какимъ подвергались эти обязанности въ своемъ практическомъ примѣненіи. Мы видѣли, что первоначально эти обязанности разверстывались по родственнымъ состояніямъ людей; кто выходилъ земцемъ, тотъ

должен был служить ратную службу; кто пахал землю, тот обязан был платить поземельное тягло. Эти повинности падали на состояния или занятия далее независимо от лиц, которые владели этими состояниями или всеми этими занятиями: если землевладелец, служивший ратную службу с своей земли, часть этой земли пахал на себя своими холопами или вольнонаемными рабочими, не сдавая ее тяглым людям — крестьянам, то в XVI в. он сверх ратной службы платил еще поземельное тягло с этой части наравне с тяглыми земледельцами. Таким образом по земле землевладелец служил, а по пашне платил. Потом, когда посредством такой разверстки лица разсортировались на классы, по мере того как общественное деление, кристаллизуясь, застывало и твердело, повинности, с помощью наследственной их передачи, постепенно переносились с хозяйственных состояний на самые лица и только отзывались лицами по хозяйственным состояниям, даже иногда ложились на лица независимо от их состояний. Был служилого человека несь ратную службу, даченными землями; напротив, нетяглый человек, имевший землевладельческий, напр. холоп, получивший от господина часть его вотчины в награду за ратную службу, что нередко бывало в XVI в., такой землевладелец не был обязан ратной службой государству. Если служилый человек должен был служить, хотя бы и не владея землей, то наоборот, служилый землевладелец не обязан был платить поземельное тягло, хотя бы часть своей земли и обрабатывал на себя. Вот почему в царствование Михаила Федоровича дворовые пашни служилых землевладельцев по писцовым книгам являются уже свободными от поземельного налога. Эта перемена была, очевидно, перенесением государственной повинности с хозяйственного состояния на самое лицо, как владельца. Отсюда установилось правило, по которому тяглое тягло освобождало от ратной службы, а ратная служба от податного тягла. Естественно однако то, что повинность, переставши быть вещественной и сделавшись личной, не могла исправно

отбываться, если терпела свое вещественное, т. е. хозяйственное основание. Отсюда еще в XVI в. становится замытным в московском законодательстве стремление поставить лица в экономические состояния, соответствующие несомым ими повинностям, и удерживать в этих состояниях. Самым решительным выражением этого стремления была система поместных надельев, превратившая тысячи беззаветных ратников в мелких землевладельцев. Но и вотчинное землевладение испытало на себе действие того же стремления. Здесь оно прежде всего повело к стеснению прав вотчинного землевладения в интересах поддержания служебной годности служилых фамилий; чтобы предохранить их от упадка и предупредить переход вотчинных земель от служилых владельцев в несущественные или неспособные к службе руки, ограничено было право отчуждения и право завещания родовых наследственных вотчин. В ст. 85 Судебника 1550 г. и в дополнительном законе 1557 г. был точно определен порядок выкупа таких вотчин, отчужденных владельцами в чужой род. Нисходящие потомки вотчинника, продавшего родовую вотчину - дети и внуки - по Судебнику и закону 1557 г. не могли выкупать ее: это право сохранялось только боковые родственники - братья, сестры и племянники, притом, если они не подписались на купчей продавца свидетелями, т. е. не дали молчаливого согласия на продажу вотчины. Право выкупа отчужденной вотчины сохранялось за родичами в продолжение 40 лет; притом родич, выкупивший родовую вотчину, лишался права дальнейшего отчуждения ее в род: он мог продать или заложить ее только члену своего рода, не подписавшемуся свидетелем на купчей первого продавца. В более поздних списках Судебника является еще более важное стеснение права отчуждать родовые вотчины: здесь к 121 статье Судебника приписан закон царя Ивана, неизвестно в каком году изданный. По этому закону безответный вотчинник мог продавать, закладывать или отказать в монастырь по духовной только половину своей родовой вотчины без согласия родичей.

Все, что они отчуждали сверх этой половины без их согласия, отдавалось им по их челобитью безъ выкупа, а покупатель лишался своих денег. Законами 1562 и 1572 г.г. право отчуждения и завещания родовых вотчин было еще более стеснено в пользу казны, прямые говоря – в интересах службы, для предупреждения перехода вотчин в несрочимые руки. По этим законам крупным землевладельцам, князьям и боярам, вообще запрещено было отчуждать, т. е. продавать, менять или закладывать свои родовые вотчины, равно также отдавать их в приданое. Они могли в виду безвыкупной смерти завещать эти вотчины боковым родственникам, но только ближайшим – братьям, их детям и детям своих племянников, но не далее. Сверх того, запрещено было завещать вотчины вдовам, женам и дочерям и отдавать их в монастыри по душе без дозволения государя. Во всех случаях, когда по закону вотчинник терял право распоряжаться вотчиной по своему усмотрению, она по смерти его бралась в казну и обращалась на поместные дачи. Все эти стеснения были объяснены в законе 1572 г. одним главным побуждением: „чтобы службы убытка не было и земля бы из службы не выходила".

Все изложенные узаконения направлены были косвенно к удержанию служилых фамилий в ряду занимаемых ими положений по службе, которое наиболее всего терялось вследствие потери вотчин, наследственных состояний. Такие распоряжения касались только высших слоев служилого класса, княжеских и боярских фамилий, т. е. крупнейших землевладельцев, наиболее важных для службы. Но в XVII ст. мы встречаемся с другими законодательными мерами с целью затруднить и даже затормозить выход из всех, как служилых, так и тяглых состояний. Легко понять, что невозможно было превратить каждого служебного человека в замкнутое сословие; среди массы господствовало постоянное движение: служилые беспрерывно выбывали вследствие убыли, предпринятой постоянно увеличивающейся колонизации

ніе лица, переводя его изъ одного чина въ другой. Бѣдный городовой сынъ боярскій, по состоянію своему способный служить только городовую осадную службу, постепенно богатѣя, запасаясь конемъ и вооруженіемъ и такимъ образомъ получая возможность нести боевую ратную повинность - ходить въ дальніе походы, переходилъ въ разрядъ городовыхъ дворянъ или даже въ выборъ. Но вся іерархія чиновъ не представляла непрерывной лѣстницы ступеней, которую одно и тоже лицо могло бы пройти съ низу до самой вершины. Въ московскомъ чиновномъ дѣленіи не было того, что потомъ бывало по табели о рангахъ, когда чиновникъ, начавшій службу, съ низшаго чина личными качествами или съ помощью служебной удачи, пробѣгалъ всю лѣстницу чиновъ и кончалъ свою государственную службу въ высшемъ чинѣ. Такихъ примѣровъ не было въ московской службѣ XVI - XVII вв. Вся лѣстница московскихъ чиновъ распадалась на нѣсколько отдѣловъ и іерархическое движеніе было возможно для лица низшаго происхожденія только на пространствѣ ступеней низшаго отдѣла. У каждаго отечества были свои доступные ему чины. Провинціальный дворянинъ, начавшій службу городовымъ сыномъ боярскимъ, могъ дослужиться до выборнаго дворянства, въ исключительныхъ случаяхъ попадать даже въ московскій списокъ, но рѣдко могъ выше дворянства московскаго. Много такихъ-нибудь посадскій человѣкъ, начавшій свою дѣятельность въ званіи молодшаго, могъ, богатѣя, стать старшимъ посадскимъ человѣкомъ, могъ даже попасть въ высшее столичное купечество, стать торговымъ человѣкомъ суконной или гостиной сотни, даже гостемъ; но мы знаемъ очень немного случаевъ болѣе крупнаго возвышенія. Нѣкоторые гости, за свою усердную службу казнѣ, награждались дѣячествомъ, помѣстьями, и даже извѣстны два-три человѣка въ XVII в., которые изъ гостей черезъ дѣячество попали въ Думу въ званіи думныхъ дворянъ. Но не было ни одного купца, который бы дослужился до боярства. Такъ у каждаго общественнаго слоя была своя чиновная карьера, свой рядъ доступныхъ ему чиновъ. Сходова-

тельно, отдельные чины были менее подвижными состояниями, чем самые чины. Чины каждого отдела отличались неодинаковыми, но однородными обязанностями и соответственно этому числа, их получавшие, должны были иметь неодинаковые, но однородные хозяйственные состояния. Так, посредством естественной группировки между чинов сами собой обозначались очертания более крупных классов, которые законодательство и обратило в сословия, сперва замкнув выход из них, а потом обособив их друг от друга специальными правами. В одной статье Судебника 1550 г. мы читаем: „а детей боярских служивых и их детей, которые не служивали, в холопи не принимати никому опричь того, кого государь от службы отставит". Точно также Судебник запрещает закладывать брать к себе в дворовую службу чиновников, которые занимали деньги в рост, а не под условием служить за рост. В XVII в. запрещение выходить из служилых и тяглых состояний становится общим и настойчивым стремлением московского законодательства. Так закон 9 марта 1642 г. безусловно запретил вступать в холопство дворянам и детям боярским. Точно также еще Уложение принимается меры против закладничества, т. е. против вступления в личную зависимость к правому всегда не прекратить или без этого права. Уложение окончательно запретило тяглым посадским людям и крестьянам отдаваться в зависимость по служилым кабалам к церковным властям или светским землевладельцам. Детей или младших родственников своих тяглые люди могли отдавать только в холопство и притом не более, как на 5 лет. Так отменена была 88 ст. Судебника 1550 г., которая давала крестьянину право продаваться в полное холопство. В XVII в. люди православного исповедания в московском государстве вообще не могли продаваться в полное холопство. Если же принимать установленную законом 1646 г. вечность крестьянскую, то все почти общество в московском государстве, всех служилых и тяглых

лины его представляется нам сосредоточенным въ трехъ группы — служилую, посадскую и крестьянскую, которыя были зажаты съ одной стороны — со стороны выхода изъ нихъ.

Но если специальныя повинности этихъ чиновныхъ группъ стали безусловно обязательными и неизменными, далее наслѣдственными, то явилась необходимость и обезпечивавшія имъ исполненіе хозяйственныя выгоды сдѣлать исключительнымъ достояніемъ классовъ, которые несли на себѣ эти повинности. — Если служилый человѣкъ по закону несъ вѣчно-потомственную ратную службу, а посадскій тяглецъ вѣчно и потомственно тянулъ тягло по городскому промыслу, то было необходимо, чтобы никто кромѣ посадскихъ тяглецовъ не имѣлъ права промышлять въ городѣ. Такъ хозяйственныя состоянія и занятія изъ экономическихъ средствъ отбыванія государственныхъ повинностей, превратились въ исключительныя юридическія привилегіи опредѣленныхъ классовъ, направленныхъ къ удержанію ихъ въ кругу ихъ наслѣдственныхъ обязанностей, иначе говоря, превратились въ сословныя права. Отсюда возникло новое явленіе въ московской государственной порядкѣ — пріобрѣтеніе права на извѣстное хозяйственное состояніе или занятіе. Прежде хозяйственныя состоянія пріобрѣтались усиліями отдѣльныхъ лицъ, средствами гражданскаго права; каждое занятіе было всѣмъ доступно, возникало изъ свободнаго приложенія труда, руководимаго частными интересами трудящагося лица. Теперь лицо, прежде чѣмъ войти въ извѣстное состояніе должно было пріобрѣсти право на это, прежде чѣмъ принималось за извѣстныя занятія, обязано было вступить въ тотъ общественный классъ, которому это занятіе было предоставлено закономъ какъ его сословное преимущество. Изъ указаннаго правила само собою вытекало и обратное требованіе: если только служилые люди имѣютъ право владѣть землей, только посадскіе люди могутъ заниматься городскимъ промысломъ и торгомъ, то всѣ владѣющіе землей должны войти въ составъ служилаго класса, всѣ занимающіеся городскимъ промысломъ и торгомъ обязаны приписаться къ классу посадскихъ

людей. Такъ право землевладѣнія и право городского промысла и торга объединяли мелкіе чины, раздѣленные до этихъ поръ дробными различіями въ тяжести ранѣе служилыхъ и тяглыхъ посадскихъ повинностей. Такое обоюдосторонее приближеніе правила и сомкнуло преграды чины въ нѣсколько крупныхъ классовъ или сословій, придавъ имъ посредствомъ принудительной служилой приписки болѣе плотный и постоянный составъ и обособивъ ихъ другъ отъ друга.

Мѣры, направленныя къ сосредоточенію и округленію раздробленныхъ прежде общественныхъ классовъ были проведены на земскомъ соборѣ 1648 и 1649 гг. по иниціативѣ правительства или по ходатайству самихъ земскихъ чиновъ и сведены въ Уложеніи.

1., Личное землевладѣніе стало исключительнымъ правомъ служилыхъ людей и тѣхъ изъ земскихъ, которые несли какую нибудь службу по выборамъ. Боярскіе холопы и находившіеся въ сходномъ съ ними юридическомъ положеніи монастырскіе служки не могли покупать и принимать въ закладъ вотчинъ; если кто изъ служилыхъ людей находилъ такую вотчину и билъ о ней челомъ государю, она отписывалась у холопа или служки и отдавалась челобитчику въ поместье какъ конфискованная земля (Улож. XVII, 41). Тѣмъ же давали и поместій изъ государевыхъ казенныхъ земель.

2., Право торговать и промышлять въ городѣ присвоено было исключительно посадскимъ людямъ, а непринадлежавшіе къ посадскому обществу городскіе торговцы и промышленники обязаны были либо отказаться отъ своихъ торговъ и промысловъ, либо приписаться къ городскому обществу. Холопы и крестьяне, владѣвшіе въ городахъ тяглыми дворами и промышленными заведеніями – лавками, амбарами, погребами – обязаны были продать ихъ тяглымъ посадскимъ людямъ; впредь запрещалось кому либо пріобрѣтать такіе дворы и заведенія въ городахъ кромѣ посадскихъ людей подъ угрозой конфискаціи пріобрѣтеннаго имущества и торговой казни для пріобрѣтателей изъ крестьянъ и холоповъ. Крестьяне своей привозной въ

города свои товары и продавать их на гостиномъ дворѣ съ возовъ и судовъ, но не имѣли покупать и нанимать для того лавокъ въ торговыхъ рядахъ. Къ другой стороны слободы въ городахъ, населенныя нетяглыми промышленниками и торговцами, записавшимися за служилыхъ людей или духовныхъ сановниковъ, приписывались къ посадскимъ обществамъ со всѣми своими населеніями и землями. Даже дьяки духовенства и другіе вольные люди, жившіе по городамъ на церковныхъ земляхъ и занимавшіеся торгами и промыслами, записываясь въ городское тягло. Не только люди вольные, не принадлежавшіе къ какому опредѣленному состоянію, но и состоявшіе на государственной ратной службѣ по приборy и за то получавшіе казенное жалованье, занимаясь въ городѣ торговлей и промыслами, должны были тянуть городское тягло: по Уложенію такіе приборные служилые люди, оставаясь въ своихъ служилыхъ чинахъ и продолжая нести ратную службу, вмѣстѣ съ тѣмъ по своимъ торгамъ и промысламъ обязаны были записаться въ городское тягло и платить всякія подати наравнѣ съ тяглыми посадскими людьми. Исключеніе сдѣлано было только для нѣкоторыхъ разрядовъ служилыхъ приборныхъ людей; напр. для стрѣльцовъ, которые съ своихъ городскихъ торговъ и торговыхъ заведеній платили таможенныя пошлины и годовые оброки по окладу городского общества, но не были обязаны нести тягло и земскія службы наравнѣ съ посадскими людьми (Улож. XIX, 15, 17, 7, 3, 4, 11 и 12). Такимъ образомъ одно и тоже лицо могло принадлежать къ служилому и тяглому состоянію, чѣмъ для низшихъ служилыхъ людей отмѣнялось установившееся въ началѣ XVII в. правило, что ратная служба освобождаетъ отъ тягла, и обратно – тягло отъ службы.

3, Наконецъ и земледѣльческій трудъ, ставъ сословною правою, началъ объединять сельское населеніе, долго разбитое на различныя юридическія состоянія. Въ составъ этого населенія входили тяглые крестьяне и бобыли, жившіе на казенной или частной владѣльческой землѣ, безземельные служилые люди, занимавшіеся сельскими промыслами или наймомъ

работой и пашотные холопы, получавшие отъ господъ земельные участки въ пользованіе съ усадьбами и земледѣльческимъ инвентаремъ и за то работавшіе на господъ или платившіе имъ оброкъ подобно крестьянамъ; такіе пашотные холопы назывались дѣловыми и дворовыми людьми. Уложеніе ясно отличаетъ крестьянъ и бобылей, черныхъ и дворцовыхъ отъ крѣпостныхъ владѣльческихъ, а тѣхъ и другихъ отъ холоповъ: первыхъ оно причисляетъ прикрѣпленными къ землѣ, или точнѣе, къ сельскимъ обществамъ, вторыхъ и третьихъ прикрѣпленными къ лицамъ, т. е. къ землевладѣльцамъ, различая ихъ другъ отъ друга тѣмъ, что крѣпостные крестьяне и бобыли были люди тяглые, а дѣловые и дворовые холопы — нетяглые. Но въ самыхъ признакахъ, которыми различались указанныя три состоянія, заключались условія ихъ взаимнаго юридическаго сближенія. Прикрѣпляя однихъ землепашцевъ къ сельскимъ обществамъ, другихъ къ землевладѣльцамъ, Уложеніе окончательно утвердило то правило, что сельскія общества казенныхъ крестьянъ отвѣчаютъ за податную исправность поселянъ, а землевладѣльцы — за исправность своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого правила была принудительная разверстка тягла: сельскія общества и землевладѣльцы получали право отводить отдѣльнымъ крестьянамъ большіе или меньшіе пахотные участки соразмѣрно съ ихъ рабочими силами и налагать на нихъ подати соразмѣрно съ отведенными участками. Эта принудительная разверстка внесла важныя перемѣны въ юридическій составъ сельскаго населенія. Съ одной стороны она уничтожала юридическое различіе между крестьянами и бобылями: принадлежность къ тому или другому изъ этихъ состояній опредѣлялась не выборомъ самого тяглаго землепашца, а хозяйственнымъ усмотрѣніемъ общества или землевладѣльца, которые разверстывали тягло. Съ другой стороны эта разверстка уничтожала и дѣловое юридическое различіе между крестьянами и пашотными холопами. Сумма податей, падавшая на тяжебныя, опредѣлялась количествомъ тяглыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, значившихся въ нихъ по писцовой книгѣ. Но податныя тяготѣли

предоставлено было разверстывать окладную единицу на них вла-
дельцу между всеми крепостными его хлебопашцами, как он фо-
ликом, и недоимки взыскивались сборщиками как с тяглых
крестьян, так и с нетяглых пахотных холопов. Поэтому в
писцовых книгах 1646 и 1678 г., когда производены были общие пере-
писи тяглых людей, обозначались и дворы дьяловых и задворных
холопов на ряду с крестьянскими и бобыльскими, хотя этих
холопов закон еще не признавал прямо тяглыми людьми.
Так подготовлялось слияние бобылей и пахотных холопов
с крестьянами в один класс, завершенное введением подуш-
ной подати при Петре. Наконец, юридический состав сельского
населения упрощался еще тем, что Уложение, прикрепляя ка-
зенных крестьян к сельским обществам, а владельческих к
владельцам, распространило это прикрепление и на детей
и родственников крестьянок, которые жили в его дворе, не неся
своих тягостей и считались до того пор вольными людьми.

Таковы были три крупные группы, на которые стало
распадаться с половины XVII в. гражданское общество в москов-
ском государстве по сословным правам.

XXI.

Лестница чинов как источник сословных прав. – Первона-
чальное значение чиновной чести в московском праве. – Даль-
нейшее юридическое осложнение этого значения. – Новая фор-
ма сословного законодательства в XVII в. – жалованная со-
словная грамота. – Отношение нового сословного строения
общества к прежнему чиновному. –

2. Другим источником сословных прав в московском
государстве XVII в. была честь чинов. Это был своеобразный и
довольно сложный юридический институт, выработанный древне-
русским правом. Первоначально под этим термином раз-
умелось значение, какое придавал закон известному чину и
в котором выражалась государственная оценка нравственной

пользы, приносимой государству разными общественными чинами. Наиболее осязательной формой, въ которой выражалась эта оценка чиновной чести, служило наказание за безчестье, т. е. за оскорбление лица действіемъ и преимущественно „неприличными словами". Наказания за безчестье различались по чинамъ какъ оскорбленной, такъ и оскорбившей стороны и были очень разнообразны: за безчестье подвергали денежнымъ пенямъ, тюремному заключенію, тѣлеснымъ наказаніямъ и позорному обряду отсылки виновнаго головою къ потерпѣвшему. Котошихинъ описываетъ обрядъ отсылки головою за боярское безчестье. Пристава вели подъ руки обидчика на дворъ къ обиженному боярину и ставили его на нижнемъ крыльцѣ, на которое вызывали къ двору и обиженнаго. Дьякъ прокричитъ послѣднему рѣчь, говоря, что государь указалъ и бояре приговорили за его боярское безчестье отвесть обидчика къ нему головою. Обиженный благодаритъ за царскую милость, а обидчика позволяетъ отпустить домой. На другой къ обиженному какъ и стоя на дворѣ у него, обидчикъ пользовался правомъ безнаказанно „лаять и безчестить всякою бранью обиженнаго", который „за тѣ злыя неличивыя слова" ничего не смѣлъ сдѣлать съ обидчикомъ подъ опасеніемъ усиленной кары. Уже въ Судебникѣ 1550 г. встрѣчаемъ сложную тарифъ денежныхъ штрафовъ за безчестье людей разныхъ чиновъ, который былъ еще больше развитъ Уложеніемъ 1649 г. Судебникъ между прочимъ назначалъ брубей пени (около 350 р. на наши деньги) за безчестье „добраго боярскаго человѣка", т. е. служилаго служилаго холопа, ходившаго въ походы съ господиномъ, тогда какъ безчестье свободнаго крестьянина оплачивалось впятеро дешевле. На низшихъ чиновъ холопъ ставилъ очень низко и не пользовался правами свободнаго лица, какъ и не несъ никакихъ прямыхъ государственныхъ обязанностей; но государство цѣнило пользу, приносимую имъ какъ вооруженнымъ спутникомъ служилаго ратника и за эту пользу ставило его выше тяглаго крестьянина. Значитъ, чиновная честь лица опредѣлялась собственно не положеніемъ его чина на чиновной лѣстницѣ, а приносимой имъ государственной пользой, прямой или косвенной. Но если въ различіи наказаній

за безчестье по чинамъ оскорбленныхъ выражалась оценка не столько достоинства самаго чина, сколько государственной полезности чиновнаго лица, что наоборотъ — въ различіи наказаній за безчестье по чинамъ овдиховъ выражалась оценка не столько этой полезности, сколько значенія чина, къ коему бы онъ ни пріобщался — засечной или городовой. По Уложенію дурные люди за оскорбленіе патріарха описывались къ нему головою, служилые по отечеству наказывались батогами, а тяглые и служилые по прибору — кнутомъ на площади и сверхъ того пожизненнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ (Уложс. X, 27-31). Родъ государственнаго служенія сообщалъ лицу извѣстное достоинство, которымъ опредѣлялся и родъ наказанія за извѣстныя преступленія и проступки. Для людей высшихъ чиновъ, руководившихъ управленіемъ, это достоинство служило средствомъ цѣлесообразнаго исполненія ихъ правительственныхъ обязанностей: они должны были имѣть авторитетъ, необходимый для поддержанія въ управленіи порядка и повиновенія. Поэтому законъ не подвергалъ ихъ за одни и тѣ же проступки однаковымъ наказаніямъ съ людьми низшихъ чиновъ. Вотъ почему въ древней Руси думные люди и высшее духовенство были свободны отъ тѣлесныхъ наказаній. Такимъ образомъ чиновная честь была первоначально личнымъ преимуществомъ, которое либо прямо связывалось съ чиномъ, либо пріобрѣталось службой государству независимо отъ чина: походный холопъ былъ одного чина съ простымъ, но честь перваго цѣнилась впятеро дороже чести послѣдняго.

Съ теченіемъ времени юридическій составъ чиновной чести осложнился: къ личнымъ преимуществамъ присоединились матеріальныя выгоды, которыя также извлекались изъ чиновныхъ обязанностей, но не служили обезпеченіемъ ихъ исправнаго исполненія. Такъ, согласно съ правиломъ, что вина платитъ земли имѣетъ только тотъ, кто несетъ службу ратную, приказную или земскую, право земледѣлыванія вотчиннаго и помѣстнаго въ московскомъ государствѣ усвоено было высшему столичному купечеству, несшему наиболѣе тяжелыя казенныя службы, какъ и посадскимъ людямъ, которыя

выбирали въ земскіе старосты. Но землевладѣніе для этихъ людей не соединялось съ воинской повинностью, падавшей на служилыхъ землевладѣльцевъ и такимъ образомъ становилось чистымъ сословнымъ изъ правомъ. Можно такое ихъ значеніе поэтому признанное закономъ въ XVII в. право служилыхъ землевладѣльцевъ на крѣпостной трудъ ихъ крестьянъ: раньше повинность этихъ землевладѣльцевъ обусловливалась вотчинными и помѣстными землевладѣніями, а не этимъ правомъ, хотя послѣднее было тѣсно связано съ первымъ. Такимъ образомъ землевладѣніе гостей и земскихъ старостъ и владѣніе крѣпостными крестьянскими руками получили характеръ сословныхъ правъ, не соединенныхъ съ соотвѣтствующими обязанностями, стали наградой за службу, а не средствами или условіями службы. Этотъ новый родъ сословныхъ правъ, возникшихъ изъ юридическаго развитія чиновной чести, усилилъ обособленіе чиновныхъ группъ, раздѣленныхъ правами, которыя, какъ мы видѣли, возникли изъ превращенія экономическихъ состояній или занятій въ исключительныя привилегіи извѣстныхъ классовъ.

Таково было происхожденіе сословныхъ правъ въ московскомъ государствѣ. Этимъ новымъ юридическимъ явленіемъ вызванъ былъ и новый родъ законодательства. До XVII в. московское законодательство, устрояя общественные классы, опредѣляло преимущественно ихъ государственныя обязанности. Въ XVII в. встрѣчаемъ законодательный памятникъ, который говоритъ о сословныхъ правахъ: это - жалованная грамота гостямъ и гостиной сотнѣ, данная 26 августа 1648 года. Въ этотъ актъ воспроизведена грамота, пожалованная высшему столичному купечеству еще въ 1613 г., вскорѣ по воцареніи Михаила. Гости и гостиной сотнѣ присвоялись этой грамотой очень важныя привилегіи: между прочимъ ихъ дворы освобождались отъ тягла и постоя; они сами, ихъ дѣти и прикащики въ поѣздкахъ по торговымъ дѣламъ не подлежали суду мѣстныхъ областныхъ управителей; иски на нихъ принимала только московскій казенный приказъ. Эта грамота о правахъ высшаго купече-

стала была предвестницей жалованных сословных грамот Екатерины II.

Новая группировка общественных классов, начавшая обозначаться с половины XVII века, не устраняла прямо прежнего чинового деления общества, а только прикрывала его на первое время; но она по самым своим основаниям отличалась от этого деления. Чины, во-первых, были дробные и исключительно хозяйственно-служебные состояния, принадлежность к которым в значительной степени зависела от воли самих лиц; новые, более крупные, общественные группы представляли более устойчивые классы, которые закон даже стремился сделать замкнутыми и принадлежность к которым определялась преимущественно происхождением лиц независимо от экономического их положения. С другой стороны чиновое деление основывалось на различии государственных обязанностей, а новые крупные классы различались между собою еще и правами. Этот последний признак и сообщал новым классам характер сословий в настоящем смысле слова, потому что, как было замечено во вступлении к курсу, существенным и наиболее осязательным признаком сословного деления служит различие прав, а не обязанностей.-

Но не устраняя прямо прежнего чинового деления, новая сословная группировка общества косвенно содействовала разрушению старой иерархии чинов, подготовленному рядом других условий.-

XXII.

Разрушение чинового склада русского общества. — 1) Первый процесс этого разрушения. А. Перемены в приказной службе. Смешение генеалогических слоев военного служилого класса в московской государстве по закону 12 Января 1682 г. Табель о рангах. — 2) Преобразование земского управления при Петре I. Указы 30 января 1699 г. Введение дворянства в порядок земского управления: дворянские советы при воеводах, ландраты и земские комиссары. — 3) Превращение специальных и чиновных повинностей в общесословные. Распространение военной повинности на тяглых людей, на членов духовенства и на холопов. Распространение податного тягла на служилых людей, холопов и косвенно на землевладельцев. — Сословный состав русского общества после первой ревизии. —

Ход начавшегося приблизительно с половины XVII в. разрушения чинового склада русского общества обозначился тремя процессами соответственно трем основаниям, на которых построены были различные части старой лестницы чинов. Верхняя ступень этой лестницы, как мы видели, держалась на разверстке приказной службы между служилыми людьми по отечеству, средняя — на распределении казенных поручений между земскими людьми по личному доверию, наконец нижняя — на раскладке ратной службы и тягла между служилыми и земскими людьми по их фактическим состояниям. Каждое из этих оснований и начало колебаться с половины XVII в. частью под влиянием уровней, вызвавших новое сословное деление общества.

1) Первый процесс разрушения чинового склада общества обозначился постепенным изменением характера приказной службы, обязанности которой разверстывались между служилыми людьми по отечеству. Эта разверстка была тесно связана с теми генеалогическими спорами, из которых состоя-

вился высший служилый классъ въ московскомъ государствѣ XVI и XVII в.в. Правительственныя полномочія, требовавшія большого или меньшого авторитета со стороны уполномоченныхъ лицъ распредѣлялись по отечеству или происхожденію посѣдшихъ, которымъ обусловливалось въ древней Руси общественное значеніе лица. Но съ начала XVII в. генеалогическіе слои высшаго служилаго класса, прежде рѣзко различавшіеся между собою, стали замѣтно смѣшиваться: старыя родовитыя фамиліи, княжескія и боярскія, выигравшія или бѣдныя и падшія; новые незнатные люди личной заслугой или случайной удачей возносились наверхъ, достигали вліятельнаго положенія въ управленіи, богатѣли и становились родоначальниками новой аристократіи. Такимъ образомъ высшіе чины постепенно теряли свое старое основаніе, переставали быть выраженіемъ породы и становились отличіями по личной заслугѣ или выслугѣ. Эта перемѣна въ составѣ высшаго служилаго общества уже въ XVII в. повела къ отличію мѣстничествах, на которомъ держались старые высшіе чины. Коммиссія, составленная въ 1681 г. изъ выборныхъ служилыхъ людей подъ предсѣдательствомъ князя В. В. Голицына для выработки плана новаго военнаго устройства, составивъ проектъ новой организаціи военныхъ частей, предложила назначать къ командованію изъ всѣхъ служилыхъ фамилій „безъ мѣстъ и безъ подбора", т. е. не по отечеству, какъ прежде, а по личной годности или заслугѣ. Это предложеніе было принято Государемъ и Думой, приговорившими 12 января 1682 г. отмѣнить „богопротивное и враждотворное мѣстничество." Съ того времени совершенно измѣнилось отношеніе сословнаго положенія служилаго лица къ служебному чину. Прежде этотъ чинъ опредѣлялся принадлежностью лица къ извѣстному генеалогическому слою служилаго класса; теперь, наоборотъ, пріобрѣтеніе извѣстнаго служилаго чина вводило лицо въ составъ высшаго служилаго класса, какого бы оно ни было происхожденія. Эта перемѣна выражена между прочимъ въ лаконическомъ указѣ Петра 16 января 1721 г. Указъ этотъ гласитъ: „всѣ обѣръ-офицеры, которые изъ шляхетства, оные не имѣютъ дворянства, а имѣютъ чины по пожалованіи

купив дворянин и нафискалить чтоб дать патенты на дворянство. Наконецъ, Петръ неразъ и настойчиво выражалъ мысль, что дворянское происхождение само по себѣ безъ извѣстнаго лица, пріобрѣтеннаго службой, не даетъ никакихъ правъ. Этимъ совершенно разрушалось основаніе старой системы служилыхъ чиновъ и выдвигалась необходимость новаго чиновнаго распорядка служилаго сословія. Этотъ распорядокъ былъ установленъ упомянутой 24 января 1722 г. таблицей о рангахъ всѣхъ чиновъ. По этой таблицѣ всѣ должности распредѣлены на три параллельныя ряда должностей военныхъ, статскихъ и придворныхъ и каждый рядъ разбитъ на 14 ранговъ или классовъ. Лѣстница военныхъ должностей начинается генералъ-фельдмаршаломъ и оканчивается фендрикомъ; во главѣ іерархіи статскихъ ранговъ поставлены, во первыхъ, канцлеръ, во вторыхъ дѣйствительные тайные совѣтники, а внизу провинціальные секретари и коллежскіе регистраторы (классы 13-тый и 14-тый). Надобно замѣтить, что эти четырнадцать классовъ не были простымъ числомъ или случайнымъ отдѣленіемъ, не соединенными съ опредѣленными должностями, какъ теперь; къ каждому классу отнесена была одна должность или цѣлая группа равностепенныхъ должностей; такъ въ четвертомъ статскомъ классѣ числились кромѣ регистраторовъ при коллегіяхъ еще комиссары при коллегіяхъ, фискалы при дворцовомъ судѣ, земскіе комиссары, губернскіе полицеймейстеры и прочіе. Въ пятомъ классѣ, которымъ сопровождалась таблица о рангахъ, выражено было основаніе новаго чиновнаго дѣленія. Такъ въ одномъ пунктѣ сказано, что всѣ служащіе первыхъ восьми ранговъ (не ниже секретаря и коллежскаго ассессора) съ потомствомъ своимъ причисляются къ высшему старшинству „во всякихъ достоинствахъ и авантажахъ, хотя въ иныхъ мѣстахъ природы боленъ". А въ другомъ читаемъ, что хотя сыновья россійскаго природнаго дворянства не откупаются для службы изъ вотчинъ свободно доступъ ко двору и отечеству, гдѣ они другихъ во всякихъ достоинствахъ по достоинству отличать могутъ, однако за это одно никому изъ нихъ никакого ранга не дается, только они государю и отечеству прежде не покажутъ изъ

онныя характера (чести и чина) не получали. Введеніемъ этой таблицы завершена была перестройка высшаго служилаго класса, которую можно выразить такими словами: чиновныя обязанности придворной службы, постепенно теряя связь съ генеалогическимъ составомъ высшаго служилаго класса, превратились въ простыя должностныя полномочія.

2., Подобная перемѣна произошла при Петрѣ и въ порядкѣ управленія земской службы. Мы знаемъ, что самымъ тяжелымъ видомъ ея была служба въ ямской, на расходы которой основывалось дѣленіе тяглаго высшаго юрисдикціи. Безпощадное и энергичное исполненіе казенныхъ порученій по сбору податей, пятенныхъ и другихъ доходовъ благонадежными торговыми людьми вызывалось недостаткомъ у казны собственныхъ органовъ, пригодныхъ для этого дѣла. При Петрѣ возникла мысль сложить обязанности ямского управленія съ городскихъ обывателей и отдать всѣ косвенные налоги на откупъ или поручить ихъ сборъ отставнымъ офицерамъ и солдатамъ. Указами 13 апрѣля и 11 мая 1722 г. предписано было всѣ казенные доходы, собиравшіеся на ямъ, постепенно отдать на откупъ, а пока посадскихъ людей къ такимъ сборамъ не выбирать, замѣнивъ ихъ отставными офицерами, дворянами и рядовыми: въ помощь имъ велѣно было выбирать съ значеніемъ подчиненныхъ цѣловальниковъ, таможниковъ и „бородачей", на которыхъ эта повинность была положена, какъ наказаніе за ихъ упорную привязанность къ старообрядчеству и бороду. Попытка отдать ямское управленіе получаетъ тѣмъ большее значеніе, что была предпринята чрезвычайно безъ достаточной подготовки. Изъ указа 9 декабря 1723 года узнаемъ, что во всѣ губерніи къ казеннымъ сборамъ прислано изъ военной коллегіи только 475 человѣкъ отставныхъ, тогда какъ требовалось всѣхъ около 7000 сборщиковъ. Пришлось обращаться опять къ выборнымъ сборщикамъ изъ купечества и посадскихъ людей тѣмъ, гдѣ не доставало отставныхъ военныхъ. Значитъ, потребность снять повинности ямской службы съ городского населенія явилась рано, чѣмъ нашлись какіе-нибудь удобные спо-

для, которыми можно было бы удалить вырных голов и целовальников. Понятно, что по мере того, как крепостное освободилось от этих повинностей, исчезало и основанное на них развернутое старое чиновное деление этого класса. - В то время как падали претензии старой земской службы по личному доверию, служившему основанием внутреннего управления, земская служба по мирской нарядке развивалась и в дальнейшем развитии своем получила новый характер. В царствование Грозного земские миры, городские и сельские получили право управляться выборными земскими старостами и целовальниками, которые творили среди них суд и собирали с них казенные подати. Миры, избиравшие этих старост и целовальников, отвечали перед правительством за их деятельность. Эти земские выборные заменили коронных областных управителей - наместников и волостелей, которые оказались непригодными к делу. В XVII в., когда во главе каждого уезда стояла воевода, коронный управитель с широкими военно-гражданскими полномочиями, земские старосты и целовальники остались в положении второй степени управителей и делали для них всю черную работу управления, утратив всякую самостоятельность. В царствование Алексея правительство начало попытки к восстановлению упраздненного воеводами земского самоуправления. Петр продолжал и осуществил эти попытки. Двумя указами 30 января 1699 г. предоставлено было торгово-промышленному населению столицы и других городов, а также и крестьянам государевых сельских волостей, „буде они пожелают", управляться своими выборными бурмистрами, которые вместе с ними будут судить и собирать государственные налоги. За освобождение от воевод и приказных людей города должны были только платить удвоенные оклады казенных податей. Возникшая по этим указам московская бурмистерская палата и городовые ратуши были похожи, в конце царствования Петра, преобразованы в магистраты. Этим учреждением не только восстановлялось, но и расширялось городское самоуправление. Городские выборные управители, прежде служившие

отвлеченными замѣстителями коронныхъ областныхъ воеводъ, теперь получили значеніе блюстителей сословныхъ интересовъ выбравшихъ ихъ городскихъ обществъ. Законодательство Петра не обязывало городскихъ избирателей строгой порукой за избираемыхъ управителей. Какимъ образомъ выборное земское управленіе, имѣвшее прежде характеръ земской служебной повинности, теперь получило въ городахъ значеніе сословнаго права. — Вскорѣ по учрежденіи бурмистровъ, это право было распространено и на благородное дворянство. Въ XVII в. дворянство въ составѣ областныхъ міровъ стояло довольно уединенно: сомкнувшись въ уѣздныя корпораціи, оно имѣло очень мало связи съ другими классами и оказывало слабое дѣйствіе на ходъ мѣстнаго управленія, выбирая изъ своей среды лишь на нѣкоторыя второстепенныя должности уѣздной администраціи. Губные старосты, избиравшіеся изъ среды уѣздныхъ служилыхъ людей всѣми классами мѣстнаго общества, были отмѣнены незадолго до царствованія Петра. Вслѣдствіе этого учрежденія Петръ открылъ дворянству болѣе широкое и прямое участіе въ мѣстной администраціи и этимъ органически ввелъ сословіе въ систему общественнаго земскаго управленія. Указомъ 10 марта 1702 г. при уѣздныхъ воеводахъ учреждены были дворянскіе совѣты по выбору уѣздныхъ дворянскихъ обществъ. Эти выборные дворяне-совѣтники должны были вѣдать всѣ дѣла съ воеводами, „а одному воеводѣ безъ нихъ, дворянъ, никакихъ дѣлъ не дѣлать". Послѣ того какъ въ 1708 г. введено было новое дѣленіе Россіи на губерніи, уѣздные дворянскіе совѣты замѣнены были провинціальными совѣтами при губернаторѣ. Указомъ 24 апрѣля 1713 г. предписано было дворянствамъ каждой губерніи, смотря по величинѣ ея, выбрать восемь, десять или двѣнадцать <u>кандидатовъ</u>, которые „должны были всѣ дѣла съ губернаторомъ дѣлать и подписывать и губернаторъ у нихъ не яко властитель, но яко президентъ", оставаясь отъ нихъ только тѣмъ преимуществомъ, что онъ при голосованіи вопроса принадлежащаго два голоса. Эти кандидаты не только составляли совѣтъ при губернаторѣ, но не принимали непосредствен-

ное участие въ управленіи губерніей. Вся губернія раздѣлялась на нѣсколько округовъ и во главѣ каждаго изъ нихъ становился ландфогтъ. Въ 1719 г. магистраты исчезаютъ, но участіе дворянства въ мѣстномъ управленіи не прекращается. Указомъ 26 ноября 1718 г., предписавшимъ произвести первую ревизію и расквартировать полки по уѣздамъ для содержанія ихъ новыми подушными сборами, велѣно было дворянамъ каждаго уѣзда выбирать ежегодно земскаго комиссара для сбора этой подати. Сверхъ этого сбора январьской инструкціей 1719 г. на земскихъ комиссаровъ возложены были разнообразныя полицейскія обязанности. Они должны были наблюдать надъ мѣстными откупщиками казенныхъ доходныхъ статей, смотрѣть за правильнымъ отбываніемъ рекрутской повинности, за устройствомъ и безопасностью путей сообщенія, за правоспособностью и повѣдѣніемъ обывателей уѣзда, также содѣйствовать отправленію правосудія имъ. Земскій комиссаръ, по окончаніи срока своей службы, обязанъ отдать въ судъ дворянскому уѣздному дворянскому обществу, которое за неисправность и злоупотребленія можетъ предавать его суду и подвергать наказанію. Такимъ образомъ земское самоуправленіе при Петрѣ было не только ограничено въ правахъ, но и распространено на сельское и городское населеніе. Какъ дворянское, такъ и городское самоуправленіе теперь обильно было полицейскими функціями, сосредоточенными въ рукахъ ландфогтовъ. Областной коронной администраціей управлялось, такимъ образомъ, какъ городское, такъ и сельское населеніе, причемъ въ городахъ сохранилось только право надзора за правильностью выбора и управленіемъ ими, а въ сельскихъ мѣстностяхъ земскіе комиссары выбирались дворянами и утверждались воеводами. Обязанности земской службы по отношенію къ дворянскому сословію, какъ мы видѣли, указомъ 1714 г. были распространены на городское дворянское общество. Такимъ образомъ, дворянское общество при Петрѣ сосредоточило въ своихъ рукахъ всѣ должности по выборамъ, какъ военныя, такъ и гражданскія.

3., Классовое зрение древне-русского общества, как мы видели, держалось на том, что на каждой классе падала особая государственная повинность. Повинностей общих всем сословиям или всесословных не существовало. Со времени Петра эти специальные повинности стали обобщаться, распространяясь с одного класса или группы классов на другие. Это обобщение начались с низа общества. Военная повинность, прежде падавшая прямо только на служилых людей по-отечеству или по-прибору теперь стала распространяться и на низшие классы. Готовясь к Северной войне, Петр произвел рекрутский набор и с тяглого населения, посадских людей и крестьян. Такие наборы повторялись периодически в продолжение всего царствования. Мало того. Петр ухудшил положение военную повинность и на классы, прежде свободные от всякой государственной обязанности — на дворовых и вольных наемных людей. По указам 1 февраля и 31 марта 1700 г. все восьмнадцатилетние, годные к службе, должны были записаться в солдаты, а холопы могли вступать в военную службу без отпуска и позволения своих господ. Первоначально Петр думал привлечь к военной службе только дворовую челядь, к которой принадлежали холопы господ. Начав войну с Турцией в 1711 г., он указом 1 марта потребовал и господ пренятых им дворовых людей в солдаты. Вместе с этим и подати стали распространяться как на холопов, так и на тяглых людей. Записывая в солдаты способную к службе дворовую челядь, Петр еще до ревизии окончательно и прямо положил подать на холопов наравне, живших особыми дворами и называвшихся дворовыми и задворными людьми. Наконец, первая ревизия сгладила и это различие между холопами дворовыми и тяглыми. Указом 1719 г. сам-второй подушная подать распространена была на всех разряды как тяглых людей, так и холопов. Большая часть тяглых людей записана была в ревизские сказки за землевладельцами, на землях которых застала их ревизия, и таким образом попала к ним в крепостную зависимость. Вместе с

этими и рекрутские наборы стали производиться съ тяглыхъ людей и съ холоповъ совершенно на одинаковыхъ основаніяхъ съ крестьянами по одному рекруту съ извѣстнаго количества дворовъ. Такимъ образомъ исчезли оба эти класса, слившись съ крѣпостными крестьянами въ одно сословіе крѣпостныхъ людей. Сохранилось различіе между дворовыми людьми и крестьянами, но оно было только фактическое, а не юридическое, какое существовало прежде между крѣпостными крестьянами и холопами какъ такими людьми тяглыми и нетяглыми. Подушная повинность вскорѣ стала и на самихъ владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ. Такъ они не подлежали подушной подати, но указы о первой ревизіи окончательно закрѣпили за ними отвѣтственность за казенные платежи ихъ крѣпостныхъ людей. Недоимки за этихъ платежей стали взыскивать съ самихъ владѣльцевъ. Такъ <u>спеціальныя повинности тяглой службы и подати стали распространяться на большее количество классовъ, постепенно превращаясь во всесословныя государственныя обязанности.</u> Этимъ обобщеніемъ повинностей завершилось юридическое стираніе прежнихъ чиновъ, т. е. разрушеніе чиновнаго склада русскаго общества.

Посредствомъ изложенныхъ трехъ процессовъ, разрушившихъ основаніе іерархіи чиновъ, чиновное дѣленіе, прежде прикрывавшееся сословіемъ, ко второй четверти XVII в. растворилось въ послѣднемъ. По мѣрѣ того, какъ государственныя повинности, обобщаясь, переставали дробить общество на мелкіе части, развивались сословныя права, не связанныя съ повинностями. Эта перемѣна сначала перешла государственнаго порядка со старыхъ основаній на новыя. Московское государство брало въ свое распоряженіе во имя общаго блага всѣ силы и средства общества, не оставляя простора частнымъ интересамъ отдѣльныхъ лицъ и классовъ. Это подчиненіе частныхъ интересовъ государственнымъ и выразилось въ чиновной разверсткѣ спеціальныхъ государственныхъ обязанностей. Петръ завершилъ эту разверстку, распространивъ почтовыя спеціальныя повинности отдѣльныхъ чиновъ на цѣлыя ихъ группы или даже на все общество. Но съ

его смерти началось обратное движение. Некоторыя сословія постепенно освобождались отъ своихъ прежнихъ обязанностей и при этомъ не только сохраняли свои прежнія права, но и пріобрѣтали новыя. Этими правами, какъ частными, такъ и политическими, опредѣлялся все болѣе расширявшійся просторъ, какой государство предоставляло свободной дѣятельности нѣкоторыхъ сословій. Движеніе это началось къ дворянства и слѣдомъ затѣмъ городское торгово-промышленное населеніе. Условія, вызвавшія это движеніе и его ходъ и слѣдствія для русскаго общества часто цитируемъ мы обычнаго курса Русской Исторіи.(*) Права, которыя пріобрѣли впродолженіе XVII в. дворянство и городское населеніе, выражены были въ жалованныхъ грамотахъ 1785 г. этимъ сословіямъ, которыя вошедшія тогда въ составъ ихъ дополнили ряженіе привилегированныхъ состояній. Законодательство XIX в. постепенно распространяло и распространяетъ эти права и на другія, прежде обдѣленныя сословія, уравнивая передъ закономъ всѣ состоянія.

(*) „Новая русская исторія", изд. проф. В. О. Ключевскимъ въ 1885 г. (изд. А. Ишхова), стр. 265.

Обзоръ прочитаннаго и главный выводъ.

Теперь бросимъ взглядъ на всѣ изученныя нами явленія. Мы видѣли, какъ и на какихъ основаніяхъ держалось и передвигалось русское общество до второй четверти XVII в. Эти передвиженія были довольно часты и разнообразны. Чтобы лучше запомнить ихъ историческую преемственность, мы ихъ изложимъ еще разъ въ общемъ перечнѣ.

Первоначально, во времена, предшествовавшія древнѣйшимъ памятникамъ нашего права, общество распалось на завоевателей и завоеванныхъ, изъ которыхъ первые старались присвоить себѣ всѣ права, оставляя послѣднимъ только обязанности. Но въ древнѣйшій періодъ памятниковъ права это дѣленіе отразилось едва замѣтно. По этимъ памятникамъ мы застаемъ русское общество въ X–XII вѣкахъ разорвавшимся уже не по праву матеріальной силы, а по отношеніямъ лишь къ верховной власти, т. е. по закону: завоеватели превратились въ княжихъ слугъ, въ управителей, въ органы княжеской власти, завоеванное – въ людей, въ управляемыхъ, данниковъ князя. Но кромѣ этого различія въ отношеніяхъ того и другого класса къ князю они различались между собою еще общимъ признакомъ – неодинаковымъ отношеніемъ закона къ лицамъ: жизнь органовъ княжеской власти и пріобрѣла лишь высшую цѣнность по закону дороже, т. е. ограждалась государствомъ заботливѣе, чѣмъ жизнь лицъ другихъ классовъ. Но уже въ XII в. становится замѣтно болѣе дробное дѣленіе общества по правамъ – наборъ, смердовъ, закуповъ и пр. По происхожденію своему это дѣленіе было экономическое: классы различались по хозяйственнымъ состояніямъ. Но такъ какъ законъ присвоилъ юридическія послѣдствія этого хозяйственнаго неравенства не связывая въ нихъ различія правъ, но они состояли только изъ различія сословій. Легко замѣтить историческую связь этого новаго сословнаго дѣленія съ болѣе раннимъ – съ распаденіемъ общества по отношеніямъ лицъ

къ князю на управляемыхъ и управляемыхъ: боляраме – землевладѣльцами становились обыкновенно княжіе мужи, смерды были люди, жившіе на княжой землѣ, закупы – люди, жившіе на землѣ или въ домахъ частныхъ лицъ. Такимъ образомъ новое сословное дѣленіе основалось на экономическихъ послѣдствіяхъ, вышедшихъ изъ предшествующаго дѣленія.

Въ удѣльное время общество дѣлилось на классы, различавшіеся родомъ договорныхъ услугъ или службъ въ пользу князя и родомъ выгодъ, какими они пользовались за эти услуги. И это дѣленіе построилось на послѣдствіяхъ предшествующаго: различныя хозяйственно-юридическія состоянія, образовавшіяся въ предшествующій періодъ, обусловливали неодинаковую служебную годность лицъ, т. е. иѣ способность вступать въ нихъ, а не другія обязательства съ княземъ; только привилегированный землевладѣлецъ могъ нести административную или ратную службу, смердъ – тяглецъ могъ принимать на себя только поземельное тягло и нѣкъ далѣе. Въ московскомъ государствѣ общество раздробилось на чины по роду государственныхъ повинностей. Эти повинности были тѣ же самыя службы, которыми различались классы населенія въ удѣльное время; только иѣ договорныя они превратились въ обязательныя. Они развертывались по хозяйственнымъ состояніямъ, образовавшимся въ удѣльное время подъ вліяніемъ договорныхъ отношеній къ князю; слѣдовательно, чиновное государственное дѣленіе общества основалось на экономическихъ послѣдствіяхъ предшествующаго договорнаго. Въ половинѣ XVII в. дробные чины стали соединяться въ крупныя сословныя группы, различавшіяся правами. Эти права образовались двоякимъ путемъ: одни взяты изъ превращенія хозяйственныхъ выгодъ, служившихъ средствами исправнаго отбыванія государственныхъ повинностей, въ исключительное достояніе чиновъ, которые несли соотвѣтствующія повинности; другія были выраженіемъ чести чиновъ, т. е. мѣрою государственной пользы, приносимой службой каждаго изъ нихъ. Значитъ, тѣ и другія сословныя права были послѣдствіями чиновныхъ обязанностей, служили либо средствомъ обезпеченія исправнаго ихъ исполненія, либо выраженіемъ

того государственнаго значенія, какое придавалось обязанностямъ извѣстныхъ чиновъ. Такъ, разсматривая историческую преемственность общественныхъ движеній, мы открываемъ и внутреннюю причинную связь между ними. Эту связь можно обозначить такой формулой: основаніемъ каждаго послѣдующаго движенія становились послѣдствія, вытекавшія изъ движенія предшествовавшаго. Первоначальное политическое движеніе на управителей и управляемыхъ повело къ экономическому неравенству – къ различію лицъ по хозяйственнымъ состояніямъ; различіемъ лицъ по хозяйственнымъ состояніямъ условливалось различіе договорныхъ отношеній, въ какія вступали лица къ классу привилегированныхъ; различіемъ состояній, созданныхъ этими договорными отношеніями, опредѣлилась раскладка государственныхъ повинностей, какія полагались быть на лица въ московскомъ государствѣ; изъ неодинаковой оцѣнки государственнаго значенія этихъ повинностей развилось различіе правъ, послужившее основаніемъ движенія общества на сословія, образовавшіяся изъ соединенія извѣстныхъ однородныхъ чиновъ. Каждое послѣдующее движеніе цѣпенялось за послѣдствія предыдущаго. Таковъ основной выводъ, вытекающій изъ исторіи нашихъ сословій.–

Содержаніе.

I. Введеніе. Предметъ курса, стр. 3. – Понятіе о сословіи 3. – Что такое сословное право? 4. – Отличіе его отъ привилегіи и служебнаго положенія 4 и 5. – Раздѣленіе сословныхъ правъ на политическія и гражданскія 6. – Сравнительное значеніе тѣхъ и другихъ для сословій 10. – Раздѣленіе сословныхъ обязанностей на личныя и вещественныя, на прямыя и косвенныя 11.

II. Продолженіе введенія. Постепенное исчезновеніе сословныхъ различій – общій фактъ европейской исторіи 12. – Общественный складъ, къ какому стремится современное европейское государство 12. – Наслѣдственное неравенство передъ закономъ – основаніе сословнаго дѣленія 14. – Двоякое происхожденіе сословій – политическое и экономическое 16.

III. Продолженіе введенія. Формула, выражающая ходъ уравненія сословій 19. – Мѣсто сословнаго государства въ ряду преемственно смѣнявшихся общественныхъ союзовъ 20 (см. строка 6). – Вліяніе сословнаго дѣленія на политическій порядокъ 22. – Историческій процессъ, открывающійся въ исторіи сословій 24. Памятники права, какъ единственные надежные источники исторіи сословій 25.

IV. Литература, особенности и дѣленіе на періоды исторіи сословій въ Россіи. Скудость литературы по исторіи сословій въ Россіи 26. – Постановка изученія нашей исторіи въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, какъ одна изъ причинъ этой скудости 26. – Перечень важнѣйшихъ сочиненій по исторіи русскихъ сословій 28. – Пробужденіе интереса къ исторіи русскаго общества въ 50-хъ годахъ и связь его съ реформами минувшаго царствованія 30. Научный интересъ историческаго изученія исторіи русскихъ сословій 31. – Общая

характеристика сословного процесса въ Россіи сравнительно съ западно-европейскимъ 32.– Измѣнчивость и разнообразіе основаній сословнаго дѣленія русскаго общества 32 (см. 10).– Періоды исторіи русскихъ сословій 32.–

Первый періодъ (IX–XII) 33–60.

I. Хронологическіе предѣлы перваго періода въ исторіи русскихъ сословій 33.– Завоеваніе какъ первоначальное основаніе политическаго дѣленія общества въ этотъ періодъ 33.– Военно-промышленное происхожденіе кіевскаго княжества 34.– Этнографическій и экономическій составъ общества, объединеннаго кіевскими князьями IX и X вв. 36.– Слѣды сословнаго дѣленія общества въ X и XI вѣкахъ 37.

II. Сословія по Русской Правдѣ: княжіе мужи, люди, холопы 40.– Источники холопства 41.– Политическое основаніе этого дѣленія 42. Слѣды болѣе ранняго дѣленія, имѣвшаго иное основаніе: значеніе опшинъ 43.– Экономическія подраздѣленія основныхъ политическихъ классовъ: бояре, смерды, закупы и боярскіе тіуны 44.– Связь экономическихъ различій съ юридическимъ неравенствомъ какъ основаніе этихъ подраздѣленій 45.– Три момента въ ходѣ сословнаго образованія русскаго общества въ первый періодъ 48.

III. Положеніе церкви въ русскомъ обществѣ въ первые вѣка христіанства на Руси 49.– Составъ церковнаго общества 50.– Сходство его съ государственнымъ по составу и отличіе отъ него по устройству 53.– Отношеніе церковнаго дѣленія общества къ политическому 53–54.– Вліяніе церкви на составъ государственнаго общества 54.– Перемѣны, внесенныя ею въ рабовладѣльческое право: 1., обычай благотворительнаго освобожденія по завѣщанію 54, 2) случаи обязательнаго фарроваго отпуска на волю 55, и 3., принудительный выкупъ на волю 57.– Слѣдующія этапы перемѣнъ для мірскаго и иноч-

щественнаго положенія холоповъ 59. – Выводы изъ сказаннаго 60.

Второй періодъ (XIII–XV).

XIII. Удѣльный періодъ исторіи русскихъ сословій 60–78. – Основные источники для изученія этого періода 61. – Новая сословная терминологія удѣльнаго времени 62. Видимое сходство сословнаго дѣленія удѣльныхъ обществъ съ предшествующимъ 63. – Перемѣна въ характерѣ верховной власти 64. – Исчезновеніе мысли о политическомъ подданствѣ 65. – Гражданскій договоръ и личное подданство какъ основанія политическаго порядка въ удѣльныхъ княжествахъ 65. – Отношенія къ князьямъ бояръ и слугъ вольныхъ 66.

IX. Отношеніе черныхъ или земскихъ людей къ удѣльному князю 68. – Люди подъ дворскимъ какъ переходный классъ между служилыми и черными людьми 70. – Характеръ сословныхъ отношеній къ князю, выяснившійся изъ договоровъ 72. – Дальнѣйшія договора на личное подданство 74. – Холопы и ихъ розлитіе разряды 76. – Закладни какъ переходный классъ между свободными людьми и холопами 76. – Отношенія общественнаго дѣленія въ удѣльные вѣка къ предшествующимъ 77.

Третій періодъ (XV–XVII) 79–160.

X. Классификація чиновъ въ московскомъ государствѣ 79.

XI. Продолженіе предыдущаго 84. – Таблица чиновъ московскаго государства 90. –

XII. Происхожденіе и ходъ общественнаго дѣленія въ московскомъ государствѣ 91. – Политическія основанія этого дѣленія 91. – Перемѣна въ значеніи верховной власти 92. – Отличіе власти московскаго государя отъ двухъ, ей предшествовавшихъ русскихъ типовъ верховной власти 93. – Перемѣны въ характерѣ отно-

мений государя къ обществу: 1., возникновеніе идеи политическаго подданства 95; 2.) исчезновеніе личнаго гражданскаго подданства и новое политическое значеніе званія „государевыхъ холоповъ" 95; 3.) превращеніе договорныхъ сословныхъ обязательствъ въ государственныя обязанности 97.– Общее основаніе сословной разверстки этихъ обязанностей 98.– Выводы 99.–

XIII. Практическіе пріемы разверстки государственныхъ повинностей между отдѣльными классами общества 101–103.– Пріемы разверстки между сельскими людьми по тяглу 104.– Составъ и характеръ московскаго боярства въ удѣльное время 106.– Три генеалогическіе слоя въ составѣ московскаго боярства XVI в. 107.–

XIV. Происхожденіе думныхъ чиновъ 109–113.– Обособленіе чина окольничьяго отъ чина боярина 109. Генеалогическое значеніе обоихъ этихъ чиновъ 110.– Происхожденіе и значеніе чина думнаго дворянина 111.– Устройство московскихъ чиновъ 113–117.– Дворъ московскаго государя въ XVI в. 113.– Наборъ дѣтей боярскихъ для столичной службы по закону 3 октября 1550 г. 114.– Двойной генеалогическій составъ московскаго дворянства 115.– Двоякія спеціальныя поручения – административныя и военныя, падавшія на московскихъ дворянъ сверхъ общей ратной повинности 115.– Отношеніе московскихъ чиновъ къ думнымъ 117.–

XV. Происхожденіе служилыхъ чиновъ городовыхъ 117.– Разверстка службы по землѣ и превращеніе удѣльныхъ дворовъ въ имѣнія общества служилыхъ вотчинниковъ 118.– Разверстка земель по службѣ и образованіе новыхъ обществъ служилыхъ помѣщиковъ 119.– Поземельное устройство новоприселенцевъ на опасныхъ границахъ государства 121.– Сочетаніе разверстки службы по землѣ и земли по службѣ: 1.) разрушеніе первоначальныхъ имѣній обществъ служилыхъ вотчинниковъ 123; 2.) происхожденіе двойственнаго харак-

тера и состава столичного дворянства 123; 3., установление нормы поземельной службы 124.-

XVI. Думы боярские городовые; происхождение этого звания 126.- Разверстка службы между городовыми чинами по десятням XVI и XVII вв. 127.- Отношение помещичьего землевладения к вотчинному 129.- Поместные оклады и поместные дачи 129.- Отличие городового чинового деления от московского и думного 130.- Влияние военного устройства московского государства на сословно-географическое размещение русского общества 130.-

XVII. Положение приборных служилых людей между городовым дворянством и тяглым населением 134.- Расходы приказов на устройство служилых и тяглых классов 136.- Казенные поручения и ответственность за их исполнение 137.- Главные обеспечения ответственности - вера, уговорные и порука 137.- Основное правило приказной земской службы и основание чинового деления высшего столичного купечества 138-141.-

XVIII. Основное правило разверстки тягла и основание чинового деления провинциального черного населения 142.- Состав общества в московском государстве второй половины XVI в. 145.- Его дальнейшее расслоение в числе составных слоев 145.- Отражение принципа обязательности государственных повинностей в области гражданского права 146.- Происхождение холопства докладного и кабального 147.-

XIX. Двойственное кабальное холопство на крестьянскую сходную запись и происхождение крестьянской крепости 153-156. Превращение обязательства по договору в крепость по писцовой записи 157.- Влияние крестьянской крепости на состав крестьянского населения 159-160.- Образование тяг-

лого крепостного состояния 159.— Замена казенных служеб личной зависимостью как новой повинностью крепостных крестьян 159.— Дробление крепостного крестьянства 159.— Происхождение записных крепостных крестьян 160.—

Переходный период (XVII—XVIII) 160-186.

XX. Понятие о сословных правах 160.— Отсутствие этого понятия в московском государстве XV и XVI вв. 161.— Начальный законодательный момент IV периода 161.— Двоякое проявление мысли о сословных правах в московском государстве XVII в.: 1.) сословное право как средство удерживать классы в кругу их обязанностей 162-168. Превращение чиновных выгод в сословные права по состоянию 168.— Обособление трех сословий по правам 169.—

XXI. 2.) Честь чинов, как источник сословных прав 172.— Первоначальное значение чиновной чести в московском праве 173.— Дальнейшее юридическое осложнение этого значения 174.— Новая форма сословного законодательства в XVII в.— жалованная сословная грамота 175.— Отношение нового сословного движения общества к прежнему чиновному 176.—

XXII. Разрушение чинового склада русского общества 177.— Двоякий процесс этого разрушения. 1.) Перемены в придворной службе 177-180.— Смешение генеалогических слоев высшего служилого класса в московском государстве и закон 12 января 1682 г. 178.— Табель о рангах 179.— 2.) Преобразование земского управления при Петре I. Указы 30 января 1699 г. 181.— Введение дворянства в порядок земского управления: дворянские советы при воеводах, ландраты и земские комиссары 182.— 3.) Превращение специальных чиновных повинностей в сословные 184.— Распространение воинской повинности

на тяглых людей, на дочей духовенства и на холопов 184. — Распространение подушного тягла на тяглых людей, холопов и косвенно на землевладельцев 185. — Сословный состав русского общества после первой ревизии 185. — Обзор прочитанного и главный вывод 187. —

Важнейшия ошибки.

Стран.	Строк.	Написано:	Следует:
3	св. 1	сословныя права	сословное право
5	св. 14	отличаются отъ сословныхъ: съ каждою.....	[пропускъ:] отличаются отъ сословныхъ. 1., Должностныя права чрезвычайно неравномѣрны: съ каждою...
18	св. 5	чертою капитала	а чертою капитала
22	сн. 17	генерическую	генетическую
37	сн. 16	Ибн-Даетъ	Ибн-Дастъ
40	св. 10	Источниковъ фолюстева	Источники фолюстева
47	св. 13	принимать	принимать отъ нихъ
57	св. 1.	къ такимъ	къ такимъ случаямъ
76	сн. 12	дворовыя	дворовыя службы
91	сн. 13.	пружины, механики	пружины механики
103	сн. 15	какіе	какія
125	св. 3	доброй и уголей	доброй уголей
147	сн. 8	продажа	продажа
149	св. 13	этой службы	этой службы
157	св. 6	превратится	превратится
160	сн. 12	2., сословное право какъ выражение чиновной чести	вычеркнуть.
165	св. 2	службъ	службы
168	св. 11	то было необходимо, чтобы.....	[пропускъ:] то было необходимо, чтобы никто кромѣ служилыхъ людей не владѣлъ землей, чтобы.....